

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВГУЭС. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.03.2022 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий библиотекой Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Литшенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка (г. Находка, Россия).

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук (г. Находка, Россия).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сирай, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: State educational institution of the higher education "Vladivostok State University of Economics and Service". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published:

- 07.00.02 – Domestic history (historical sciences)
- 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences)
- 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 23.00.01 – Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science (political sciences)
- 23.00.02 – Political institutions, processes and technologies (political sciences)
- 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development (political sciences)

Editorial address: 692000, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VSUES. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.03.2022. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeniy V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Head of Library, Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij A. Naumov – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Corresponding member of the International Academy of Ecology and Life Safety, Associate Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (Nakhodka branch) (*Nakhodka, Russia*).

Tatyana G. Rimskaya – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University of Economics and Service (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2022

№ 1 (60)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: "ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ" И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

От редактора рубрики 9

Бляхер Л. Е. Пространственный поворот в социологии:
новые инструменты и новые проблемы 10

Демьяненко А. Н. Постмодерн, пространственный
поворот и отечественная социально-экономическая
география 19

Леонтьева Э. О. "Пространство" и "пространства":
рефлексия над пространством как (не)обязательный
элемент теоретизирования в социальных науках 35

Киреев А. А. Российская политическая наука
в контексте "пространственного поворота" 44

Украинский В. Н., Чимитдоржиев Ж. Ж. Анри
Лефевр и полиморфность социального пространства 61

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Мельников П. Ю. Сложная крестьянская семья
Саратовской губернии в конце XIX в. 73

Чи Юйчао. Пионеры юридического образования на
российском Дальнем Востоке (1919–1922): по материалам
Государственного архива Приморского края 84

Зиганьшин Р. М. Политико-экономические
противоречия между Казанью и Москвой
во время "парада суверенитетов" 95

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Сазыкин А. М., Широкова А. В. Развитие
международного туризма в Приморском крае:
китайское направление 108

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Гриванов Р. И., Красова Е. В., Врублевский В. В.
Региональная политика по развитию международных
инвестиционных проектов в Приморском крае:
условия, перспективы, инструменты 120

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Губин А. В. Роль приграничного сотрудничества
в российско-китайском стратегическом партнёрстве 134

Сабитова Ф. Ф. Сравнительный анализ
эффективности российской и китайской научной
дипломатии по вопросам освоения Арктики 148

Владивосток
2022

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Батищев С. Д. Рецензия на монографию М.И. Роднова "Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900–1917 годы" **158**

Золотухин И. Н. Геополитические интересы Китая в Евразии. Новые партии на пространстве Великой шахматной доски **161**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кузнецов А. М. Теоретические семинары кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета **167**

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 42354.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: "Spatial turn" and its reflection in Russian science

- From the editor of the heading 9
- Blyakher L. E.** Spatial turn in sociology:
new tools and new problems 10
- Demyanenko A. N.** Postmodern, spatial turn and native
socioeconomic geography 19
- Leont'eva Eh. O.** "Space" and "Spaces":
Reflection on Space as a (In)Dispensable Element
of Theorizing in the Social Sciences 35
- Kireev A. A.** Russian political science in the context
of the "spatial turn" 44
- Ukrainskii V. N., Chimitdorzhiev Zh. Zh.** Henri
Lefebvre and the Polymorphism of Social Space 61

Historical Regional Studies

- Melnikov P. Yu.** A complex peasant family in the Saratov
province at the end of the XIX century 73
- Chi Yuchao.** Pioneers of Legal Education
in the Russian Far East (1919–1922): based on materials from
the State Archives of Primorsky Krai 84
- Zigan'shin R. M.** Political and Economic Contradictions
between Kazan and Moscow during
the "Parade of Sovereignties" 95

Economy and Nature

- Sazykin A. M., Shirokova A. V.** Development
of international tourism in Primorsky Krai:
Chinese direction 108

Political Relations and Management of the Region

- Grivanov R. I., Krasova E. V., Vrublevsky V. V.**
Regional policy of international investment projects
development in Primorsky Territory:
conditions, prospects, tools 120

World System and International Regions

- Gubin A. V.** Trans-border cooperation
within Russia-China strategic partnership 134
- Sabitova F. F.** Comparative analysis of the effectiveness
of Russian and Chinese scientific diplomacy
on the development of the Arctic 148

Vladivostok
2022

Reviews

Batishchev S. D. Review of the monograph by
M.I. Rodnov "Ufa nobles-landowners at the sunset
of the Empire. 1900–1917" **158**

Zolotukhin I. N. China's Geopolitical Interests in Eurasia.
New Games on the Space of the Great Chessboard **161**

Scientific Life

Kuznetsov A. M. Theoretical seminars
of the Department of International Relations
of the Far Eastern Federal University **167**

Editorial address: 692000, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 42354.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Начну с того, что "пространственный поворот" (spatial turn) – не самая популярная тема в отечественном обществоведении. Возможно, причина кроется в том, что и "пространственный поворот", и породивший его, по мнению многих исследователей, постмодернизм проявились в полной мере на рубеже 1970-х – 1980-х годов, то есть в тот период российской истории, когда в отечественных дисциплинах господствовал марксизм, причем в предельно догматической, советской форме.

Если же добавить к этому, что и к постмодернизму в целом, и к пространственному повороту, в частности, оказались причастны западные неомарксисты, то становится очевидным, что на внимание к результатам их исследований в таких условиях рассчитывать не стоило. В лучшем случае, можно было выступить с критикой ревизионистов, а то и ренегатов. Таково было, если предельно кратко, положение дел в советской марксистской философии и социологии. Причем социология в эти годы, после почти полувекового нахождения в тени исторического материализма, только начинала обнаруживать "признаки жизни".

В годы "перестройки", а затем в 1990-е и вплоть по настоящее время идеологические скрепы догматического марксизма ослабли, и отечественные исследователи постепенно начали осваивать достижения зарубежной мысли, в том числе связанные, так или иначе, с постмодерном. Конечно, этот процесс освоения не мог не привести к российскому приходу западных теоретических концепций. И это вполне естественно: круг задач, стоящих перед отечественными исследователями, был и остается весьма специфическим, в значительной мере отличным от тех, которые находились в фокусе их коллег в странах Запада.

Предлагаемая читателям подборка статей, по моему мнению, как раз и представляет собой прочтение каждым из авторов тех теоретических концепций, которые были порождены в социально-гуманитарных дисциплинах пространственным поворотом¹.

Вся представленная в рубрике совокупность текстов в различных ракурсах демонстрирует, что "пространство имеет значение", и не по той тривиальной и самоочевидной причине, что все происходит в пространстве, а потому, что пространство является не просто пассивным отражением социальных и культурных тенденций, но и активным их участником. И этот подход можно рассматривать как объединяющий всех представленных в данной рубрике авторов. Иначе говоря, для авторов, независимо от их научных специальностей, важно признание того факта, что пространство стало незаменимым в социальных и гуманитарных науках. В свете этого факта пространственный поворот необратим, что вовсе не отрицает его неоднородности и противоречивости, но предполагает, что исследование различных пространств и, прежде всего – российских, должно осуществляться "поверх" дисциплинарных границ.

Надеюсь, что суждения авторов статей, представленных в рубрике, станут стимулом для дискуссий о природе постмодерна, пространственного поворота и их отражения в исследовании российских пространств.

А. Н. Демьяненко

---

¹ Ранее эта тема уже обсуждалась с участием авторов данной рубрики в формате круглого стола, материалы которого были опубликованы во втором номере "Ойкумены" за 2021 г.

Пространственный поворот в социологии: новые инструменты и новые проблемы

Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Leonid743342@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется становление и трансформация одной из базовых категорий науки об обществе – "социальное пространство". Рассматриваются основные традиции понимания этой категории. Делаются предположения о причинах частичного "ухода в тень" этой категории в середине столетия, вплоть до 70-х годов XX века, а также взлете интереса к социальному пространству, который в работе и обозначили термином "пространственный поворот". Выдвигается гипотеза о связи между конфликтностью и динамизмом в социальном пространстве и интересом к нему, а также причиной, по которой именно в России этот процесс протекает наиболее ярко.

Ключевые слова: *социальное пространство, феноменологический интеракционизм, социальное поле, социальный текст, "пустое пространство", сообщество, совместность*

Для цитирования: Бляхер Л. Е. Пространственный поворот в социологии: новые инструменты и новые проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 10–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/10-18

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/10-18

Spatial turn in sociology: new tools and new problems

Leonid Efimovich Blyakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Leonid743342@mail.ru

Abstract. The article analyzes the formation and transformation of one of the basic categories of the science of society "social space". The main traditions of understanding this category are considered. Assumptions are made about the reasons for the partial "retreat" into the shadows of this category in the middle of the century, up to the 70s of the twentieth century, as well as the rise of interest in social space, which in the work was designated by the term "spatial turn". A hypothesis is put forward about the connection between conflict and dynamism in social space and interest in it, as well as the reason why this process is most pronounced in Russia.

Key words: *social space, phenomenological interactionism, social field, social text, "empty space", community, compatibility*

For citation: Blyakher L. E. Spatial turn in sociology: new tools and new problems // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 10–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/10-18

О пространственном повороте в социологии пишут уже не первое десятилетие [18]. Отправной точкой такого повышенного интереса к пространственной проблематике в социальных науках можно считать интервью М. Фуко 1967 года, идеи которого повторялись и в позднейших работах. Пространство здесь выступает привилегированной субстанцией для понимания техник власти. По существу, проводится мысль о территориальном характере власти как таковой [25]. Однако, как правило, речь идет именно о философской рефлексии явления или об анализе концепта "социальное пространство" [24]. Гораздо реже рефлексия распространялась на те новые инструментальные возможности и новую проблематику, которая возникает в связи с трансформацией концепта "социальное пространство" на рубеже XX–XXI столетий. Об этом, точнее, о некоторых новых аспектах в социологических штудиях, возникающих в связи с этой трансформацией, да и о самом смысле трансформации, пойдет речь далее.

Однако прежде обозначим, не претендуя на особенную глубину, этапы трансформации термина "социальное пространство".

Введение и активное использование концепта "социальное пространство", как правило, связывают с именем Питирима Сорокина [22] и его исследованиями социальной мобильности. Однако в его работах категория "социальное пространство" выступает не более чем удачной метафорой, позволяющей "визуализировать" систему социальных статусов и их динамику. Но пространственная проблематика вводится в науку об обществе еще в двух традициях.

В рамках феноменологического интеракционизма предметом исследования оказалось физическое пространство (близость, удаленность, формы коммуникации и различные способы организации транзакций) [26]. При всей

теоретической значимости и эвристической ценности этих и подобных им исследований [2] в них заключено значимое и трудно преодолимое противоречие. Точные и корректные исследования на микроуровне (исследования единичных и уникальных взаимодействий) с большим трудом интегрировались, а точнее сказать, не интегрировались в макроописания. Между теорией общества и точными и корректными описаниями микросоциологических взаимодействий оставалась лагуна, заполняемая часто вполне произвольными построениями. Само же пространство оставалось "ньютоновским" вместилищем тел, не обладающим собственными характеристиками. Иными словами, оно не было социальным, но лишь сценой, на которой разыгрывался социальное действие.

Но существовал третий канал вхождения концепта, точнее, семантики, связанной с категорией "социальное пространство". Правда, этот канал, наследие Г. Зиммеля [13], достаточно долгое время существовал в полузабвении. Здесь, пожалуй, присутствовала наиболее глубокая рефлексия по поводу именно социальных аспектов пространства. Речь шла о том, что объекты физического пространства и созданные артефакты становятся элементами социального пространства в тот момент, когда наделяются социальными смыслами. Собственно, механизм наделяния смыслами и его роль в организации взаимодействия и ставился в центр исследования. Однако пребывание самого автора в маргинальной зоне социологии делала это направление наименее разрабатываемым.

Какие-то аспекты этого направления можно усмотреть в социологическом исследовании городов в рамках "Чикагской школы" [21]. Здесь пространственный момент оказывался крайне значимым. Но значимым он был не в науке об обществе, но в рамках конкретных городских исследований, главным образом в моделях городской сегрегации. Важно и то, что даже задачи распространения пространственных исследований на область общей теории общества не ставилось.

В рамках же общей теории, особенно в послевоенный период, возникает и усиливается иная тенденция. В трудах Н. Лумана [16] и П. Бурдьё [7] постулировалось, что социология есть наука о социальном действии. Действие же протекает не в пространстве, а во времени. Именно там оно длительно и структурировано. В силу этого в качестве базовой, онтологической категории в социологии должно использоваться лишь социальное время, позволяющее синхронизировать социальные действия и социальные процессы. Социальное пространство, как и в построениях П. Сорокина, использовалось. Но использовалось в качестве метафоры. Наличие, скажем, в построениях П. Бурдьё или С. Сассен многочисленных "пространственных" концептов тем не менее не позволяют указать, где именно находится тот или иной статус. Более того, сам вопрос в рамках их теоретических моделей выглядит некорректным.

По существу, в послевоенный период, вплоть до 80-х годов, пространственные исследования в общественных науках находились на периферии интересов профессионального сообщества. Изменение ситуации происходило постепенно. Причем как внутри социологии, так и извне. Внешним источником стали труды географов, работающих в традиции гуманитарной географии [12]. Здесь в рамках концептов "культурный (социальный) ландшафт", "географический образ", "территориальная идентичность" и других, по существу, возрождались проблематика, некогда заданная Г. Зиммелем. Причем, что крайне значимо, возрождались она и на уровне конкретных исследований, и на уровне теоретической рефлексии [14]. Появление в географических исследованиях позиции наблюдателя и, соответственно, трансформация восприятия и изучения пространства, как представляется, была связана с тем, что сам предмет изучения оказался излишне разнообразным. Наличие различных средств коммуникации, различного доступа к ним порождало качественно различные не онтологические, но жизненные пространства, различные его образы. Это требовало рефлексии и не укладывалось в традиционные модели. Требовалось радикальное обновление инструментария [19].

Вполне понятно, что подобные штудии вызвали интерес и у социологов. Тем более что и внутри социологии начинался рост интереса к категории "пространство". Выше я упоминал о сохранении интереса к пространственным построениям в рамках социологии города. В городских исследованиях,

во многом инициированных событиями 1968 года, и начинается возрождение интереса к социальному пространству. Прежде всего, складывается представление о городском пространстве, как пространстве борьбы (Д. Харви) [28]. Однако наиболее значимы для нашего анализа идеи Анри Лефевра, тоже высказанные в связи с борьбой за город, но обладающие гораздо более широким теоретическим значением [15]. Понятно, что прежде всего речь идет об идее "производства пространства". Здесь с идеей производства пространства оказался связан целый пучок принципиально новых подходов к анализу социальных явлений. Представляется, что именно здесь было заложено основание для грядущего пространственного поворота.

Сама идея сегодня звучит не особенно ново и вполне в духе пространственных метафор П. Бурдьё. Стабильная, сложившаяся социальная группа не просто проживает в некотором пространстве, что соответствует просто представлениям, исходящим из здравого смысла, но это пространство производит, исходя из собственных задач, сложившихся принципов и способов взаимодействия, образа жизни.

Производство пространства – явление сложное. Оно включает в себя, естественно, производство инфраструктуры (дорог, каналов, энергосетей, домов, улиц, площадей и т.д.), зачастую радикально изменяющих природный ландшафт. В исторической перспективе можно говорить и о более фундаментальных изменениях: осушении болот, срытии холмов, уничтожении лесного покрова и других значимых изменениях. Но к производству пространства относится и гораздо более частные феномены, связанные уже непосредственно с борьбой за пространство.

Ведь одно и то же физическое пространство могут преобразовывать разные группы с разными целями. Скажем, значимую инфраструктуру создает власть, а "обживает" и трансформирует ее территориальное сообщество, часто более или менее сознательно разрушая то пространство, которое создано властью. Конечно, А. Лефевра, как и Д. Харви, интересовали публичные формы противостояния, борьбы за город. Однако уже в их работах описано рутинное сопротивление территориального сообщества наступлению на "свое" пространство. Последнее и заключается в продолжении производства пространства, для которого произведенная властью (иным сообществом) инфраструктура выступает только объектом преобразований [6].

Здесь возникает иное, гораздо более сложное понимание самой категории "социальное пространство". Последнее перестает быть ньютоновским "вместилищем тел", пустой сценой, на которой разыгрывается социальный спектакль. Сообщество не просто создает те или иные видимые элементы пространства, наделяет социальными (данными, конкретными) смыслами природные и культурные объекты, порожденные иными сообществами, но и структурирует их. Пустырь превращается в сельхозугодье, свалка – в источник материальных ценностей, а территории сельхозназначения становятся коттеджным поселком. В результате возникает "плотное пространство" [8], предполагающее определенные виды деятельности и препятствующее иным. При этом каждая из групп, претендующих на данное пространство, структурирует его по собственному лекалу. Несовпадение и проявляет себя как конфликт.

В результате социальное пространство представляет собой некоторую морфологическую структуру, которую каждая из претендующих на нее групп стремится наполнить собственными социальными смыслами, детерминирующими (способствующими) видам социальной и хозяйственной активности, присущим именно данным группам. Важнейшим элементом этой модели выступает категория наблюдателя. Собственно, в его глазах морфология пространства и обретает социальный характер.

В модели А. Лефевра, развитой в российской традиции А.Ф. Филипповым [24], морфология представляет собой текст, считываемый наблюдателем, в том числе деятелем, по определенным правилам, задаваемым сообществом. В момент считывания пространства и становится социальным. Правила и инструменты считывания пространства становятся предметом социологического анализа, как и конфликт этих правил и инструментов.

Взлет интереса к проблеме социального пространства после бурных событий "Большого бунта молодежи" ("событий 1968 года") связан со специ-

фическим свойством социального пространства, которое вслед за Н. Луманом мы обозначим термином "инвизибилизация" [17]. Порожденное социальное пространство укореняется, становится онтологией. Как отмечал М.М. Бахтин, каждый из нас входит в уже оговоренный, то есть наделенный социальными смыслами мир [1]. В этом состоянии оно и оказывается невидимым, не считываемым наблюдателем, превращается во "вместилище тел". Именно в этих условиях социальное действие воспринимается как разворачивающееся не в пространстве, а во времени.

Но в условиях конфликта происходит деконструкция этого текста. Скрытые механизмы наделения и считывания социальных смыслов выходят на поверхность [10]. Из данности социальное пространство становится проблемой, причем и для исследователя, и для актора, действующего в этом пространстве. Здесь оно и попадает в орбиту интереса исследователей.

Однако события последних десятилетий оказались гораздо более конфликтогенными, нежели уже забытая эпоха 1968-го года. В кратчайшие по историческим меркам сроки распадается не просто "мир социализма", но вся гигантская послевоенная структура пространства. Причем, распадается на самых разных уровнях: от глобального (исчезновение одного из центров силы) до локального (деструкция привычных ландшафтов).

Имплицитно предполагалось, что кризис – это кратковременное состояние, из которого общество (от макро до микро) вновь придет к стабильному состоянию [3]. Соответственно, предметом исследования должно выступать докризисное состояние с целью понять, что привело к кризису. Не менее значимым предметом становится и чаемая послекризисная стабильность. И в первом, и во втором вариантах места для анализа социального пространства не оказывается. Но в реальности всё протекало несколько иначе.

Вместо новой стабильности вот уже несколько десятилетий продолжается и усиливается дрейф по несогласованным траекториям отдельных элементов социального пространства, различные "порядки" (способы наделения и считывания смыслом) не сменяются один другим, но сосуществуют, конкурируя и конфликтуя. Более того, созданные в рамках одного "порядка" объекты могут оказаться наделены смыслами другого. Конфликтующие механизмы смыслонаделения выходят в этот момент на поверхность. Причем сам "момент" оказывается достаточно длительным. По крайней мере, в сравнении с человеческой жизнью. В этом, промежуточном, временном состоянии людям приходится жить, приходится приспосабливаться к нему.

В результате возникает ситуация, когда социальное действие оказывается в значительной степени детерминировано характеристиками социального пространства, точнее, локальным соотношением сил групп, производящих это пространство, борьбой за него. Причем далеко не только в пространстве города. Это и дает толчок к возникновению в социальных науках мощного движения, именуемого "пространственный поворот". Поскольку же Россия оказалась одним из центров описанных выше процессов, да и порождением их, то и процесс этот здесь выражен острее и ярче. Точнее, здесь имеет смысл говорить о нескольких, связанных друг с другом процессах, разворачивающихся на территории Северо-Восточной Евразии в последние три десятилетия.

Здесь достаточно явно выделяются несколько этапов распада социального пространства, сложившегося в годы СССР [4]. Первый этап – период деструкции и "обживания руин" во временном отношении располагается в первой трети 90-х годов. В этот период мы имеем дело не столько с производством пространства, сколько с попытками "склеить" расплывающуюся ткань, воссоздать прежнюю целостность в условиях для этого не пригодных. При этом достаточно очевидно, что чем более высоким был статус агента или группы, тем более радикальным изменениям подвергались практики, тем более отличным от прежних вариантов оказывалось производимое этими группами пространство. Потому понятно, что наименее видимые в прошлом группы (криминальные) и пространства вдруг выходят не просто на поверхность, но начинают быть образцом для производства социального пространства. Стоит отметить, что речь идет именно о локальных пространствах, с большими проблемами агрегируемых во что-то более крупное. По существу, "большое пространство в этих условиях оказывается реликтом.

Однако стоит отметить, что именно большие пространства задают (и в свою очередь задаются) крайне важные параметры социальной идентичности (политической, профессиональной, национальной и др.). Потому, вероятно, уже во второй половине 90-х годов большие пространства в региональном масштабе начинают воссоздаваться, причем в конфигурациях, существенно отличных от предшествующего (советского) социального пространства. Скажем, в пространство юга Дальнего Востока в качестве значимого элемента входит сопредельное пространство Китая. При этом граница, прежде выступавшая в качестве конечной точки коммуникации, жестко оформляющей пространство внутри (крепость СССР на Востоке, форпост) становится одним из элементов социального пространства, активно участвующим в хозяйственных и социальных практиках населения.

В отличие от предшествующего периода, когда жизнь строилась за счет использования "руин" СССР ("советский трофей"), в этот период начинается создание новых артефактов. Появляются первые коттеджные поселки ("как на западе"), многоквартирные дома необычной планировки ("повышенной комфортности"), торговые центры, куда переселяются бывшие уличные рынки. Важно отметить, что губернатор или иное лицо губернаторского уровня, ключевой политической актор того периода (примерно 1996–2004 гг.), в отличие от политического оператора советского периода, даже не ставил себе целью организацию тотального контроля над данным участком социального пространства. Его амбиции были скромнее. Он жестко контролировал основные "кормящие" отрасли территории. Однако сам контроль был не столько за деятельностью (производством), сколько за сбытом и, главное, за "распределением доходов", значительная часть которых шла самому оператору в обмен на преференции, защиту и помощь в организации транзакций. Остальное пространство оказывалось областью самоорганизации.

Стоит отметить, что значительная часть советских городов, особенно городов Востока России, выступали не столько результатом естественных агломерационных процессов, сколько результатом осознанных конструирующих воздействий власти. Такие центры можно обозначить термином "имперские города" [11]. Они в минимальной степени связаны с хозяйственной и социокультурной жизнью прилегающей территории. Их задача в другом.

Одним из проявлений того же пространственного поворота в социальных науках стал интерес к империи, не как к политическому конструкту, но как к особому типу социального пространства [30]. В модели, предлагаемой Ч. Тилли, пространство империи мыслилось как принципиально гетерогенное (в правовом, культурном и т.д.) отношении, в отличие от гомогенного пространства государства. Гетерогенные части связаны через центр, точнее, через контракт центра с местными элитами. Но при крайне удаленном пространстве возникала необходимость в центрах, способных транслировать на территорию властный импульс. Под эту задачу формировалась морфология этих городов. Конечно, и здесь возникали другие пространства ("частный сектор" [9]), но именно эти пространства власть "не видела".

Первое десятилетие после распада СССР было не только временем деструкции, но и, пожалуй, одним из немногих периодов, когда эти пространства производились группами, их населяющими, без внешнего давления. Однако процесс этот завершен не был. Городская сегрегация просто не успела сложиться, как и новые доминанты социального пространства. Они лишь начали формироваться к моменту начала следующего этапа, когда главные усилия по производству пространства принимают на себя структуры, так или иначе связанные с государством.

Под действием этого актора пространство начинает развиваться в интересах, достаточно серьезно удаленных от интересов всех, проживающих в данном пространстве территориальных сообществ. Причина здесь, как представляется, в том, что большое социальное пространство продолжало оставаться гетерогенным в самых разных отношениях. Причем за время первого десятилетия постсоветской истории это качество усилилось за счет включения в это пространство разных трансграничных участков с различной структурой (Китай, Монголия, Казахстан, Турция и др.). Но принципы управления базировались на опыте гомогенных в пространственном отношении государств модерна. В результате и возникает "порядок", принципы производства про-

странства в той или иной степени не удобный подавляющему большинству населения.

Такое положение дел не является уникальным. Нечто похожее описывает и Дж. Скотт в своих работах, противопоставляя "теоретическое (всеобщее) знание" и "метис" (знание о том, как делаются дела здесь и сейчас) [29]. Как и в случае с "Зомией" Скотта, здесь начинается сложная социальная игра, характеристики которой зависят от жесткости властного контроля над пространством. Чем более жестким и тотальным является контроль, тем больше шансов, что это либо вызовет протестную реакцию, либо приведет к разрушению самого территориального сообщества как сообщества социального.

Но и сама власть, хотя и стремилась к организации гомогенного социального пространства из разнородного, оказывалась различной в зависимости от удаленности локала от властного центра. Сказывались на присутствующей в социуме пространственной игре еще два обстоятельства. Во-первых, особенность зрения и считывания социального пространства государством. "Органом зрения" государства выступает статистика. Но со статистикой в последние десятилетия произошли достаточно серьезные потрясения. Еще в конце прошлого столетия, в ходе разделения полномочий между муниципалитетами и государством (регионом) статистический учет был отнесен к региональным полномочиям. Соответственно, все районные органы статистического учета были ликвидированы. Предполагалось, что будут существенно увеличены региональные структуры, которые будут способны обеспечить более четкую и структурированную работу системы. Однако этого не произошло. Возникло иное.

Деградация института выборов делала необходимым какую-то "обратную связь" между воздействием, идущим из центра, и результативностью этого воздействия, какую-то форму контроля и оценки деятельности региональной власти. Формой такого контроля выступает заданная система показателей эффективности деятельности. На то, чтобы губернатор и возглавляемый им регион соответствовал этим показателям [20]. Эта деятельность, протекающая сегодня на всех уровнях, создает два не особенно соприкасающихся пространства: пространство жизни и пространство отчетных показателей. При этом "пространство жизни" для власти часто оказывается просто не видимым. Там нет того, что может быть считано статистикой. Соответственно, для власти, ключевого агента, производящего сегодня пространство, оно оказывается "пустым".

Такие пространства возникают в разных условиях. Значительная часть их связана с часто отмечаемым "сжатием" социального пространства [23]. Все большее пространство переходит в статус "межселенных территорий", то есть таких, где отсутствует поселенческая структура, нижний уровень статистических описаний. Соответственно, в этом пространстве власть оказывается практически слепой. Само же это пространство выступает для власти "пустым". Там нет того, что власть могла бы считать в качестве социального объекта. Но, как показывают исследования, пустым это пространство выступает только с точки зрения власти [5]. Власть здесь присутствует на периферии, задавая лишь границы этого пространства.

В меньшей степени эта "пустота" присутствует и в иных пространствах (пригород, "частный сектор" и т.д.). Здесь территории (пространства) могут оказаться доступны власти в качестве "территорий перспективного развития". То есть там пространство не "сжалось", а еще не "освоено". Но неосвоенное пространство тоже есть социальный смысл. Потому дистанция здесь между властью и территориальным сообществом меньше. Впрочем, игры по производству пространства и борьбе за него здесь возможны и возникают [6].

Гораздо меньше вариантов по борьбе за город, борьбе за пространство возникает в тех точках (силовых центрах), где производство социального пространства монополизировано властью (столицы, имперские города). Здесь, по существу, территориальное сообщество разрушается. На его месте возникает совместность, то есть объединение людей, основанное не на совместно разделяемых ценностях и смыслах, но на совместном использовании общих пространств [27]. Правда, в условиях, когда эти совместные пространства оказываются под угрозой, совместность может перейти в сообщество, начать борьбу за город, включившись в пространственные игры.

Каков будет результат этих игр, пока сказать сложно. Думаю, что это покажет самое ближайшее время. Но это будет уже совсем другая история. Пока же пространство остается конфликтным и пространственный поворот продолжается. И именно его подвижность, неустойчивость, расплывающаяся привычные рамки и границы, поддерживает ход пространственного поворота, вновь и вновь актуализируя эту проблематику. Соответственно, пространственный поворот продолжается.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Походаев В.С. М.: Искусство, 1986. 258 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. 323 с.
3. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: Росспэн, 2005. 208 с.
4. Бляхер Л.Е. Стратегии выживания в условиях кризиса (о предпринимателях Дальнего Востока и не только). М.: Страна ОЗ, 2017. 175 с.
5. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Острова в тайге: формы (ре) освоения "пустого пространства" на Востоке России // Полития. 2020. № 2. С. 158–181.
6. Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов Востока России (на примере Хабаровска) // Полития. 2021. № 1. С. 75–108.
7. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2005.
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005.
9. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск. 2013. 248 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
11. Дятлов В. И. Этноизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 9–15.
12. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 11–26.
13. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
14. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
15. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
16. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
17. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Пер. с нем. и публ. А.Ф. Филиппова // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 194–216.
18. Макогон Т. И. "Пространственный поворот" и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия ТПУ. 2012. № 6. С. 167–172.
19. Митин И. И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 1–10.
20. Моляренко О.А. Государственные практики конструирования статистических иллюзий, или "мертвые зоны" отечественной статистики // Социологический журнал. Т. 23. № 4. 2017. С. 104–120.
21. Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; Отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2011. 320 с.
22. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. М.: Academia: LVS, 2005. 588 с.
23. Трейвиш А.И. "Сжатие" пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. Материалы XXVII сессии Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). М. 2010. С. 16–31.
24. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45–69.
25. Фуко М. Пространство, знание и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М.: Праксис. 2006. С. 215–236.

26. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин, М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003. 336 с.
27. Dellenbaugh M. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market* / Mary Dellenbaugh, Markus Kip, Majken Bieniok, Agnes Katharina Müller and Martin Schwegmann. – Birkhauser Press: Berlin, 2015. 244 p.
28. Harvey D. *The Right to the City* // *New Left Review*. 2008. October.
29. Scott J. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press. 2011. URL: <https://libcom.org/files/Art.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
30. Tilly Ch. *How empires end* // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1–11.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bakhtin M.M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* / Pokhodaev V.S. M.: Iskusstvo, 1986. 258 s.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. M.: "Medium", 1995. 323 s.
3. Blyakher L.E. *Nestabil'nye sotsial'nye sostoyaniya*. M.: Rosspehn, 2005. 208 s.
4. Blyakher L.E. *Strategii vyzhivaniya v usloviyakh krizisa (o predprinimatel'yakh Dal'nego Vostoka i ne tol'ko)*. M.: Strana OZ, 2017. 175 s.
5. Blyakher L.E., Grigoriev K.V. *Ostrova v tajge: formy (re) osvoeniya "pustogo prostranstva" na Vostoke Rossii* // *Politiya*. 2020. № 2. S. 158–181.
6. Blyakher L.E., Kovalevskiy A.V. *Bez liderov, lozungov i transparentov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov Vostoka Rossii (na primere Khabarovska)* // *Politiya*. 2021. № 1. S. 75–108.
7. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* / Per. s fr.; obshh. red. i poslesl. N.A. SHmatko. V 2-kh t. M.: Institut ehksperimental'noj sotsiologii; SPb.: Aleteya, 2005.
8. Giddens EH. *Ustroenie obshhestva: Ocherki teorii strukturatsii*. M.: Akademicheskij Proekt, 2005.
9. Grigoriev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda*. Irkutsk: Ottisk. 2013. 248s.
10. Delyoz Zh., Gvattari F. *Tsuyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya* / Per. s fr. i poslesl. YA.I. Svirskogo, nauch. red. V.YU. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
11. Dyatlov V. I. *Ehtrnizatsiya obshhestvennogo prostranstva: prichiny i mekhanizmy protsessa* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2015. № 5 (37). S. 9–15.
12. Zamyatin D. N. *Gumanitarnaya geografiya: osnovnye napravleniya, kategorii, metody i modeli* // *Kul'turnaya i humanitarnaya geografiya*. 2012. T. 1. № 1. S. 11–26.
13. Zimmel' G. *Izbrannoe. Tom 2. Sozertsanie zhizni*. M.: YUrist, 1996. 607 s.
14. Kaganskij V. L. *Kul'turnyj landshaft: osnovnye kontseptsii v rossijskoj geografii* // *Observatoriya kul'tury*. 2009. № 1. S. 62–70.
15. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* / Per. s frants. I. Staf. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
16. Luman N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii* / Per. s nem. I. D. Gazieva pod red. N.A. Golovina. SPb.: Nauka, 2007. 648 s.
17. Luman N. *Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshhestva* / Per. s nem. i publ. A.F. Filippova // *Sotsiologos. Vyp. 1*. M.: Progress, 1991. S. 194–216.
18. Makogon T. I. *"Prostranstvennyy povорот" i vozmozhnost' novatsionnykh podkhodov v sotsial'no-filosofskom diskurse* // *Izvestiya TPU*. 2012. № 6. S. 167–172.
19. Mitin I. I. *Gumanitarnaya geografiya: problemy terminologii i (samo)identifikatsii v rossijskom i mirovom kontekstakh* // *Kul'turnaya i humanitarnaya geografiya*. 2012. T. 1. № 1. S. 1–10.
20. Molyarenko O.A. *Gosudarstvennyye praktiki konstruirovaniya statisticheskikh illyuziy, ili "mertvye zony" otechestvennoj statistiki* // *Sotsiologicheskij zhurnal*. T. 23. № 4. 2017. S. 104–120.
21. Park R. *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov.* / RAN INION. TSentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Sost. i per. s angl. V. G. Nikolaev; Otv. red. Efremenko D.V. M., 2011. 320 s.
22. Sorokin P.A. *Sotsial'naya mobil'nost' / Pitirim Sorokin; [per. s angl. M. V. Sokolovoj]*. M.: Academia: LVS, 2005. 588 s.
23. Trejvish A.I. *"Szhatie" prostranstva: traktovka i modeli* // *Szhatie sotsial'no-ehkonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya. Materialy XXVII sessii EHkonomiko-geograficheskoy sektsii Mezhdunarodnoj akademii regional'nogo razvitiya i sotrudnichestva (MARS)*. M. 2010. S. 16–31.
24. Filippov A.F. *Ehlementarnaya sotsiologiya prostranstva* // *Sotsiologicheskij zhurnal*. 1995. № 1. S. 45–69.

25. Fuko M. Prostranstvo, znanie i vlast' // Fuko M. Intellekтуалы i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. CHast' 3. M.: Praxis. 2006. S. 215–236.
26. SHyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii / Sost. A.YA. Alkhasov; Per. s angl. A.YA. Alkhasova, N.YA. Mazlumyanovoj; Nauchn. red. perevoda G.S. Batygin, M.: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie", 2003. 336 s.
27. Dellenbaugh M. Urban Commons: Moving Beyond State and Market / Mary Dellenbaugh, Markus Kip, Majken Bieniok, Agnes Katharina Müller and Martin Schwegmann. – Birkhauser Press: Berlin, 2015. 244 p.
28. Harvey D. The Right to the City // New Left Review. 2008. October.
29. Scott J. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, London: Yale University Press. 2011. URL: <https://libcom.org/files/Art.pdf> (data obrashheniya: 10.01.2021).
30. Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1–11.

Информация об авторе

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Information about the author

Leonid E. Blyakher, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 11.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.02.2022

Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география

Александр Николаевич Демьяненко
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить, каким образом постмодернизм связан с "пространственным поворотом" в социальных дисциплинах и географии человека особенно. Выявлены особенности реакции отечественной социально-экономической географии на "вызов постмодерна".

Ключевые слова: *постмодерн, пространственный поворот, география человека, отечественная социально-экономическая география*

Для цитирования: Демьяненко А. Н. Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 19–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/19-34

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/19-34

Postmodern, spatial turn and native socioeconomic geography

Aleksandr N. Demyanenko
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Abstract. This article was made an attempt to explain the connection between postmodernity and "spatial turn" in social sciences and human geography exactly. The reaction specificity of socio-economic geography to "postmodernity call" is identified.

Key words: *postmodern, spatial turn, human geography, native socio-economic geography*

For citation: Demyanenko A. N. Postmodern, spatial turn and native socioeconomic geography // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 19–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/19-34

Введение

На первый взгляд "постмодерн" – это нечто, скорее принадлежащее истории, хотя и недавней, чем дню сегодняшнему. Действительно, "постмодерн" как направление научной мысли за последние два десятка лет, потерял свою былую актуальность. Более того, высказывается мнение, согласно которому "То, что некогда было ключевой и даже самой популярной темой социальной теории, теперь даже не называется, как будто авторы стремятся забыть о постыдном прошлом гуманитарных дисциплин 1980–1990-х годов" [16, с. 10].

Но вот что любопытно: появление целого ряда теоретических концепций, авторы которых предлагают свои варианты объяснения современного состояния общества вовсе не отменяет фундаментальные основания проекта под названием "постмодерн". Скорее всего, прав А. Павлов: "Если постмодерн и история, то всё ещё живая, незавершённая, конец которой на самом деле пока ещё невозможно определить" [16, с. 53].

Я тоже не берусь определить, завершен постмодерн или нет. Моя цель – попытаться понять, каким образом "постмодерн", а прежде всего пространственный поворот, проявились в географии человека (human geography) и в том числе в отечественной социально-экономической географии (СЭГ).

Более того, я посчитал возможным ограничиться следующими сюжетами: коротко сформулировав авторскую позицию относительно того, что есть "модерн" и "постмодерн", более подробно остановиться на пространственном повороте и его влиянии на социально-гуманитарные дисциплины, включая географию человека. Последний по счету, но не значению сюжет: реакция отечественной СЭГ на пространственный поворот.

О модерне и постмодерне

Теперь самое время договориться о словах. То есть о том, каково содержание понятий "постмодерн" и "пространственный поворот"? Но тогда следует

вспомнить и о "модерне" и попутно отметить, что все упомянутые термины отличаются многообразием их интерпретаций¹.

Кстати, а если состояние модерна в данном конкретном обществе, скажем в российском, очень отличается от канонического понимания "модерна"? Попробую пояснить, что я имею в виду. Начнем с того, что с "модерном" Россия очень запоздала. Если принять вслед за Э. Гидденсом и Ф. Саттоном, что модерн "Характеризуется процессами секуляризации, рационализации, демократизации, индивидуализации и подъемом науки" [7, с. 24], то Россия накануне Октября 1917 года делала лишь первые шаги на пути к модерну. Причем путь к модерну, при всей специфичности российских реалий тех лет, был вполне в русле мейнстрима².

Другое дело, что в ходе "второй революции" (1928–1932 гг.) ситуация в общественной жизни России меняется кардинально и по движущим силам модернизации, и по социально-политическому контексту. И если вернуться к формуле Э. Гидденса и Ф. Саттона, то придется признать: секуляризация и рационализация – действительно имели место, что же касается "демократизации" и "индивидуализации", то эти черты начисто отсутствовали в модели советской модернизации. Относительно же "подъема науки" можно уверенно говорить лишь о том, что он имел место, но за пределами социально-гуманитарных дисциплин.

Можно было бы продолжить обсуждение теорий модернизации³, но можно ограничиться констатацией: нет одной универсальной модели модернизации, в том числе и экономической, но есть множество моделей модернизации. И уже по этой причине постмодерн, как способ описания и объяснения современного общества, опять-таки предполагает множественность моделей описания.

Теперь, также по необходимости кратко, о постмодерне. Возможно, есть смысл, взяв за отправную точку анализа известную работу Ф. Джеймисона [9], попытаться определиться с сущностными чертами постмодерна. Итак, "Постмодернизм – то, что вы получаете, когда процесс модернизации завершен и с природой наконец-то покончено. Этот мир человечнее прежнего, но в нем "культура" стала настоящей "второй природой" [9, с. 58]. Суждения относительно "второй природы", о "конце природы", равно как и о "завершении процесса модернизации" широко распространены не только в научном сообществе, но и за его пределами. Но это вовсе не означает, что они беспспорны.

Показательны в этом отношении суждения А. Лефевра: "пространство-природа (физическое) всё больше отдаляется. Необратимо. Конечно, оно было и остается общей отправной точкой: истоком, *origo* социального процесса, быть может, основой любой "оригинальности". ... Природа, могучий миф, превращается в вымысел, в негативную утопию: отныне она всего лишь сырье, которое обрабатывали производительные силы различных обществ, производя свое пространство. Она, конечно, сопротивляется, ее глубина бесконечна, но она побеждена, она отступает, разрушается ..." [13, с. 44]. Хорошо сказано, несомненно, присутствует мощный эмоциональный заряд. Но остается открытым вопрос: почему физическое (иначе, географическое) пространство всё более отдаляется от пространства социального? И, далее, если даже допустить, что в тех или иных локациях, на тех или иных территориях, в те или иные исторические периоды природа оказывается побежденной, и она отступает и

¹ Не случайно, У. Эко отмечает: "К сожалению, "постмодернизм" – термин годный а tout faire" [34, с. 75].

² Проблема множественности модернизаций в контексте российской истории тщательнейшим образом анализируется в работе М. Дэвид-Фокса [11]. Правда, здесь нужна оговорка в этом монографическом исследовании, как и в подавляющем большинстве исследований, посвященных особенностям российского модерна, речь идет о культуре и идеологии, а экономика остается вне исследовательского фокуса. Впрочем, сказать, что модернизационные процессы в российской экономике оказались terra incognita, было бы сильно погрешить против истины. Из работ последних лет следует упомянуть: [8].

³ Литература, посвященная теориям модернизации, в том числе экономической модернизации, необъятна. Из работ последних лет следует упомянуть монографическое исследование Ш. Бегельсдейка и Р. Масселанда [2].

даже разрушается, то, скорее всего, мы наблюдаем и деградацию социального пространства.

Суть дела не в том, чтобы победить природу, а в том, чтобы гармонизировать взаимодействия между процессами, протекающими в природных и социальных пространствах. И это имеет место уже в силу того, что эти пространства вовсе не обязательно (хотя и так бывает нередко) находятся в состоянии борьбы, скорее всего, мы имеем дело с взаимопроникновением этих пространств. И вовсе не случайно, что постмодерн, это ещё и такое явление, как экологизация практически всех сторон жизни общества: не только появление таких научных дисциплин, как экологическая география (*environmental geography*), социальная экология и экология города, но и "зелёных" политических партий и движений.

А вот что, по-моему мнению, заслуживает самого пристального внимания, так это тезис А. Лефевра: основной "любой оригинальности" социального пространства, его "отправной точкой и первичной основой которой служит природа – изначальная и неповторимая, ибо она всегда и везде имеет свои особенности (ландшафт, климат и т. д.)" [13, с. 119]⁴.

Иначе говоря, любая особенность того или иного социального пространства в основе своей имеет природу, её пространственную структуру.

Теперь вновь вернемся к уже упоминавшейся не раз монографии Ф. Джеймисона: "... постмодернизм ... немыслим без гипотезы о некоей фундаментальной мутации сферы культуры в мире позднего капитализма, которая включает в себя существенное изменение ее социальной функции" [9, с. 160]. Действительно, культура модерна, это вовсе не культура постмодерна, в том числе и политическая культура.

Итак, "постмодерн" явление, крайне трудно поддающееся определению, оно не только сложно устроено, но оно к тому же необычайно изменчиво, а его проявления нередко провокационны. Тем не менее, несмотря на все проблемы, связанные с исследованием природы постмодерна, источников его происхождения и находящейся в состоянии постоянных изменений структуры, нам необходимо сформулировать положения, которых мы будем придерживаться в дальнейшем, рассматривая "пространственный поворот" и его отражение в географическом знании.

И здесь нам может помочь давняя работа М. Дири (M. Dear)⁵, которая начинается с констатации: "Очень немногие люди имеют четкое представление о том, что означает "постмодернизм". Некоторым он кажется последним в длинной череде архитектурных причуд; другим, как новый вид литературы. И, как и в случае с появлением всех новых мод, последовала давка, направленная на то, чтобы отвергнуть новую моду со стороны защитников существующей моды. Однако в чистом виде постмодернизм представляет собой фундаментальную атаку на современную философию" [41, с. 265]. Суть этой атаки – это, по мнению М. Дири, "бунт против рациональности модернизма", который "ищет универсальную истину и смысл, обычно через метадискурс или метанарратив" [41, с. 265].

Далее он предлагает для того, чтобы понять суть вопроса, определить три основных конструкта постмодернизма: стиль, эпоху и метод, сосредоточив своё внимание на методе. Этой логики я буду стараться придерживаться в последующем, рассматривая пространственный поворот, сосредоточив внимание на методе.

Пространственный поворот – "дитя постмодерна"?

Для начала следует попытаться понять, что есть "повороты" в социально-гуманитарных науках. У Д. Бахманн-Медик [1] мы можем найти следующее: "В любом случае ... "повороты", вводя новые идеи и категории, меняя направления и модифицируя теории, являются знаменательным явлением

⁴ Здесь особенно показательно то, как понимает природу А. Лефевр: ландшафт, климат и т.д. Именно "и т.д." очень характерно.

⁵ Анализ, краткий, но содержательный, этой работы в [48].

— как в их собственных контекстуальных связях, так и с позиций реструктуризации "научного поля" в науках о культуре и обществе" [1, с. 14]⁶.

Действительно, "реструктуризация научного поля" наук о культуре сопровождалась преодолением дисциплинарных границ, иначе говоря, формированием научных сообществ, осуществляющих междисциплинарные исследования. Но все-таки более значимо то, что поворот предполагает не просто появление новых (междисциплинарных) объектов исследования, но предполагает появление новых инструментов исследования. Это как минимум попытка создания теоретических моделей объяснения таких социальных феноменов (глобализация, урбанизация, туризм и пр. и пр.), которые не укладываются в границы традиционных дисциплин. И само собой разумеется, что "повороты" вовсе не обладают качеством абсолютной новизны, обычно они оказываются не более, чем обновлением давно практикуемых направлений исследований. Иначе говоря, "повороты", как правило, не результат "научной революции" (если следовать терминологии Т. Куна). Скорее "повороты" – следствие появления новых, ранее не известных (или находившихся в латентной форме) проблем. И как ответ на этот вызов – научное сообщество вводит новые идеи и категории, модифицируя теории и аналитический инструментарий, то есть формирует новые "подходы"⁷.

Если теперь обратиться к анализу природы "поворотов", то придется признать: о "повороте" есть смысл говорить, когда имеет место не просто расширение проблемной области (необходимое условие), но появление новых концепций (достаточное условие). То есть имеет место своего рода концептуальный переход в новое качество, который к тому же осуществляется "поверх" дисциплинарных границ. Более того, такого рода концептуальный скачок "в большинстве случаев сопровождается трансформацией изначально *описательных* понятий ... в концепты, меняющие действительность" [1, с. 29].

Теперь пора вернуться к "пространственному повороту", который в социальных науках, по мнению Д. Урри [26], произошел в 1980-х гг.⁸

В уже упоминавшейся монографии Д. Бахманн-Медик есть такое высказывание: "Пространственный поворот – дитя постмодерна" [1, с. 338]. В свою очередь М. Фуко утверждал: если "Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX век, как известно, была история", то "Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее, назвать эпохой пространства" [27, с. 191]⁹. В конце 1980-х гг. Ф. Джеймисон один из наиболее влиятельных теоретиков постмодернизма, выступил с лозунгом: "Всегда опространствливай!" Этот призыв к

⁶ Отметим, что близкой точки зрения относительно культурального поворота придерживается и П. Бёрк [3], один из наиболее авторитетных исследователей в области культуральной истории.

⁷ Наверное, здесь будет уместным соотнести понятие "поворота" с "парадигмами" Т. Куна и "научно-исследовательскими программами" И. Лакатоша. Дело в том, что "повороты" выходят за дисциплинарные рамки, и уже в силу этого правомерен вопрос: являются ли они "парадигмами" в смысле теории научных революций Т. Куна? Скорее правы исследователи (мнение которых разделяет и автор данной статьи), утверждающие, что развитие социальных (в том числе, экономики и географии человека) гуманитарных наук определяется не сменой парадигмы, но переосмыслением теорий предшественников, то есть не на их отрицание, а на включение. Поэтому автору близко мнение Бахманн-Медик: "... патетическим разговором о научных "революциях", равно как и поискам культурологической парадигмы нет места в поле наук о культуре" [1, с. 19–20]. От себя могу добавить: не следует искать "парадигм" и в поле географии человека.

⁸ И с этим, наверное, следует согласиться, если речь идет о философии и совокупности социально-гуманитарных дисциплин. Но, что касается экономической науки, то "пространственный поворот" в ней начался много ранее [36; 47], хотя сказать, что этот "поворот" привел к радикальному изменению в экономической теории, было бы большим преувеличением. Что же касается географии, то о ее взаимоотношениях с пространственным поворотом – ниже.

⁹ Впрочем, стоит прислушаться к мнению М. Кренга и Н. Трифта: "Хотя отчасти причиной обращения к пространству во многих дисциплинах было стремление отойти от тирании историзма и развития, факт остается фактом: пространство без времени так же невероятно, как время без пространства. Таким образом, к знаменитому заявлению Фуко о том, что эра пространства пришла на смену эпохе времени, следует воспринимать с долей скепсиса" [40, с. 1]. С известной долей скепсиса следует воспринимать и тезис Д. Бахманн-Медик относительно того, что пространственный поворот – дитя постмодерна.

спатIALIZАЦИИ проистекает из самой природы постмодерна, отказывающегося от преобладающей ориентированности модерна на время. Конечно, такая смена ориентиров не есть исключительно результат эволюции научного знания в рамках социально-гуманитарного блока дисциплин. Хотя и отрицать то, что именно в эти годы наблюдается смена, скажем так "подходов" в описании и объяснении современного общества.

Так, в исторической науке начинает приобретать склонность к микроисторическим исследованиям, неизбежно привязанным к конкретным местностям¹⁰; в географии человека – на смену "количественной революции"¹¹ явно прослеживается всё более растущий интерес к проблемам развития регионов и городов, с акцентом на исследование местных сообществ, их культурных особенностей и взаимоотношений с властью¹²; в социологии всё большее число исследователей стало осознавать, что социальные процессы пространственно организованы и что пространственные структуры влияют на социальные отношения¹³, наконец, в экономической науке¹⁴.

И все-таки, импульсы к смене ориентиров в немалой мере шли извне. Обычно своего рода знаковым событием рассматривают массовые протестные движения, охватившие мегаполисы по всему миру в конце 1960-х гг., и как их некая кульминация – май 1968 г. в Париже.

Отрицать значение упомянутых выше событий вряд ли разумно. Впрочем, как и то, что именно в эти годы в силу разных причин происходят качественные изменения в научно-технической сфере, глобальные изменения в экономике, социальной и политической жизни.

Здесь уместна ещё одна цитата из Ф. Джеймисона: "модель политической культуры, подходящая нашей ситуации, должна будет обязательно поднимать пространственные вопросы в качестве её фундаментального организующего устремления [9, с. 166].

И вопросы были подняты, так как происходили качественные изменения не только в пространственной организации общества, но и одновременно в научном сообществе произошло изменение отношения к пространству.

Так как изменения в пространственной организации общества, имевшие место на протяжении последних десятилетий, вызвали к жизни обширную литературу, анализ которой вовсе не входит в круг задач данного исследования, то автор здесь возможным ограничиться перечислением наиболее характерных черт этих работ.

Пожалуй, главное заключается в том, что общество и его пространственную организацию (то есть социальное пространство) стали воспринимать, во-первых, не только как хотя сложную, но всё-таки достаточно стабильную структуру, которая эволюционирует согласно предписанным законам, а как систему, находящуюся в состоянии постоянных перемен, зачастую непредсказуемых¹⁵.

¹⁰ О микроистории и ее становлении: [31].

¹¹ О количественной революции в географии человека: [9; 36; 48]. Удачный пример исследования, выполненного в духе "количественной революции в географии" - монография У. Бунге [5].

¹² Этот "поворот" особенно ярко проявился в работах географов неомарксистского толка. См. Д. Харви [29; 30; 42], Э. Соджа [55; 56]. Но свести всё только к ним было бы упрощением ситуации.

¹³ Показательно, что в "Key Thinkers on Space and Place" [45] широко представлены наряду с географами (что ожидаемо) социологи: Марк Оже, Пьер Бурдьё, Мануэль Кастельс, Энтони Гидденс, Анри Лефевр, Джон Урри.

¹⁴ Впрочем, в экономической науке "пространственный поворот" наметился много раньше в 1950-х гг., то есть именно в то время, когда И.А. Шумпетер [32] отмечал рост популярности "региональных исследований", которые в конечном счете привели к институционализации региональной (иначе, пространственной) экономики на рубеже 1950–1960-х гг. См. [36; 47].

¹⁵ Начиная с концепции пространственно-временной географии Т. Хегерстранда [43], а затем и в концепциях структуриации общества Э. Гидденса, мобильностей Д. Урри [26], "новой" региональной географии [54] и многочисленных исследованиях городских сообществ происходит теоретическое осмысление различных пространственных систем.

Во-вторых, пространство стали воспринимать не только как арену, на которой протекают социальные процессы, как нечто нейтральное, но как активного актора в жизни общества. Поэтому борьба за пространство, право на город, взаимоотношения власти и знания в пространстве стали широко обсуждаемыми темами в социально-гуманитарных дисциплинах, в том числе в географии человека¹⁶.

В-третьих, во многом благодаря работам А. Лефевра¹⁷ сложилось понимание того, что социальное пространство не есть нечто данное, а является продуктом производимым обществом, а следовательно, каждое общество (у Лефевра способ производства) производит присущее ему пространство. При этом социальное пространство представляет собой множество (ансамбль) частных социальных пространств.

В-четвертых, ключевая роль в организации социального пространства отводится городам (прежде всего крупным) и агломерациям. Как следствие, всё больше внимания уделяется не только самым различным проблемам в городах и городских агломерациях, но проблемам городов и их агломераций как пространственных систем.

В-пятых, это пристальное внимание к повседневной жизни местных сообществ, прежде всего (но не исключительно) в крупных городах и агломерациях. Смена исследовательской оптики потребовала смещения акцента на применение качественных методов исследования.

Наконец, ориентация на междисциплинарные исследования, то есть исследования поверх дисциплинарных границ. С одной стороны, это сопровождалось обменом идеями, концепциями между дисциплинами, а с другой – формированием пограничных дисциплин, таких как городская социология, культуральная география, экологическая география, городская антропология и т.п.

Итак, настало время ответа на вопрос: а был ли "пространственный поворот"? и если был, то действительно его следует рассматривать как "дитя постмодерна"?

Скорее всего, "пространственный поворот" не только был, но он продолжается и в настоящее время.

Означает этот факт, что этот поворот сделал "пространственную" проблематику мейнстримовской в социально-гуманитарных дисциплинах? Скорее всего – нет, пожалуй, за одним исключением. И это исключение – география человека.

Постмодерн и география человека

Начнем с констатации очевидного факта: география всегда (в отдельные исторические периоды в единственном числе) не пренебрегала пространством. Более того, именно в рамках этой науки задолго до пространственного поворота сложились две концепции: района (или региона) и ландшафта, – которые послужили (и служат до сих пор) основой для пространственных исследований во многих социо-гуманитарных дисциплинах.

Впрочем, есть еще один очевидный факт: две ветви географии (физическая география и география человека) очень по-разному оказались вовлеченными в пространственный поворот. Если физическая география практически не принимала участия в дискуссиях о переосмыслении пространства и места, которые составляли суть "пространственного поворота"¹⁸, то география чело-

¹⁶ Прежде всего, это работы А. Лефевра [16; 50; 51], М. Фуко [27], Д. Харви [29; 30; 42], Э. Соджи [55; 56], С. Минка [53].

¹⁷ Литература, посвященная А. Лефевру, в том числе и его вкладу в становление "пространственного поворота": [37; 45; 53]; не был обделен вниманием этот сюжет и в ходе работы круглого стола "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике" [4]. См. также статью В.Н. Украинского и Ж.Ж. Чимитдоржиева в данном номере "Ойкумены".

¹⁸ Показательно в этой связи утверждение Фила Хаббарда и Роба Китчина: "Хотя физико-географы пытались внести вклад в развернувшиеся теоретические дебаты о природе пространства и места ... большинство проигнорировало постмодерн, постколониальные или постструктуралистские попытки деконструирования, критики или реконструирования языков

века, выступала в качестве лидера; из "импортера" идей, география человека превратилась в "экспортера" идей, теоретических концепций и аналитических инструментов. Хотя при этом следует согласиться с мнением Э. Соджи [56], который считал, что большая часть пространственного поворота всё-таки проходила за пределами географии.

И уж коль мы упомянули Э. Соджу, который, наряду с Д. Харви, несомненно, является ключевой фигурой в формировании постмодернистской географии, то следует опять-таки кратко остановиться на рассмотрении этого феномена. Но прежде зафиксируем одно, как мне представляется, важное положение, суть которого заключается в том, что "постмодернистская география" – это не вся география человека, а пространственный поворот в географии никоим образом не следует отождествлять с "постмодернистской географией".

Итак, начнем с того, что понять источники и движущие силы "постмодернистской географии" вряд ли возможно без рассмотрения эволюции самой географии человека в период после Второй мировой войны, с одной стороны, а с другой – вне исторического контекста, то есть тех изменений в самом объекте исследования – пространственной организации общества и осмысления этих изменений в географической науке.

Так как относительно контекста речь шла выше, то остановимся на анализе эволюции теоретической мысли в послевоенной географии, англо-саксонской по преимуществу.

1950-е годы были временем, когда "сначала в Америке, а затем и в Англии, разочарование в региональной парадигме начало возрастать. Постепенно отраслевая специализация приобретает доминирующее положение, а региональный синтез начал игнорироваться; одновременно ... развернулась настоящая революция – выдвижение и широкое признание новой парадигмы" [10, с. 73]¹⁹.

Эта попытка предполагала не только переосмыслить природу пространства, но и "переформатировать географию в пространственную науку, ищущую теоретических конструктов или "пространственных законов" на базе статистического анализа ..." [44, с. 5]. Обычно этот период в истории географии человека обозначают как "количественная география". И несмотря на то, что многие географы вовсе не испытывали восторга от квантификации и предлагаемых ее апологетами теорий²⁰, "эта новая "научная" парадигма тем не менее была началом новой концептуализации пространства, которая получила широкое распространение даже среди тех географов, которые сопротивлялись идее количественной оценки. ... Это возвещало о новом языке пространственной физики, в рамках которой различные виды человеческой деятельности могут быть сведены к перемещениям, сетям, узлам или иерархиям, проявляющим себя на поверхности Земли" [44, с. 5].

Реакция на этот тип анализа последовала ближе к концу 1960-х годов, когда внутри географии человека сложилась группа взаимосвязанных подходов, которую трудно классифицировать и описать каким-то одним термином. Первоначально для этой группы подходов был использован термин "ради-

---

пространства и места, и внесли незначительный вклад в проблематизирующие концепции, в частности, концепцию глобализации" [44, с. 3].

¹⁹ По мнению С. Айткена и Ж. Валентайна, свой вклад в парадигмальный переход в географии внесло и то обстоятельство, что именно в 1950-е гг. "возникла позитивистская пространственная наука, бросившая вызов и вытеснившая региональную традицию в географии" [35, с. 2]. Действительно, намерения Уолтера Айзарда – отца-основателя пространственной (региональной) экономики – были необычайно амбициозны. Приведем только одну цитату из его "Location and Space-Economy": "...адаптация человека в процессе его взаимодействия с природной средой предполагает формирование всесторонней теории общества или экономики, которая охватила оба измерения, т.е. и время, и пространство" [47, с. 7]. Увы, такой теории нет до сих пор, но институционализация региональной экономики имеет место.

²⁰ Мнение географов, не разделявших энтузиазм по поводу количественной революции в географии, выразил Н. Гизбург: "Большая часть так называемой теории в географии ... настолько абстрагирована от реальности, что мы даже не узнаем реальность, когда видим ее. ... Растущее стремление к тому, чтобы придать наукообразия тривиальностям, заразило все социальные дисциплины. ... Самые трудные вопросы стараются не ставить, ибо ответ на них требует колоссальной затраты энергии". Цит. по: [10, с. 223].

кальная география", затем – "диссидентская география", позднее, уже ретроспективно – "критическая география"²¹.

Как это ни удивительно, но пространственный поворот и постмодернизм как-то не очень сказались на географии человека, которая в это время была озабочена кризисом собственной идентичности. Но, как известно, интеллектуальный кризис – это и время возможностей²².

Такие возможности открылись, хотя и с заметным запозданием, вовсе не со стороны постмодернистов, а после появления монографии А. Лефевра "Производство пространства" [13], которая достаточно быстро оказалась переведенной на английский язык. В результате произошла встреча идей французских неомарксистов и англоязычных социологов, которая привела в конечном счете к появлению постмодернистской географии.

Здесь нужно отметить, что я не рискую дать сколько-нибудь исчерпывающее определение "постмодернистской географии"²³, но ее вполне возможно определить как научно-исследовательскую программу (если использовать терминологию И. Лакатоша), истоки которой лежат на рубеже 1970-х и 1980-х гг., а своего рода расцвет приходится на десятилетие между серединой 1980-х и 1990-х гг.

Но, и это крайне важно, "сохранила часть своей динамичности в последующие годы, способствовала привнесению философского начала в интеллектуальную атмосферу дисциплинарных дебатов тех лет; когда география человека приобрела во многих отношениях вновь обретенную известность в рамках социальных наук" [53, с. 363]. Эти строки были написаны К. Минка в 2009 году, сейчас 2022 г., поэтому следует добавить: влияние "постмодернистская география" не канула в лету, и до сих пор постмодернистские идеи и теории всё ещё оказываются востребованы.

И здесь самое время вернуться к Д. Харви и Э. Соджа – знаковым фигурам постмодернистской географии, уже в силу того, что, хотя единого и связанного корпуса теории постмодернистской географии никогда не существовало, работы этих исследователей, несомненно, заслуживают включения в такой корпус.

Конечно, дело случая, что в 1989 г. были опубликованы две книги, посвященные постмодернизму в географии [29; 56]²⁴. Одна из них "Postmodern Geographies" [56] Э. Соджи представляла собой собрание эссе, посвященных, как это следует из названия, постмодерну и географии.

"Моя цель, – пишет Э. Соджа, – пространственно описать историю" [56, с. 1], при этом каждое эссе представляет рассмотрение того или иного аспекта одной и той же центральной темы: "повторного утверждения критической пространственной перспективы в современной социальной теории и анализе" [56, с. 1]. В качестве своих предшественников, чьи идеи он заимствовал, Э. Соджа указывает Мишеля Фуко, Джона Бергера, Фредерика Джеймисона, Эрнеста Манделя и Анри Лефевра²⁵.

²¹ Подробно этот сюжет рассмотрен в [48], в этой же работе дана исчерпывающая библиография.

²² М. Дир следующим образом характеризовал этот период: "В социальных и гуманитарных науках в настоящее время происходит бум вокруг философии и метода, который (во многих случаях) приводит к краху идентичности. Шум этих дебатов едва дошел до географии" [41, с. 262].

²³ Возможно, прав К. Минка: "любая попытка определить состояние постмодернистской географии обречена на провал; хотя бы из-за того факта, что введение постмодерна в географию – как и в другие области исследований – означало отказ от любой парадигматической логики и скептицизм по отношению к любой линейной реконструкции истории дисциплины" [53, с. 363].

²⁴ Конечно, и до появления этих книг, в период между 1986 и 1988 гг., было опубликовано несколько статей, в том числе и в престижных географических журналах, в которых явно упоминается постмодернистский анализ. Короче говоря, "... постмодерн вышел из своего относительно маргинального положения вначале 1980-х, чтобы утвердить себя как "выражение передовой рефлексии в географии" [53, с. 368].

²⁵ Хотя, наверное, здесь уместно отметить, что и эта работа Соджи, и две его последующие книги перекликаются с исследованиями как географов-марксистов (Дэвид Харви, Ричард Пит,

Однако особое место в этом перечне предшественников занимает фигура А. Лефевра, который сформулировал тезис о том, что производство пространства, а не истории стало центральным элементом капиталистического развития и присущих ему противоречий. Именно этот тезис Лефевра, по мнению Алана Латема (Alan Latham), обеспечивает центральную логическую основу постмодернистской географии и более широкого постмодернистского проекта Соджи. Именно через фильтр утверждений Лефевра о центральной роли пространственности в социальной жизни Соджа интерпретирует теоретические материалы, обсуждаемые в "Постмодернистской географии". Именно благодаря этому лефевровскому фильтру Соджа может выдвинуть аргумент, что разнообразная коллекция авторов, собранных вместе в его произведениях, действительно предлагает наброски нового типа постмодернистской географии человека [49].

В этой книге Соджа [56] призывает к новому "географическому материализму", способному, по его мнению, соединить в себе последние (по тому времени) достижения социальной теории с лефеврианским пониманием пространства. В конечном счете начиная с "Постмодернистской географии" Э. Соджа реализует этот подход, всякий раз вводя все новые аргументы, доказывая, что, во-первых, капиталистический порядок (точнее, общество постмодерна) реорганизуется таким образом, что пространственное оказывается в приоритете над темпоральным; во-вторых, пространственность фундаментально конститутивна для социальной жизни, а поэтому, в-третьих, социальная теория должна серьезно относиться к пространству, если она имеет целью понять и объяснить состояние общества²⁶.

Вторая работа, упомянутая выше, это "The Condition of Postmodernity" [29] Дэвида Харви, которая, как и "Postmodern Geographies" Эдварда Соджи, оставила столь же заметный след в развитии постмодернистской рефлексии в географии человека²⁷.

Но, как справедливо отметил А. Павлов, "данная работа ... уже в течение долгого времени не обсуждается всерьез" [15, с. 12]²⁸. Не получится и у меня "всерьез" рассмотреть эту монографию Д. Харви, так как объем журнальной статьи невелик, да и не было такой задачи. Благо, отчасти эту задачу решает сам А. Павлов в водной статье к русскому переводу монографии Д. Харви. Поэтому я счел возможным просто акцентировать внимание читателей на некоторых, по-моему мнению, особенностях стиля Д. Харви, проявившиеся в "Состоянии постмодерна".

Будучи географом, к тому же полагавшим, что география человека – главная социальная наука, Д. Харви вовсе не считал себя обязанным соблюдать дисциплинарные границы, ему просто было тесно в них. Даже в первой из своих монографий – "Объяснение в географии" [28] – он скорее занят вопросами философии науки как таковой и лишь отчасти методологическими вопросами географии²⁹. Поэтому широко распространено мнение о том, что Д. Харви имел претензии произвести революцию даже не столько в географии, сколько в социальных науках, вовсе не лишено оснований. География

Нил Смит и Дорин Мэсси) и не только марксистов (Торстен Хегерстранд, Алан Пред, Дерек Грегори, Найджел Трифи), а также и социологов (Энтони Гидденс, Мануэль Кастельс и Джон Урри), стремившихся подчеркнуть глубокую пространственность социальной жизни.

²⁶ См. также: [49].

²⁷ Более того, рискну предположить, что не только географии человека, но и в целом ряде других дисциплин: социологии, этнографии, антропологии, культурологии и политологии. Это можно рассматривать как свидетельство того, что эти исследования (точнее, исследования этих авторов) имеют междисциплинарный характер.

²⁸ Впрочем, эта работа Д. Харви, как и "Постмодернистские географии" Э. Соджи, вызвала не только ряд вполне позитивных откликов, но и получила изрядную порцию критики. Дискуссии, развернувшиеся вокруг этих двух книг, вполне подробно отражены в [15; 38; 52; 53; 49].

²⁹ Показательно, что "Объяснение в географии" по иронии судьбы обозначило и высшую точку, и конечную точку стремления Харви сформировать основы подлинно научной географии [38, с. 234], то есть позитивистскую географию.

человека выступала не более чем поставщиком материала для широких социально-теоретических и политических выводов³⁰.

Д. Харви, был не только географом, но ещё и марксистом, как и многие (но далеко не все) видные представители постмодернизма, точнее, все они были неомарксистами или западными марксистами. Причем критический анализ Д. Харви был радикально отличен от предшествующих представлений о постмодерне³¹.

Если для большинства исследователей, занятых в то время анализом постмодерна, он был продуктом культурных трансформаций, из которых следовали экономические изменения, такие как рост индустрии развлечений или рост джентрификации, то "анализ Харви постфордистской экономики перевернул эту формулировку с ног на голову" [58, с. 128].

Итак, остается лишь попытаться ответить на следующие вопросы: почему эти две книги Д. Харви и Э. Соджи всё ещё вызывают интерес в профессиональной среде? Почему это до сих пор классика географии человека, которую нужно перечитывать?

Начнем с того, что появление этих двух томов и последовавшая вслед за этим дискуссия можно рассматривать как легитимацию постмодернистской рефлексии первоначально в англо-американской географии, а затем и в других национальных сообществах географов.

С этого момента "начали распространяться исследования, принимающие постмодернистскую теоретическую и/или методологическую перспективу, от исследований городов до исследований ландшафта, зрелищности и потребления культуры, пространственных эффектов гибких режимов накопления" и т. д. как по географии, так и по производству географических знаний..." [53, с. 369]. Иначе говоря, эти работы, помимо всего прочего, ввели в сферу географических исследований темы, которые либо вообще находились вне интересов географов, либо занимали маргинальное положение в исследовательском поле географии.

Более того, эти работы спровоцировали интерес социологов, антропологов, культурологов, политологов и даже экономистов к пространственным аспектам глобализации (кстати, именно Д. Харви предсказал и описал глобализацию задолго до того, как она стала мейнстримом в социальных и гуманитарных науках), урбанизации, повседневной жизни людей, организованных в местные сообщества и т. д.

Поэтому можно согласиться с утверждением Д. Бахманн-Медик: "В первую очередь повороту к пространству способствовали постмодернистские географы, в основном урбанисты и градостроители: Дэвид Харви, Эдвард Соджа, Дерек Грегори, Стив Пайл, Дорин Мэсси"³². Поэтому можно говорить и о "географическом повороте"³³.

³⁰ В свое время Н. Кастри, анализируя содержание другой работы Д. Харви, а именно: "The Limits to Capital" (1982), пришел к заключению, что "Короче говоря, The Limits to Capital задумывалась как парадигматический вклад: не меньше, чем современный географический эквивалент "Капитала" Карла Маркса..." [39, с. 61]. С не меньшими основаниями этот вывод можно распространить и на "Состояние постмодерна", и на целый ряд последующих работ Д. Харви, добавив, что он явно стремился привнести в марксизм пространство.

³¹ При этом Д. Харви весьма скептически относился к самому понятию постмодерн, что следует из ознакомления со следующими двумя высказываниями. Первое: "Значительные изменения в качестве городской жизни начиная с 1970 года или около того действительно совершились. Но заслуживают ли подобные сдвиги того, чтобы называть их "постмодерном", отдельный вопрос". И следом на той же странице мы находим: "Какого-то общего согласия относительно того, что в точности имеется в виду под этим термином, не существует – за исключением, возможно, того, что "постмодернизм" представляет собой своего рода реакцию на "модернизм", или же "модернизм" является для него отправной точкой. Но поскольку значение понятия "модернизм" также весьма туманно, реакция на него, или его последствие, известное как "постмодернизм" оказываются туманными вдвойне" [29, с. 53]. Тем не менее, следуя духу марксистской критики постмодерна, Д. Харви стал одним из самых авторитетных интерпретаторов постмодерна.

³² О ключевых фигурах и предшественниках пространственного поворота см.: [45].

³³ Сходные оценки роли географов в постмодернистском пространственном повороте в социально-гуманитарных дисциплинах содержатся в [49; 53; 58].

В конечном итоге, как бы мы ни называли поворот, спровоцированный постмодернистскими географами, он не только привел к переформатированию поля географии человека, но и социологии, культурологии, антропологии, политологии и экономики. Речь идет не только и даже не столько о появлении новых субдисциплин, таких как культуральная география или городская антропология, но и "реновации" старых концепций и, как следствие, "новой" региональной географии и много чего ещё с прилагательными "новая" или "новый".

Справедливости ради следует отметить, что имело место не одностороннее влияние географии человека на социально-гуманитарные дисциплины, но – взаимовлияние.

Более того, как уже было рассмотрено выше, сам постмодернистский поворот в географии стал возможен благодаря встрече географии модерна с французским марксизмом³⁴.

Но взаимовлияния имели место не только на концептуальном уровне, но и на уровне методики. Так, в географии человека или СЭГ стали обычными методики, пришедшие из городской социологии и антропологии, в свою очередь концепция района (региона) и связанные с ней методики всё чаще используются в исследованиях, выполненных социологами и политологами и т.д.

Вместо заключения.

Постмодерн, пространственный поворот и российская СЭГ

Теперь переходим к последнему из заявленных сюжетов нашей статьи, а именно: к тому, каким образом и в каких формах постмодернизм и пространственный поворот проявились в отечественной СЭГ.

Сразу скажем, что здесь можно говорить о том, что это не самая обсуждаемая тема ни в отечественном обществоведении, ни в СЭГ. Причин тому много, но если отсутствие интереса к работам постмодернистов, да к тому же еще и неомарксистов (по тогдашней терминологии – ревизионистов), дело понятное³⁵, то логику адресуемой им сегодня критики понять трудно. Подобную критику можно обнаружить во вступительном слове В.А. Шупера на IX сократических чтениях (публикация 2012 г.): "на Западе уже спадает мутная волна постмодернизма, но преобладающий прагматизм, потребительское отношение к науке неизбежно порождают поверхностность, мелкотемье и никак не способствуют серьезным прорывам" [33, с. 9]. А затем узнать, что "Бесплодные наваждения постмодернизма, предполагающего отказ от самого понятия объективной истины, ставят крест на географии как науке, ибо наука – это доказательное знание, но если мы изучаем лишь свои собственные представления (ментальные образы), то ничего доказать в принципе невозможно" [33, с. 9]. Тут впору опешить и спросить себя: так о чём вы (и не только я, но и много кто ещё)³⁶ статью написали, если постмодерн – это "мутная волна", да к тому же "бесплодные наваждения"?

Удивительно, но факт: в этом же сборнике, откуда я позаимствовал "вступительное слово", есть статья Л.В. Смирнягина [18], которая вполне соответствует постмодернистскому пониманию и географии человека, и районирования, в частности. Чтобы не быть голословным приведу только одну цитату из упомянутой статьи: "При выделении районов учёному приходится иметь дело не только с региональной статистикой, но и с мнениями людей насчёт того, что такое регионы его страны. Ведь их практическое поведение

³⁴ Так, К. Минка отмечает при анализе "Postmodern Geographies": "Соджа был одним из первых авторов "импортировавших" в географию новации новой французской пространственной школы, и его книга была вехой, открывающей диалог с критической социальной теорией" [52, с. 135].

³⁵ Хотя иной раз можно было встретить краткие упоминания работ того же Д. Харви у советских географов, но все-таки чувствовалось, что неомарксисты от географии чего-то "не поняли", "не могли", "несли груз" и т.п. Таков был закон жанра "критики буржуазных теорий", и, как говорится, нет претензий, ибо времена были другие.

³⁶ См., например, далеко не исчерпывающийся библиографический список, приведенный в данной статье.

в пространстве, как выяснилось, зависит не только (и даже не столько) от той территориальной дифференциации, которую способен зафиксировать учёный по нейтральным статистическим показателям, сколько от того, как эти люди воспринимают подобную дифференциацию, притом, как правило, безотносительно к подобной статистике. Появляется пресловутая "вторая реальность", но как соотносится она с первой, каков её онтологический статус и не сводится ли дело к переходу от объективной реальности к субъективным представлениям о ней, — всё это сложные методологические вопросы, за которыми тянутся достаточно тягостные вопросы методики районирования в этих новых условиях" [18, с. 193].

И надо отдать должное Л.В. Смирнягину: он не только ставит сложные вопросы методологии районирования, за которыми, естественно, тянутся тягостные вопросы методики районирования, но и предлагает решения.

Если коротко, то обзор публикаций Л.В. Смирнягина [18–24] по проблемам методологии и методики районирования общества свидетельствует, что ему вовсе не чужды результаты постмодернистских методологических и методических исканий в географии человека. В тоже время он отдаёт отчёт в том, что результаты этих исканий не могут быть механически перенесены на российскую почву.

Конечно, Л.В. Смирнягин и его более молодые последователи, круг интересов которых связан с исследованиями городских пространств, вовсе не одинок. В этой связи заслуживают упоминания и работы Д.Н. Замятина, в частности [12], с более чем красноречивым названием "Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна".

Не меньшего внимания заслуживает и статья Ю.А. Веденина, Ю.Н. Голубчикова и А.А.Тишкова [6], в которой, как и во всякой постановочной работе, содержится ряд дискуссионных моментов (обсуждение которых вовсе не входит в круг задач данной статьи), ощутимо постмодернистское влияние.

Что общего в упомянутых выше работах? Во-первых, подчеркнутое внимание к пространству, которое вовсе не сводится к территориальности; во-вторых, стремление выйти за дисциплинарные рамки, не забывая при этом о тех теоретических концепциях и методологических подходах, которые присущи отечественной СЭГ. Наконец, это понимание того, что новые исследовательские задачи требуют зачастую новых или обновленных (переосмысленных "традиционных") методов исследования.

И самое что ни на есть последнее: "В целом, если оглянуться на эти несколько запутанные дисциплинарные траектории в ретроспективе, становится ясно, по крайней мере, одно: постмодернизм стал неотъемлемой частью географической традиции. Не только: в настоящее время широко признано, что появление постмодернистской рефлексии в географии в значительной степени способствовало оживлению дисциплинарных дебатов последних 20 лет и открыло географам глаза на целый ряд новых исследовательских направлений и подходов" [53, с. 371–372].

Литература

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
2. Бёгельсдейк Ш., Масселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности М.; СПб: Изд-во Института Гайдара, 2016. 464 с.
3. Бёрк П. Что такое культуральная истории? 2 изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 240 с.
4. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
5. Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с.
6. Веденин Ю. А., Голубчиков Ю.Н., Тишков А. А. Туристическая география как исследовательское направление в системе географических наук // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 4. С. 128–140.
7. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 336 с.

8. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетей, 2016. 1080 с.
9. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 816 с.
10. Джонстон Р.Дж. География и географы. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
11. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: идеология и культура в России и Советском Союзе М.: Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.
12. Замятин Д.Н. Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 4–36.
13. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
14. Павлов А. В. Постмодернизм: как социальная и культурная теория объясняет наше время. 2-е изд. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС, 2021. 560 с.
15. Павлов А. "Состояние постмодерна" Дэвида Харви // Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 7–40.
16. Павлов А. Странная жизнь постмодерна // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 7–53.
17. Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Алтейя, 2003. 268 с.
18. Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // Проблемы географической реальности. Девятые сократические чтения. М.: Эслан, 2012. С. 191–200.
19. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М.-Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
20. Смирнягин Л.В. Объективность района как "проклятый вопрос" районирования // Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004. С. 103–120.
21. Смирнягин Л.В. Районирование в общественной географии и самоидентификация и социальном пространстве // Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. Пятые сократические чтения. М.: РУДН, 2004. С. 112–126.
22. Смирнягин Л.В. Региональная идентичность и вернакулярный район // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Ч. 1. Ульяновск: Изд-во Корпорации технологий продвижения, 2014. С. 36–44.
23. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.
24. Смирнягин Л.В. Эволюция методологии районирования в свете теории социальных эстафет М.А. Розова // X Сократические чтения. Реальность как социальные эстафеты. М.: Эслан, 2015. С. 109–119.
25. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 440 с.
26. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
27. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
28. Харвей Д. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс, 1974. 502 с.
29. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
30. Харви Д. Социальная справедливость и город М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
31. Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Алтейя, 2003. С. 7–26.
32. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. LVI+ 496 с.
33. Шупер В.А. Вступительное слово // Проблемы географической реальности. Девятые сократические чтения. М.: Эслан, 2012. С. 7–12.
34. Эко У. Заметки на полях "Имени розы" СПб.: Симпозиум, 2007. 92 с.
35. Aitken S., Valentine G. Ways of Knowing and Ways of Doing Geography Research // Approaches to Human Geography. Eds. Aitken S., Valentine G. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 2006. P. 1–12.
36. Benko G. Regional science: evolution over thirty years // International Social Journal. 1984. № 4. P. 699–712.
37. Brenner N., Elden S. Introduction. State, Space, World: Lefebvre and the Survival of Capitalism // Lefebvre, Henri. State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / eds. Brenner N., Elden S. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. P. 1–48.
38. Castree N. David Harvey // Hubbard P., Kitchin R. (eds). Key Thinkers on Space and Place. 2nd ed. London: Sage, 2011. P. 234–241.

39. Castree N. The Limits to Capital // Key Texts in Human Geography. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. P. 61–70.
40. Crang M., Thrift N. Introduction // Thinking space. Eds. M. Crang., N. Thrift. Routledge, London & New York: 2003. P. 1–30.
41. Dear M. The postmodern challenge: reconstructing human geography // Transactions of the Institute of British Geographers. 1988. № 13. P. 262–274.
42. Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
43. Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
44. Hubbard P., Kitchin R. Introduction: Why key thinkers? // Hubbard P., Kitchin R. (eds) Key Thinkers on Space and Place. 2nd ed. London: Sage, 2011. P. 1–17.
45. Hubbard P., Kitchin R. (eds). Key Thinkers on Space and Place. 2nd ed. London: Sage, 2011. XVI+510 p.
46. Hubbard P., Kitchin R., Bartley B., Fuller D. Thinking Geographically: Space, Theory and Contemporary Human Geography. London: Continuum, 2002. X + 275 p.
47. Isard W. Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure. The Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, New York: 1956. III+350 p.
48. Johnston R., Sidaway J.D. Geography & Geographers: Anglo-American Human Geography Since 1945. 7nd ed. New York: Routledge, 2016. 520 p.
49. Latham A., McCormack D., McNamara K., McNeill D. Key Concepts in Urban Geography. London, Thousand Oaks, New Delhi, Singapore: SAGE, 2011, 232 p.
50. Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003 [1970]. 197 p.
51. Lefebvre, H. State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / edited by Neil Brenner and Stuart Elden. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. 331 p.
52. Minca C. Postmodern Geographies: Edward Soja (1989) // Key Texts in Human Geography. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. P. 135–144.
53. Minca C. Postmodernism/Postmodern Geography // International Encyclopedia of Human Geography. eds. Rob Kitchin; Nigel Thrift. London: Elsevier, 2009. P. 362–372.
54. Paasi A., John Harrison J., Jones M. New consolidated regional geographies // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / Eds. Paasi A., John Harrison J., Jones M. P.1-20.
55. Soja E.W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford: Blackwell, 2000. 440 p.
56. Soja E. Postmodern Geographies. London: Verso, 1989. 266 p.
57. Strohmayr U., Benko G. Introduction // Human Geography. A History for the 21st Century / Eds. Benko G., Strohmayr U. London: Edward Arnold, 2004. P. XI–XIV.
58. Woodward K., Jones III J.P. The Condition of Postmodernity (1989): David Harvey // Key Texts in Human Geography. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. P. 125–134.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bakhmann-Medik D. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.
2. Byogel'sdejk SH., Masseland R. Kul'tura v ehkonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti M.; SPb: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. 464 s.
3. Byork P. CHto takoe kul'tural'naya istorii? 2 izd. M.: Izd. dom VSHEH, 2016. 240 s.
4. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva YU.A., Lebedeva M.M., Leont'eva EH.O., Malkova N.YU., Ukrainskij V.N., YArulin I.F., YAchIn S.E. "Prostranstvennyj povorot" i ego interpretatsiya v rossijskoj nauke i institutsional'noj praktike // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2021. № 2. S. 46–59.
5. Bunge V. Teoreticheskaya geografiya. M.: Progress, 1967. 279 s.
6. Vedenin YU. A., Golubchikov YU.N., Tishkov A. A. Turisticheskaya geografiya kak issledovatel'skoe napravlenie v sisteme geograficheskikh nauk // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2017. № 4. S. 128–140.
7. Giddens EH., Sattou F. Osnovnye ponyatiya v sotsiologii. M.: Izd. dom VSHEH, 2018. 336 s.
8. Davydov M.A. Dvadsat' let do Velikoj vojny: rossijskaya modernizatsiya Vitte-Stolykina. 2-e izd. SPb.: Aletejya, 2016. 1080 s.
9. Dzhejmison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. 816 s.
10. Dzhonston R.Dzh. Geografiya i geografya. M.: Progress, 1987. 368 s.
11. Dehvid-Foks M. Persekaya granitsy: ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze M.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2020. 464 s.

12. Zamyatin D.N. Soprostranstvennost', territorial'naya identichnost' i mesto: k ponimaniyu politik postmoderna // *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2 (3). S.4-36.
13. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
14. Pavlov A. V. Postmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob"yasnyayet nashe vremya. 2-e izd. M.: Izdatel'skij dom Delo RANKHiGS, 2021. 560 s.
15. Pavlov A. "Sostoyanie postmoderna" Dehvida KHarvi // KHarvi D. Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij. M.: Izd. dom VSHEH, 2021. S.7-40.
16. Pavlov A. Strannaya zhizn' postmoderna // Dzhejmison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. S.7-53.
17. Proshloe – krupnym planom: Sovremennye issledovaniya po mikroistorii. SPb.: Alteja, 2003. 268 s.
18. Smirnyagin L.V. Bezgranichnoe rajonirovanie i plavayushhie priznaki kak sredstvo poznaniya geograficheskoy real'nosti // *Problemy geograficheskoy real'nosti. Devyatye sokraticheskie chteniya*. M.: EHslan, 2012. S.191-200.
19. Smirnyagin L.V. O regional'noj identichnosti // *Menyayushhayasya geografiya zarubezhnogo mira. Voprosy ehkonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran*. Vyp. 17. M. – Smolensk: Oj-kumena, 2007. S.21-49.
20. Smirnyagin L.V. Ob"ektivnost' rajona kak "proklyatyy vopros" rajonirovaniya // *Nauchnye teorii i geograficheskaya real'nost'*. M.: EHslan, 2004. S.103-120.
21. Smirnyagin L.V. Rajonirovanie v obshhestvennoj geografii i samoidentifikatsiya i sotsial'nom prostranstve // *Refleksivnost' sotsial'nykh protsessov i adekvatnost' nauchnykh metodov. Pyatye sokraticheskie chteniya*. M.: RUDN, 2004. S.112-126.
22. Smirnyagin L.V. Regional'naya identichnost' i vernakulyarnyj rajon // *Regional'naya identichnost' v istoricheskom i kul'turnom prostranstve Rossii. VIII Sytinskie chteniya. CH.1. Ul'yanovsk: Izd-vo Korporatsiya tekhnologij prodvizheniya*, 2014. S.36-44.
23. Smirnyagin L.V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2016. № 4. S.7-19.
24. Smirnyagin L.V. EHvolyutsiya metodologii rajonirovaniya v svete teorii sotsial'nykh ehstafet M.A. Rozova // *X Sokraticheskie chteniya. Real'nost' kak sotsial'nye ehstafety*. M.: EHslan, 2015. S.109-119.
25. Skruton R. Duraki, moshenniki i podzhigateli: Mysliteli novykh levykh. M.: Izd. dom VSHEH, 2021. 440 s.
26. Urri Dzh. Mobil'nosti. M.: Praksis, 2012. 576 s.
27. Fuko M. Drugie prostranstva // *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskije stat'i, vystupleniya i interv'yu*. M.: Praksis, 2006. CH. 3. C.191-204.
28. KHarvej D. Nauchnoe ob"yasnenie v geografii. M.: Progress, 1974. 502 s.
29. KHarvi D. Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij. M.: Izd. dom Vysshnej shkoly ehkonomiki, 2021. 576 s.
30. KHarvi D. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod M.: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018. 440 s.
31. SHlyumbom YU., Krom M., Zokoll T. Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malom masshtabe // *Proshloe – krupnym planom: Sovremennye issledovaniya po mikroistorii*. SPb.: Alteja, 2003. S. 7–26.
32. SHumpeter J.A. Istoriya ehkonomicheskogo analiza. T.I. SPb.: EHkonomicheskaya shkola, 2004. LVI+ 496 s.
33. SHuper V.A. Vstupitel'noe slovo // *Problemy geograficheskoy real'nosti. Devyatye sokraticheskie chteniya*. M.: EHslan, 2012. S.7-12.
34. EHko U. Zаметki na polyakh "Imeni rozy" SPb.: Simpozium, 2007. 92 s.
35. Aitken S., Valentine G. Ways of Knowing and Ways of Doing Geography Research // *Approaches to Human Geography*. Eds. Aitken S., Valentine G. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 2006. R. 1-12.
36. Benko G. Regional science: evolution over thirty years // *International Social Journal*. 1984. № 4. R. 699-712.
37. Brenner N., Elden S. Introduction. State, Space, World: Lefebvre and the Survival of Capitalism // *Lefebvre, Henri. State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / eds. Brenner N., Elden S.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. R. 1-48.
38. Castree N. David Harvey // Hubbard P., Kitchin R. (eds). *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. R. 234-241.
39. Castree N. The Limits to Capital // *Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. R. 61-70.
40. Crang M., Thrift N. Introduction // *Thinking space*. Eds. M. Crang., N. Thrift. Routledge, London & New York: 2003. R. 1-30.
41. Dear M. The postmodern challenge: reconstructing human geography // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1988. № 13. R. 262-274.
42. Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
43. Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.

44. Hubbard P., Kitchin R. Introduction: Why key thinkers? // Hubbard P., Kitchin R. (eds) *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. R.1-17.
45. Hubbard P., Kitchin R. (eds). *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. XVI+510 p.
46. Hubbard P., Kitchin R., Bartley B., Fuller D. *Thinking Geographically: Space, Theory and Contemporary Human Geography*. London: Continuum, 2002. KH + 275 p.
47. Isard W. *Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. The Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, New York: 1956. III+350 p.
48. Johnston R., Sidaway J.D. *Geography & Geographers: Anglo-American Human Geography Since 1945*. 7nd ed. New York: Routledge, 2016. 520 p.
49. Latham A., McCormack D., McNamara K., McNeill D. *Key Concepts in Urban Geography*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Singapore: SAGE, 2011, 232 p.
50. Lefebvre H. *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003 [1970]. 197 p.
51. Lefebvre, H. *State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / edited by Neil Brenner and Stuart Elden*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. 331 p.
52. Minca C. *Postmodern Geographies: Edward Soja (1989) // Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. R.135-144.
53. Minca C. *Postmodernism/Postmodern Geography // International Encyclopedia of Human Geography*. eds. Rob Kitchin; Nigel Thrift. London: Elsevier, 2009. R.362-372.
54. Paasi A., John Harrison J., Jones M. *New consolidated regional geographies // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / Eds. Paasi A., John Harrison J., Jones M.* R.1-20.
55. Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell, 2000. 440 p.
56. Soja E. *Postmodern Geographies*. London: Verso, 1989. 266 p.
57. Strohmayer U., Benko G. Introduction // *Human Geography. A History for the 21st Century / Eds. Benko G., Strohmayer U.* London: Edward Arnold, 2004. R. XI–XIV.
58. Woodward K., Jones III J.P. *The Condition of Postmodernity (1989): David Harvey // Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. R. 125–134.

Информация об авторе

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Information about the author

Aleksandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Поступила в редакцию

(Received) 24.01.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 03.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 21.02.2022

"Пространство" и "пространства": рефлексия над пространством как (не) обязательный элемент теоретизирования в социальных науках

Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com

Аннотация. Статья обращается к критическому осмыслению формулировки «пространственный поворот», ставшей предметом круглого стола в журнале «Ойкумена» весной 2021 года. Обращается внимание на разный онтологический статус категории «пространство» в работах по социологии. В разрезе этого признака все исследования делятся на 3 условные группы: универсалистские, партикулярные и метафорические. Показывается, что при всём внимании к проблематике «места» (дистанции, расположения, перемещения), лишь единичные работы обращаются к «пространству» как к категории предельного уровня, работающей в универсальном объяснительном диапазоне. Также немалое число авторов, обращаясь к сюжетам мобильности, миграции, туризма, стратификации и т.д., аргументируют соотносённость эмпирического предмета с некоторой частью пространства. И абсолютное большинство апеллируют к понятию пространства как к интуитивно ясному, не подразумевая необходимость рефлексии. Это показывает, что категория «пространство», притягивая внимание исследователей, одновременно выпадает из рефлексии. Таким образом, рефлексия над пространством неинтересна социологам, что не подтверждает гипотезу «пространственного поворота» в отношении этой науки.

Ключевые слова: социальное пространство, пространственный поворот, универсалистская теория, партикулярная теория, социальная онтология

Для цитирования: Леонтьева Э. О. "Пространство" и "пространства": рефлексия над пространством как (не) обязательный элемент теоретизирования в социальных науках // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 35–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/35-43

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/35-43

"Space" and "Spaces": Reflection on Space as a (In)Dispensable Element of Theorizing in the Social Sciences

El'vira O. Leont'eva,
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Abstract. The article refers to a critical reflection on the wording "spatial turn", which became the subject of a round table in the journal "Ojkumena" in the spring of 2021. Attention is drawn to the different ontological status of the category "space" in works on sociology. In the context of this feature, all studies are divided into 3 conditional groups: universalistic, particularistic and metaphorical. It is shown that with all the attention to the issues of "place" (distance, location, movement), only a few works refer to "space" as a category of the limiting level, working in a universal explanatory range. Also, a few authors, referring to the subjects of mobility, migration, tourism, stratification, etc., argue the correlation of an empirical subject with a certain part of space. And the vast majority appeal to the concept of space as intuitively clear, without implying the need for reflection. This shows that the category "space", while attracting the attention of researchers, simultaneously falls out of reflection. Thus, reflection on space is of no interest to sociologists, which does not confirm the hypothesis of a "spatial turn" in relation to this science.

Key words: social space, spatial turn, universalistic theory, particularistic theory, social ontology

For citation: Leont'eva E. O. "Space" and "Spaces": Reflection on Space as a (In)Dispensable Element of Theorizing in the Social Sciences // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 35–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/35-43

Определённое понимание пространства в той или иной степени в качестве мировоззренческого ядра является частью любой фундаментальной теории, в том числе и в социологии с самого момента её появления. Например, в качестве такой конструкции социального пространства, заложенной в основание классических социологических теорий, можно указать на любую модель устройства общества, признающую значение его структурных элементов в большей степени, чем темпоральных или динамических. Физикализм, от которого ещё в первых социологических теориях наметилось разграничение концепций "структуры" и "действия" [8, с. 43–47], задал ключевые теоретические векторы в социологии рубежа XIX–XX веков и предопределил многие тренды на будущие десятилетия. Стало уже общим местом считать, что на базе социальной статистики, ассоциируемой с пространственным параметром социальных отношений, начали развиваться структурные исследования, а на основе "социальной динамики", как временного измерения, возникли функционалистские теории и социология действия. Это фундаментальное разграничение в дальнейшем получило интерпретацию в терминах "дихотомии "структура-действие", актуальную до настоящего времени. Таким образом,

категория пространства с самого начала XX века становится предметом социологической рефлексии. Традиционно первопроходцем этого направления принято называть Г. Зиммеля, в работах которого появились первые попытки осмысления социальных взаимодействий в пространственной логике, например, в его лекциях о Канте, прочитанных в Берлинском университете в 1902–1903 гг. [9], а также в работе "Пространство и пространственные порядки общества", включённой как главу в его труд "Социология" [17, с. 64–65]. Затем были П. Сорокин [16], Д. Мид [13], Чикагская школа [14], позднее П. Бурдьё [3; 4]. Поэтому, с одной стороны, можно утверждать, что для социологии не было пространственного поворота, а было последовательное нарастание интереса к пространству в течение всего времени её существования.

Однако, с другой стороны, в сравнении с тем, как происходит осмысление пространства в философии и гуманитарной географии, интерес социологов не отличается той выразительной артикуляцией, в которой эта категория приобретает статус самостоятельного аналитического конструкта и, несмотря на то, что исследования по социальной структуре, стратификации, мобильности, социология города/села и т.д. умножаются год от года в своей численности, вряд ли можно считать, что "пространственный поворот" в социологии состоялся как завершённый проект.

В этой работе развивается тезис С.Е. Ячина [2, с. 56] о неясности онтологического статуса категории "пространство" применительно к социологии и преобладании метафорических коннотаций. До настоящего времени нельзя говорить о том, что аналитические разработки социологов в отношении понимания пространства продвинулись дальше высказанного ещё полтора десятка лет назад допущения А. Ф. Филиппова о возможности такой дисциплины, как социология пространства со своей собственной предметной областью [18, с. 259].

Возможно, процесс её становления переживает долгую латентную фазу, но к настоящему моменту представляется возможным говорить о трёх онтологических разрезах, в которых употребление категории "пространство" сложилось в социологии. Первый реализует универсалистские претензии и придаёт этому понятию статус интегративной категории, вокруг которой строится теория. В них особым образом отрефлексированное пространство одновременно выполняет функцию модели, объясняющей взаимодействия более частного уровня. Такая социальная теория предлагается, например, П. Бурдьё, и его понимание пространства в данной статье анализируется как пример такого способа теоретизирования.

Вторую группу работ по степени рефлексии над пространством можно отнести к разряду партикулярных – в них понимание пространства не рефлексивируется, как в первой группе, но только проблематизируется, что имеет ограниченный эвристический потенциал, не выходит за пределы эмпирического объекта и не может быть применено к объяснению более широкого круга явлений. Примером такого подхода можно считать работы преимущественно эмпирического плана, например А. Г. Филипповой [17], Л.А. Беляевой [1], О.И. Вендиной и др. [5]. В них эмпирические исследования предваряются разграничением участков "поля" для отделения нужных частей пространства. Исследования этой группы выполняют очень важную функцию связи между теорией и фактами через рефлексию над отдельным участком социального пространства. В работах "партикулярного" отношения к пространству осуществляется тот логический переход к множественности пространств, в которых оно распадается на частичные конструкции в виде "пространства города", "детства", "текста", "отношений" и тому подобных множественных участков. Такие раздробленные "пространства", с одной стороны, создают критическую массу эмпирических фактов, необходимых для выхода на новое качество теории, но с другой – на фоне этого умножения сущностей всё более очевидным становится дефицит попыток обращения к универсалистским концепциям.

И третья группа работ, в рамках которой пространство как особая онтологическая предпосылка не рефлексивируется и не проблематизируется, а принимается как интуитивно понятное. Работы, выполненные в рамках так понимаемого пространственного подхода, в лучшем случае основаны на присвоении теоретических достижений предыдущих уровней и, возможно, получили "путёвку в жизнь" благодаря им. Собственная соотнесённость с

пространственным походом здесь выносятся за скобки как избыточный логический шаг. В этом случае правомерно говорить о метафорическом использовании категории "пространство" и отсутствии смысловой нагрузки этой категории, отражённой в результатах исследования.

Такая трёхуровневая градация показывает, что большая часть исследований, которые по авторскому замыслу (либо по формально-наукOMETрическим показателям – например, ключевым словам) выполнены в парадигме "пространственного подхода", на самом деле вряд ли соответствуют этому. Они относятся к нему лишь номинально и оперируют базовой категорией только и исключительно в метафорическом ключе (как "ключевым" словом). И поскольку именно такие работы доминируют в общем дискурсе социологических исследований, то, соответственно, факт бурного интереса к пространству, получивший название "поворот" в рамках этой науки, является спорным.

В рамках предложенной логики проще всего распознать работы, метафорически обращающиеся к пространству, поэтому далее остановимся подробнее на примерах универалистской и партикулярной интерпретации этой категории.

Универалистское понимание пространства

Тезис о возможности "универалистского" статуса концепции или теории нуждается в предварительной аргументации, в особенности с учётом того авторитета постмодернизма, который, уходя в прошлое, в качестве своего наследия оставил нам довольно устойчивый скепсис в отношении любых притязаний на универсализм. В этом смысле вряд ли вообще возможна такая теория, которая, безотносительно к её интерпретации пространства, была бы способна взять на себя ответственность за универсальный дискурс как "тотальный", претендующий на объяснение всего. В рамках этой работы принцип понимается как универалистский исключительно *в границах теории*. Это значит следующее: если понимать теорию как систему связанных между собой логических утверждений, то именно утверждение о пространственном измерении социальных отношений имеет статус наиболее общего объяснительного принципа, из которого последовательно в рамках и границах этой теории выводятся и объясняются взаимодействия более частного уровня и другие, представляющие эту теорию структурные единицы.

Если рассматривать степень универсальности понимания пространства как шкалу, по которой теории могут быть выстроены с разной степенью приближения к универсалистскому пониманию, то наиболее последовательную с этой точки зрения концептуализацию пространства мы находим у П. Бурдьё. Не считая нужным в рамках этой работы вдаваться в изложение базовых положений этого автора, приведу только те аргументы, которые позволяют считать его модель понимания социального пространства универалистской.

В его теории социальное пространство понимается как совокупность связей индивидов, организованных в поля: "пространство, т.е. связи..." [3, с. 68]. Поля структурированы внутри себя неравным распределением капитала, которое, в свою очередь, задаёт позиции агентов, различающихся и различающих себя по положению и границам в этих полях. Таким образом, само по себе место, занимаемое агентом в пространстве, представляет собой сложно сконструированную социальную концепцию. Универалистским такое понимание делает главным образом то, что из такой диспозиции агента/хабитуса, можно почти дедуктивным способом вывести практики и ценности, составляющие повседневные и все частные взаимодействия. И наоборот, индивидуальные практики, предпочтения в потреблении, общие ценности и повседневные рутины – всё это объясняется тем, как распределены разные виды капитала в социальных полях, как хабитус структурирует поле и конкурирует за диспозиции в нём. Положение в пространстве объясняет не только индивидуальную агентскую мотивацию, но и групповую динамику – через категории близких и далёких друг к другу диспозиций показывается, как происходит образование групп и социальных классов по соответствующим стилям жизни. При этом два вектора (хабитус как агентская активность и поле как внешняя структура), участвуя в структурировании пространства, задают сложную динамику взаимодействия объективных и субъективных процессов. Обратим

внимание ещё на несколько особенно важных пунктов, дополнительно подтверждающих универалистский взгляд на пространство.

Во-первых, через различия в диспозициях агентов пространство задаёт основу и движущий мотив социального действия, суть которого составляет конкуренция агентов за места с лучшим распределением капитала. Таким образом, базовым мотивом любого социального действия является стремление к получению лучшей пространственной позиции, то есть борьбой за пространство: "Пространство, точнее, места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивающей более или менее решительное преимущество в этой борьбе" [3, с. 15–18].

Во-вторых, пространственный модус социальных отношений объясняет не только всю структуру и динамику социальной жизни, но и формирует физическое пространство, которое в концепции Бурдьё понимается как производное от социального. Между физическим и социальным пространствами нет иерархической или детерминационной зависимости, и социальное пространство обладает такой же степенью реальности, как и географическое пространство, "перемещения внутри которого оплачиваются работой, усилиями и в особенности временем (идти снизу вверх — значит подниматься, карабкаться и нести на себе следы и отметины этих усилий). Дистанции здесь измеряются также временем (например, временем подъема или преобразования — конверсии)" [3, с. 18]. Тем не менее, социальное пространство проявляет, обнаруживает и овеществляет себя в физическом, преобразуя его в том числе через механизм символического принуждения, в результате которого "физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии" [3, с. 53]. Вот какие характеристики, кроме приведённых в этой цитате, использует автор [3; 4; 20], объясняя соотношение между двумя разновидностями пространств:

- реализованное физически (социальное пространство стремится реализоваться в физическом);
- физическое пространство социально размечено и сконструировано;
- овеществлённое социальное пространство;
- присвоенное пространство.

В-третьих, с моей точки зрения, наибольшую выразительность универалистское понимание пространства получает через интерпретацию власти в терминах символического господства. Концепция власти как символического господства — сквозная тема практически для всех работ Бурдьё. Пространство связано с властью таким образом, что пространственная позиция (агента/хабитуса/группы агентов) выполняет роль сигнала, оказывающего влияние на других агентов. Это влияние может выражаться по-разному, в гипертрофированном виде принимая форму господства, подчинения и насилия. Соответственно, разные позиции агентов в полях имеют разную силу принуждения и те, которые концентрируются в диспозициях с самым высоким капиталом, имеют большую силу воздействия (больше власти). Таким образом, традиционный ещё для классической геополитики принцип "больше пространства — больше власти" в концепции Бурдьё приобретает новую интерпретацию в свете значимости символического капитала как ресурса нового типа.

В-четвёртых, универализм поддерживается интерпретацией пространства как целостной, но внутренне дифференцированной конструкции — универсума. Возможно, этот тезис звучит слишком категорично для концепции, всячески дистанцирующей себя от всех видов классификаций, однако нет сомнений в том, что поля, составляющие структуру социального пространства, функционируют в универсальной логике. Особенности и детализация их внутренней динамики отличаются, поскольку первичный элемент пространства — это связи, а они имеют специфику, определяемую полем, но сохраняется единая логика интерпретации этого процесса как борьбы конкурирующих сил, символического господства, воспроизводства различий и неравенства. И тот факт, что признаётся многообразие форм (полей), внутри которых происходят идентичные по логике воспроизводства процессы, связывает в концепции Бурдьё два, казалось бы, несовместимых принципа в диалектическом един-

стве – отсутствие детерминизма и закономерность. Как отмечает Д. Ритцер, "Это отсутствие детерминизма – одна из основных особенностей, отличающих позицию Бурдье от подходов традиционных структуралистов" [15, с. 462].

Это означает, что универсалистское понимание пространства у Бурдье не имеет ничего общего с привычными по классическим философским концепциям вариациями на тему субстанциализма. Пространство не является, условно говоря, "первичной" или "порождающей" сущностью, как и все остальные структуры социального мира. Сам автор неоднократно предостерегает от любых вариантов каузального понимания связей в трактовке всех категорий – то же самое справедливо по отношению к "хабитусу" и "практике". Эти понятия вводятся для обозначения активности субъекта, который, действуя в объективно заданном пространстве, одновременно создаёт его. И тем не менее трудно не согласиться с теми интерпретациями теории Бурдье, в которых подчёркивается, что при всех попытках избежать субстанциализма и выйти за рамки дихотомии "структура-действие" он остаётся "ближе к структурному подходу" [8, с. 47], ведь, по словам самого автора, "категории перцепции социального мира являются в основном продуктом инкорпорации объективных структур социального пространства" [3, с. 18], что, собственно, дополнительно усиливает аргументы в пользу пространственной проблематики в универсалистском ключе.

Суммируя сказанное в отношении концепции Бурдье, можно сказать, что наилучшим выражением универсалистской интерпретации пространства будут слова самого автора о том, что "социология представляет собой социальную топологию", в которой агенты и группы агентов определяются по их относительным позициям в пространстве [3, с. 15]. При этом их "положение существует только реляционно, это обязательно относительное положение; занимать его значит быть чем-то, чем не являются другие" [4, с. 244]. Такой вариант, названный Дж. Ритцером "методологическим реляционизмом" [15, с. 464], даёт большую свободу исследователю за счёт отсутствия жёстких границ, изначально предопределяющих стратификационные признаки классов, групп, институтов и правил. Всё это показывает, что пространственная консолидация агентов/хабитусов, полей и практик даёт возможность апеллировать к пространству как к универсальному операциональному конструкту, применимому для интерпретации широкого круга эмпирических объектов.

Множество других авторов внесли весьма значительный вклад в разработку теории социального пространства, о чём написаны статьи и книги, в которых среди них называют Д. Харви [19], А. Лефевра [11], Э. Гидденса [7], А.Ф. Филиппова [18] и др. Ни в малейшей мере не умаляя их вклада, отметим здесь, что выделение из этого ряда Бурдье имело только одно основание: в его модели универсалистский масштаб теоретизирования сочетается с открытостью для социологической операционализации, то есть здесь нет самодостаточного замыкания теории на самой себе, а имеется выход к объяснению широкого диапазона эмпирических фактов. Этим объясняется и тот отклик, который она получила на эмпирическом уровне, как в зарубежной, так и (в меньшей степени) в российской социологии [1; 5; 6; 21].

"Партикулярные" и "метафорические" интерпретации пространства: кумулятивный переход или "умножение сущностей без необходимости"?

Несмотря на наличие исследований, опирающихся на разработки Бурдье, нельзя сказать, что они "делают тренд", по крайней мере в российской социологии. Так, в российской электронной библиотеке E-library поисковой запрос статей, книг и диссертаций за 2016–2021 г. по ключевому слову "социальное пространство" выдал всего 106 результатов, среди которых существенную часть представляют историко-социологические обзоры (для сравнения: аналогичный запрос на ресурсе google scholar выдаёт от 1,7 млн до 2 млн. результатов).

К социологическим исследованиям, выполненным в рамках "партикулярной" онтологии отнесём те, которые ограничивают рефлексию отдельной частью исследуемого пространства. Здесь встречаются работы, по-разному выстраивающие связь между теорией и эмпирикой, но в обязательном порядке уделяющие внимание первой. Это может быть отсылка к теории "универсалистского" уровня, под которую автор выстраивает "приложение", про-

водя операционализацию теоретических концептов применительно к своему эмпирическому полю [1]. Это может быть теоретическая "надстройка" в виде поиска возможности дополнений к универсалистской теории, как например, попытка написать онтологию "приватного-публичного" пространства в более общие рамки концепций социального пространства [6].

Именно на этом уровне происходит дифференциация, и социальное пространство дробится на отдельные участки. Эта логика вполне релевантна концепции Бурдьё, так как каждое из полей выполняет роль "подпространства", так как конструкции вроде "экономическое", "образовательное", "культурное" и пр. пространства имеют легитимный статус в его теории. Исследования, выполненные в "партикулярной" рамке, в отличие от метафорического обращения с пространством, не ограничиваются только обозначением подпространственного диапазона, но также предлагают внятное и аргументированное обоснование использования понятия пространства, его границ и смыслов, включаемых в предметную область. Так, например, А.Г. Филипова [17] обосновывает статус "пространства детства" через деконструкцию функциональных и смысловых структур пространства, предложенных в концепции А.Ф. Филиппова [18]. В результате для эмпирического уровня это деление трансформируется в различия между физическими и надфизическими структурами пространства детства, обе из которых важны, т.к. "удовлетворение физиологических потребностей мы связываем с "функциональными" местами, а социальных (потребностей в общении, признании, развитии) – со "смысловыми" местами" [17, с. 80]. Проведённый пример показывает не случайное (в нашей терминологии – не метафорическое) обращение автора к тематике пространственности.

Полагаем, что важной характеристикой пространственного поворота должно было быть смещение интереса к пространству в область такой рефлексии, и он был бы возможен, если бы работы, представляющие эту логику, формировали бы доминирующий тренд. Однако этого пока не происходит, потому что таких исследований, обозначающих рамки и концептуальные границы своей предметности, в группе "партикулярной онтологии" не так много. В огромном списке работ с условным собирательным названием наподобие "образовательное/культурное/информационное/жизненное... и т. д. пространство музея/школы/города/региона" мы, как правило, не обнаружим никакого объяснения в отношении использования этой категории. Это значит, что в самом большом по численности корпусе работ "пространство" используется как понятие обыденного языка, смысл и значение которого интуитивно ясны всем читателям и не нуждаются в пояснениях. Выше приводились результаты поискового запроса по ключевому слову "социальное пространство". Любопытно отметить, что аналогичные запросы по параметрам и "образовательное/культурное/информационное пространство" дают принципиально другой порядок результатов (от 1200 и более результатов). Таким образом, обращение к этому термину как к теоретически нагруженному концепту, имеющему собственный объяснительный потенциал, всё ещё не является общим местом в пространственной проблематике.

Заключение

Если говорить о положении дел в социологии, то вряд ли можно считать эту науку тем передовым рубежом, по которому проходит "пространственный поворот". Подъём интереса к пространству в середине XX – начале XXI века здесь правильнее считать заделом на будущее, обозначающим скорее перспективные "точки роста", чем актуальное положение дел. Представляется, что этот "поворот" связан не с тем, что возобновился интерес социологов к пространству, который, как известно, всегда был. Поворот скорее состоялся внутри дискурса о пространстве: на физическое за социальным пространством. Однако с точки зрения разработки теорий, предлагающих как универсальные объяснительные схемы, так и рабочие модели, пригодные для эмпирической фонне перехода от модерна к постмодерну понимание самой категории пространства переросло те традиционные предикаты, в которых оно наделалось абсолютным статусом. Возможно, поворот состоялся и в том, что связь между физическим и социальным пространствами после постмодерна была перевёрнута. Теперь не только социальное, но и физическое пространство создаётся,

конструируется, получает смыслы, значимость и ценностные коннотации от субъекта – так, как это аргументировано в концепциях П. Бурдьё А. Лефевра, Д. Харви, М. Кастельса [10] и др. Более того, конструирующий/конституирующий потенциал был перезакреплён с операционализации, сделано немного. Нарботки указанных авторов показывают тот существенный мировоззренческий сдвиг, произошедший в отношении понимания пространства, но мало кто обращается к вопросу о том, какие инструменты нужны для того, чтобы работать в этой мировоззренческой парадигме на практике.

Из-за этого пространственный поворот для социологии, как уже упоминалось, является скорее проектом, направленным в будущее, чем пережитым опытом. Два принципиальных вектора этого проекта могли бы продвинуть процесс: во-первых, в направлении наработки "партикулярных" онтологий, наращивающих потенциал "теорий среднего уровня" в отношении пространства (в том смысле, в каком этот термин понимал Р. Мертон [12]), во-вторых, в отношении разработки возможных механизмов/алгоритмов операционализации, позволяющих связать теории с фактами, которые можно использовать как методологический арсенал эмпирического уровня. Иначе говоря, актуальную область пространственных исследований могли бы составить методологические разработки в направлении поиска того, "что является, собственно, "локусом", местом пребывания, местом референции, основанием солидарности для множества новых и новых групп, — этот вопрос опять-таки имеет смысл лишь в том случае, если проблема пространства получит надлежащее *методологическое прояснение*. Она не получила его до сих пор" [18, с. 18]. А.Ф. Филиппов констатировал такое положение дел в работе 2008 года, но за прошедшие годы ситуация не утратила своей актуальности.

В этой статье показано, что рост численности работ, обращённых к пространству в частных областях, не означает становления пространственной социологии. Возможно, наличие этого интереса произведёт тот необходимый кумулятивный эффект, благодаря которому со временем она появится. В настоящий момент, как было показано выше, для самих авторов работ, создающихся в таком широком русле пространственной проблематики – например, миграционных исследований, – ни понятие пространства, ни тем более пространственного поворота не является предметом рефлексии. Они обходятся без осознания своей принадлежности к этому теоретическому подходу. Поэтому рост интереса к пространственным исследованиям в российской социологии специфичен: с одной стороны, это эмпирические исследования без рефлексии и теории, с другой – движение теоретиков пространства, прежде всего школы А.Ф. Филиппова, не снисходящих до эмпирики.

В заключение хочу обратить внимание на то, что ни один из маркеров, связанных с предложенной в этой работе типологией, не носит оценочного характера и не предполагает суждений относительно качества исследования и текста: "универсалистское" понимание пространства не значит, что исследование лучше или хуже по сравнению с "партикулярным" или "метафорическим". Те работы, в которых понятие пространства используется как интуитивно ясное ("метафорическое") очень часто построены на интересном эмпирическом материале и его адекватном анализе. Здесь речь идёт только о попытке прояснения онтологического статуса категории "пространство", и пока что ни в "универсалистской" ни в "партикулярной" онтологии не складывается того, что можно было бы считать "критической массой" рефлексии, свидетельствующей о "пространственном повороте" в социологии.

Литература

1. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия Социология. 2018. Т.8. № 1. С. 58–72.
2. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А. и др. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2(57). С. 46–59.
3. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж-де Франс (1992–1993). М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 416 с.
5. Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–7.
6. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой современной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
7. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
8. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2018. 336 с.
9. Зиммель Г. 16 лекций о Канте // Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 7–157.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 608 с.
11. Лефевр А. Производство пространства. М: Институт медиа, архитектуры и дизайна "Стрелка", 2015. 432 с.
12. Мертон Р. О социологических теориях среднего уровня // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 64–104.
13. Мид Дж. Г. Философия настоящего. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2014. 310 с.
14. Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология. Антология / Под ред. С. П. Баньковской. Т. 1. М.: Книжный дом "Университет", 2002. С. 374–390.
15. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб: Питер, 2002. 688 с.
16. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–424.
17. Филипова А. Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики, 2012. № 1. Т. 10. С. 79–94.
18. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб, 2008. 285 с.
19. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2021. 576 с.
20. Bourdieu P. Social Space and the Genesis of the Appropriated Physical Space. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12534> (дата обращения: 12.12. 2021).
21. Blasius J., Leabron F., Le Roux B., Schmitz A. Empirical Investigations of Social Space. Springer Nature, Switzerland, 2019. 440 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belyaeva L.A. Sotsial'nye distantsii kak kharakteristika sotsial'nogo prostranstva sovremennoj Rossii // Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya. 2018. T.8. № 1. S. 58–72.
2. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A. i dr. "Prostranstvennyĭ povorot" i ego interpretatsiya v rossijskoĭ nauke i institutsional'noĭ praktike // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2021. № 2(57). S. 46–59.
3. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s frants.; otv. red. perevoda N.A. SHmatko. M.: Institut ehksperimental'noĭ sotsiologii. SPb. : Aleteĭya, 2007. 288 s.
4. Burd'e P. EHkonomicheskaya antropologiya: kurs leksij v Kollezh-de Frans (1992–1993). M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANKHiGS, 2019. 416 s.
5. Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. Sotsial'noe prostranstvo Moskvyy: osobennosti i struktura // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2019. № 6. S. 3–7.
6. Volkov YU.G. Privatnoe prostranstvo: opyt sotsiologicheskoy refleksii solidaristskogo potentsiala novoj sovremennoj real'nosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 12. S. 20–29.
7. Giddens E.H. Ustroenie obshhestva. Oчерk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskij proekt, 2018. 528 s.
8. Giddens E.H., Satton F. Osnovnye ponyatiya v sotsiologii. M.: Izd. dom NIU VSHEH, 2018. 336 s.

9. Zimmel' G. 16 leksij o Kante // Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 1. Filosofiya kul'tury. M.: YUrist, 1996. S. 7–157.
10. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkoha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2001. 608 s.
11. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M: Institut media, arkhitektury i dizajna "Strelka", 2015. 432 s.
12. Merton R. O sotsiologicheskikh teoriyakh srednego urovnya // Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.:AST, 2006. S. 64–104.
13. Mid Dzh. G. Filosofiya nastoyashhego. M.: Izd. Dom GU VSHEH, 2014. 310 s.
14. Park R. EHkologiya cheloveka // Teoreticheskaya sotsiologiya. Antologiya / Pod red. S. P. Ban'kovskoi. T. 1. M.: Knizhnyĭ dom "Universitet", 2002. S. 374–390.
15. Rittser Dzh. Sovremennye sotsiologicheskie teorii. 5-e izd. SPb: Piter, 2002. 688 s.
16. Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P.A. CHelovek. TSivilizatsiya. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. S. 295–424.
17. Filipova A. G. Sotsial'noe prostranstvo detstva: printsipy markirovaniya territorij // ZHurnal issledovaniy sotsial'noj politiki, 2012. № 1. T. 10. S. 79–94.
18. Filippov A.F. Sotsiologiya prostranstva. SPb, 2008. 285 s.
19. KHarvi D. Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij. M.: Izd. dom NIU VSHEH, 2021. 576 s.
20. Bourdieu P. Social Space and the Genesis of the Appropriated Physical Space. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12534> (data obrashheniya: 12.12. 2021).
21. Blasius J., Leabron F., Le Roux B., Schmitz A. Empirical Investigations of Social Space. Springer Nature, Switzerland, 2019. 440 p.

Информация об авторе

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Information about the author

El'vira O. Leont'eva, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Political Science and Regional Studies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 12.01.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 19.02.2022

Российская политическая наука в контексте "пространственного поворота"

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. На основе историко-сравнительного анализа процессов научной концептуализации «пространства» в статье рассматривается динамика вовлечения российской политической науки в методологическое движение, известное как «пространственный поворот». Освещаются происхождение и мировоззренческие основы современного (второго) пространственного поворота, его внутренняя структура. Выделяются три направления пространственных исследований в российской политологии, выявляется их методологическая специфика, намечаются перспективные задачи дальнейшего изучения пространства России.

Ключевые слова: *пространство, пространственные исследования, пространственный поворот, мировоззренческие основы науки, методология, российская политология*

Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-511-93005\20

Для цитирования: Киреев А. А. Российская политическая наука в контексте "пространственного поворота" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 44–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/44-60

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/44-60

Russian political science in the context of the "spatial turn"

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. Based on a historical and comparative analysis of the processes of scientific conceptualization of "space", the article examines the dynamics of the involvement of Russian political science in the methodological movement known as the "spatial turn". The origin and worldview foundations of the modern (second) spatial turn, its internal structure is highlighted. Three areas of spatial studies in Russian political science are identified, their methodological specificity is revealed, and promising tasks for further studying the space of Russia are outlined.

Key words: *space, spatial studies, spatial turn, worldview foundations of science, methodology, Russian political science*

For citation: Kireev A. A. Russian political science in the context of the "spatial turn" // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 44–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/44-60

Поводом к постановке центрального для этой статьи вопроса – вопроса о том, произошел ли в российской политической науке "пространственный поворот" – стало достаточно очевидное для всякого внимательного наблюдателя ускоряющееся проникновение темы такого поворота в отечественную научную литературу. В последнее десятилетие пространственный поворот превращается в предмет все более широкого очного или, чаще, заочного обсуждения, свою позицию в котором стремятся обозначить философы, социологи, историки, культурологи, экономисты и географы¹. Участие в нем, хотя пока сравнительно менее активное, принимают и представители политической науки.

Это обсуждение в настоящее время едва ли можно назвать научной дискуссией: позиции его участников обычно слишком расплывчаты, а возникающие между ними разногласия еще не оформились в четко выраженные линии противостояния. На мой взгляд, главной причиной того, что разворачивающийся обмен мнениями о пространственном повороте до сих пор не может достичь необходимой научной, и просто логической, строгости, а значит и продуктивности, является то, что он слишком часто проходит мимо узлового пункта "поворота" – а именно истолкования самой категории "пространство".

Без прояснения смыслов, вкладываемых в эту категорию (и целое семейство восходящих к ней пространственных понятий) разными исследователями, обсуждение пространственного поворота грозит так и остаться спором о словах. Если вести разговор о "пространстве" основываясь на индивидуальных или групповых ассоциациях, провоцируемых этим термином образах и метафорах, то вряд ли стоит рассчитывать на то, что он приведет к каким-либо теоретическим выводам и методологическим последствиям. Поэтому дискути-

¹ См. посвященные этой теме выпуски журналов "Топос" (2011, № 1) и "Диалог со временем" (2019, № 69), а также [5].

рованию вопросов актуальности пространственного поворота для российской науки, в целом, и политологии, в частности, оценке его нынешнего состояния и возможных перспектив, должно предшествовать рассмотрение научной концептуализации "пространства" в ее историко-сравнительном аспекте.

Учитывая сказанное, в рамках, заданных целью настоящего исследования, я постараюсь раскрыть три взаимосвязанных комплекса проблем: 1) основное содержание нынешнего пространственного поворота, т.е. лежащие в его основании изменения в позиционировании и трактовке категории "пространство"; 2) место, которое заняло "пространство" в понятийном аппарате современной российской политологии, и функции, которое оно выполняет в ее методологии; 3) перспективы дальнейшей проблематизации, концептуальной и теоретической разработки "пространства" в российской политической науке. Каждая из этих предметных областей сама по себе очень обширна, поэтому их характеристика неизбежно будет обзорной и схематичной. Автор надеется, однако, на то, что в предлагаемом кратком обзоре ему удастся выделить наиболее характерное и существенное.

Три традиции и два "поворота"

Если попытаться охарактеризовать нынешний пространственный поворот в первом приближении, то можно отметить два основных признака этого методологического движения. Во-первых, пространственный поворот предполагает помещение проблематики пространства в фокус предметного интереса социогуманитарного сообщества, что, так или иначе, сопряжено с вытеснением за границы этого фокуса проблематики временной, исторической. Во-вторых, от своих адептов "поворот" требует отношения к "пространству" ("пространствам") как к фундаментальному фактору, активной силе, а не просто внешней рамке социальных процессов.

Подобное предельно общее, абстрагирующееся от многих важных (на другом уровне анализа) деталей, истолкование современного пространственного поворота в приложении к истории социогуманитарных наук приводит к выводу, что данный поворот нельзя считать чем-то беспрецедентным. На рубеже XIX–XX вв. социогуманитарное знание уже переживало сопоставимое по масштабу методологическое обновление, включавшее в себя и переоценку сравнительной значимости пространственного и временного аспектов изучения общества, и переосмысление самого способа связи пространства и социальной реальности. Вместе с тем, этот более ранний пространственный поворот (далее будем именовать его "первым", в отличие от нынешнего, "второго", поворота) отличался от современного существенно иными содержательными трактовками "пространства", из которых вытекали и многие другие его особенности.

Сопоставление содержательных, концептуальных различий первого и второго пространственных поворотов, в свою очередь, заставляет обратиться к стоящим за ними более глубоким расхождениям мировоззренческого порядка. Источником изучаемых методологических поворотов, в конечном счете, являлось развитие онтологических и гносеологических установок исследователей, воспринимавшихся ими под влиянием культурного контекста своей эпохи, опосредованного ее философскими и идеологическими учениями. Эти мировоззренческие установки, которые можно сгруппировать в три научно-философских традиции – антропоцентризм, натуроцентризм и социоцентризм² – заслуживают более подробного рассмотрения.

Не касаясь происхождения упомянутых научно-философских традиций, отмечу, что их развитие в целом было параллельным, но неравномерным (волнообразным) и асинхронным. В Новое время (XVII–XVIII вв.) в западной философии и глубоко зависимой от нее науке борьбу за доминирование вели, прежде всего, традиции антропоцентризма и натуроцентризма, в каждой из которых сложились собственные и все более расходящиеся подходы к определению категории "пространство".

В различных монистических антропоцентрических онтологиях (Декарт, Ньютон, Кант), отпавлявшихся, так или иначе, от унаследованной

² Критерий разграничения трех традиций – разногласия в вопросе об онтологическом ядре реальности и важнейшем объекте познания. См.: [10].

от религиозного, теоцентрического сознания идеи всеобщего, абсолютного и трансцендентного субъекта, пространство трактовалось как вместительница всего сущего, как объемлющая форма, предзаданная "вещам" извне (субъектом)³. Будучи идеальной, ментальной формой, такое пространство характеризовалось исходной пустотой и однородностью, изотропностью, бесконечными протяженностью и делимостью (математической измеримостью). Подобная абсолютная трактовка пространства⁴ отвечала нуждам картографов и чиновников формировавшихся в это время в Европе централизованных национальных государств, пестрые земли которых было необходимо привести в рациональный политико-территориальный порядок [42].

Несколько позднее, к началу XVIII в., под совместным воздействием плюралистической натурфилософии (Лейбниц, Вольф, Монтескье)⁵ и описательной географии оформилась иная – реляционная – концепция пространства. В соответствии с ней, пространство следовало понимать как атрибут самих внеположенных субъекту "вещей", естественных и искусственных объектов. Такое производное от явлений, зависимое от их изменчивых свойств и отношений пространство утрачивало свою чистоту и прозрачность, и приобретало гетерогенность и относительность, анизотропность и конечность. Уже у Г. Лейбница реляционная концепция была тесно связана с представлением о множественности и даже иерархичности пространств физического и абстрактно-логического типа [4, с. 100–101; 26, с. 331–333].

В отличие от абсолютной, реляционная концепция пространства дольше сохраняла сугубо отвлеченный, внутрифилософский характер, не находя опоры в практических запросах европейских обществ. Существенно эта общественная ситуация изменилась лишь в XIX в., когда резкое ускорение торгово-экономического развития Запада привлекло широкое внимание к проблемам роста капиталистического рынка и роли в нем неоднородности экономического пространства, за которой, в свою очередь, проступала гетерогенность пространства природного. Под влиянием данной тенденции на протяжении всего этого столетия на базе реляционного видения пространства происходило сближение физической географии сначала с экономикой (политэкономией), а затем и другими социогуманитарными дисциплинами.

Лидером этого сближения наук и родиной первого пространственного поворота стала Германия. Еще в первой половине XIX в. здесь зарождается экономическая география, изучавшая связи между разнообразием и структурой природных ландшафтов и размещением аграрного, а позднее и промышленного, производства [24, с. 82–94]. Другим активно развивавшимся в Германии с середины XIX в. процессом являлась интеграция географического знания с антропологическими исследованиями. Целью этой интеграции было выявление природной основы расселения рас и этносов, а также распространения типичных для них форм материальной и духовной культуры.

И в экономико-географических, и в антропогеографических исследованиях основной стратегией каузального соединения организации природного пространства и морфологии различных сфер общественной жизни выступал географический детерминизм. При всей упрощенности этого способа научного объяснения, он давал возможность преодолеть застой в обширной области на границах естественных наук и обществознания, которая многие десятилетия не могла продвинуться дальше накопления картографических описаний и классификационных схем. Кроме того, географический детерминизм в целом достоверно отражал тот порядок субординированности естественных и социокультурных факторов структурирования общества, который преобладал на протяжении длительного исторического периода – всей доиндустриальной эпохи и начальной фазы индустриализации.

³ Постепенная трансформация в XVII–XVIII вв. теоцентризма в антропоцентризм была связана с переходом от религиозной идеи Бога-творца к философскому Богу-наблюдателю у деистов и, наконец, к индивидуальному Человеку как всеобщему субъекту-наблюдателю у Канта.

⁴ Позднее названная А. Эйнштейном "контейнерной".

⁵ До Лейбница натуроцентрическая философия, как и антропоцентрическая, имела монистический характер.

Ключевым этапом первого пространственного поворота явились 1880-е–1890-е гг., когда были опубликованы важнейшие труды немецкого географа, антрополога и этнографа Ф. Ратцеля. Решающее значение, которое для судьбы "первого поворота" имели исследования Ратцеля, было обусловлено сочетанием нескольких их особенностей – теоретизма (претензия на формулирование универсальных законов пространственной динамики обществ), методологической рефлексии (развертывание географического детерминизма в систему понятий и количественно измеримых показателей), междисциплинарности (использование знаний, концепций и подходов физической географии и биологии в решении проблем этнографии, социологии и политической науки) и прикладной ориентации (подготовка рекомендаций для правительства Германии, его внешней и внутренней политики) [25, с. 51–56].

За два десятилетия после публикации трудов Ратцеля, их влияние (как парадигмальных образцов постановки и решения пространственных проблем) вышло далеко за рамки географической науки. В этнографии под этим влиянием сформировалось вытеснившее в конце XIX в. классический эволюционизм учение диффузионизма. В политологии и отпочковавшейся от нее теории международных отношений эти труды способствовали зарождению такого научного направления как геополитика. В самой географии под определяющим воздействием идей Ратцеля и его учеников произошло предметное обособление политической географии и лимологии. Антропогеографическая школа имела множество последователей в наиболее развитых и политически активных государствах Европы, Северной Америки и Восточной Азии. Предложенный ею вариант натуроцентрической трактовки пространства, его организации и принципов изучения был с большим интересом встречен учеными и тех стран, где к тому времени уже сложились собственные, но теоретически менее разработанные научно-географические традиции (Великобритания, Франция, Россия) [35, с. 51–92; 44, р. 32–34].

Безусловно, содержание первого пространственного поворота нельзя свести к теории и методологии немецкой антропогеографии и результатам их рецепций и трансформаций в других дисциплинах и странах. Фронт пространственных исследований в Германии был значительно шире антропогеографической проблематики и различные участки этого фронта (в особенности на его экономико-географическом фланге) имели свою, автономную динамику [24, с. 82–97]. Однако, именно популярность антропогеографии и геополитики сыграла ведущую, авангардную роль в международном успехе первого пространственного поворота 1880-х–1920-х гг., проложив дорогу для экспансии других продуктов немецкой географической мысли.

Первый пространственный поворот не был простым триумфальным шествием идей немецких ученых за пределы Германии. Если первоначальной реакцией на общую концепцию детерминированности формы и эволюции общественных организмов природной средой их обитания, как правило, являлся благожелательный интерес, то в дальнейшем ее восприятие становилось все более критическим. Раньше и отчетливей чем где-либо это критическое отношение обнаружило себя во Франции. Уже у духовного вождя французского обществознания рубежа XIX–XX вв. Э. Дюркгейма оценка трудов Ратцеля была амбивалентной. Многочисленные ученики и последователи Дюркгейма, по существу, произвели ревизию немецкой антропогеографии и геополитики, скорректировав одни из их положений, и отбросив другие как неприемлемые. Явным свидетельством внутреннего кризиса "первого поворота" и наметившегося отхода от его методологических истоков стало выдвижение французскими географами принципа географического possibilizма. Новый принцип соотношения географических и социологических фактов, толковавший их причинную связь как вероятностную, а не однозначную, был скорее усовершенствованием, чем отрицанием географического детерминизма [25, с. 132; 44, р. 34]. Однако эта умеренная методологическая новация явилась симптомом значительно более глубоких и важных изменений гносеологического и онтологического порядка, обусловленных оформлением во Франции начала XX в. социоцентрического мировоззрения.

Социоцентризм, видящий в обществе реальность *sui generis* и ключевой объект познания, сложился в особую научную картину мира в рамках социологической школы Дюркгейма. Вместе с тем, его последовательный генезис,

важное место в котором занимали руссоистский абсолютизм "общей воли" и контровский проект "социальной физики", можно проследить, по крайней мере, с XVIII в. [15, с. 76–121; 36, с. 180–191]. Помимо французской ветви позитивизма, весомую роль в формировании социоцентризма сыграло гегельянство, а позднее – марксизм. Становление социоцентрического мировоззрения в науке происходило в борьбе как с апеллировавшей к неокантианству антропоцентрической, "качественной" социологией (М. Вебер), так и социологическим натуроцентризмом (Г. Спенсер и социал-дарвинисты), долгое время монопольно выступавшим от имени "единственно научной" позитивистской философии. К началу XX в. этой третьей традиции еще не удалось выработать своего собственного понимания пространства. Однако уже для первого поколения последователей Дюркгейма (М. Мосс, Л. Февр) было очевидно, что между натуроцентрическими реляционными трактовками пространства и, также все более реляционной, социоцентрической онтологией есть существенные противоречия, требующие разрешения.

Впрочем, внутринаучные споры и стоящее за ними противоборство мировоззрений не были главной причиной наметившегося к началу 1930-х гг. спада первой междисциплинарной волны пространственных исследований в обществознании. Важнейшие факторы завершения "первого поворота" лежали в сфере внешних, социально-политических условий существования науки. Углубление франко-германского противостояния и общий рост международной напряженности в ожидании новой мировой войны, дрейф ряда немецких представителей антропогеографии и геополитики к крайне правой части политического спектра и ответные изоляция или репрессирование сторонников этих направлений в научных сообществах стран-противников Германии резко затормозили развитие пространственных исследований. Крах блока держав Оси, международно-правовое осуждение их идеологии и практики и ассоциировавшихся с ними научных концепций и подходов закрепили эту тенденцию на десятилетия вперед.

Разумеется, и в послевоенный период изучение связей между пространством, человеком и обществом никогда не прерывалось полностью. Однако в 1950-е–1960-е гг. для него были типичны дистанцирование от концептуальных вопросов, эмпиризм, фокусировка на прикладных проблемах и локальных объектах. Основным оплотом пространственных исследований с 1930-х гг. становится урбанистика (социология города), ведущие позиции в которой первоначально занимала Чикагская социологическая школа, пытавшаяся (прежде всего, в лице Р. Парка) синтезировать в своей методологии познавательные перспективы всех трех научно-философских традиций [16, с. 110–139]. Полевые исследования такой гибридной среды обитания человека как индустриальный город наглядно продемонстрировали недостаточность прежних (натуро- и антропоцентрических) трактовок пространства. Концептуальный дефицит, с которым столкнулась урбанистика, послужил важной внутринаучной предпосылкой для нового пространственного поворота в обществознании, основной мировоззренческой базой которого на этот раз стал социоцентризм [9, с. 486–491].

В отличие от первого, второй пространственный поворот имел значительно более сложную страновую и дисциплинарную структуру, и более гетерогенное идейное содержание. Среди нескольких стран (Франция, Великобритания, США, ФРГ), ученые сообщества которых были наиболее активно и примерно одновременно⁶ вовлечены в это движение, выделить лидера практически невозможно. Еще более разнородно и полицентрично дисциплинарное поле "второго поворота". Даже если признать, что исходный импульс к нему дали "городские исследования" (как синтетическая область), то открытым остается вопрос о распределении ролей в совершении этого поворота между географическими и социологическими компонентами урбанистики⁷. Кроме

⁶ Ключевые работы зачинателей второго поворота (А. Лефевра, Д. Харви, М. Фуко, И-Фу Туана) появились в конце 1960-х–1970-х гг., однако международный масштаб это движение получило только в 1980-е гг.

⁷ По моему мнению, решающую роль во втором повороте сыграла социологизация урбанистики, географии и многих других ранее натуро- или антропоцентрически ориентированных наук. См. также статью В.Н. Украинского и Ж.Ж. Чемитдоржиева в этой рубрике.

того, по мере диффузии идей "второго поворота" в общественном сознании, в большинстве основных отраслей последнего образовались собственные его очаги, в динамике которых специфическая повестка зачастую заслоняет общую [3, с. 363–378; 9, с. 486–491].

Внутренняя рыхлость второго пространственного поворота, фактически объемлющего ряд разнонаправленных научных течений, методологические и особенно идеологические отношения между которыми очень напряженны, создает значительные трудности для попыток его обобщающей характеристики. Тем не менее, существует несколько предельно общих идей, которые в той или иной форме разделяются большинством представителей этого движения:

- Примат пространственной перспективы изучения общества перед временной. Для сторонников "второго поворота" характерен скептицизм в отношении всякого рода макроисторических теорий развития общества и сосредоточенность на синхронных формах его бытия;
- Плюралистичность пространства, неразрывно связанная с его реляционностью и релятивностью. Возрастающие разнообразие и изменчивость пространственных миров служат главным онтологическим аргументом в пользу необходимости и неизбежности пространственного поворота;
- Социальный генезис пространства. Адепты "второго поворота" в целом согласны в том, что все многообразные пространства создаются людьми, хотя и существенно расходятся в своих определениях способов и субъектов пространственного производства;
- "Критическая" миссия пространственных исследований. Участники поворота стремятся, в конечном счете, не к познанию, но к изменению наличных, созданных ранее пространств, с различной степенью радикализма, но, как правило, тесно увязывая научные задачи с этическими и политическими.

Наряду с общим содержанием, в динамике "второго поворота" трудно не заметить и серьезных противоречий, касающихся понимания его происхождения, философских оснований, методов и конечных целей. Существование этих противоречий дает возможность выделить во внутренней структуре "второго поворота", по меньшей мере, три относительно самостоятельных течения. Первое и основное из этих течений, имеющее марксистские (точнее – неомарксистские⁸) основания, наиболее последовательно развивает социоцентрические взгляды на пространство. Признанным корифеем этого течения является французский философ и социолог А. Лефевр, применивший переосмысленный им концептуальный аппарат исторического материализма к проблемам пространственной организации общества, прежде всего, городского. Отправляясь от категорий "практика" и "способ производства", Лефевр показал географическую и историческую вариабельность, социальную фабрикуемость пространства. Механизм производства социального пространства был раскрыт им как процесс диалектического взаимодействия трех его типов (фаз) – мыслимого, проживаемого (объективированного) и связующего их воспринимаемого (т.е. собственно практического) пространств [21, с. 50–59]. Своей диалектической и реляционно-практической трактовкой пространства Лефевр стремился преодолеть то, что он назвал "двойной иллюзией" – сведение пространства к одному из полюсов бинарной оппозиции объективного/ субъективного [21, с. 41–44]. Сторонники реляционно-практического подхода ("третьего пути") Лефевра, прежде всего, в географии и социологии (Д. Харви, Э. Соджа, Р. Шилдс, Ф. Джеймисон, в определенной мере П. Бурдьё, М. Кастельс и Э. Гидденс) значительно расширили круг изучаемых пространственных практик, их агентов и технологий, открыли новые разновидности социальных пространств и описали новые механизмы их взаимодействия друг с другом и географической (физической) средой [6; 17; 43; 46; 47].

Если основному, неомарксистскому, течению в общем русле "второго поворота", так или иначе, присущ социалистический реформизм и надежды на трансформацию государства и его пространственной политики, то для постмодернистского течения в нем характерны более радикальные, крайне левые воззрения. Сильное идеологическое влияние на это течение оказал анархизм, а в гносеологическом аспекте – поздний антропоцентризм (философия жизни,

⁸ Значительное влияние на это течение оказала философия Франкфуртской школы.

феноменология, экзистенциализм) в той его синтетической переработке, которой он подвергся у постструктуралистов, начиная с М. Фуко. Также связывая генезис пространства с практиками, постмодернисты уделяют основное внимание дискурсивным практикам, порождающей, перформативной активности воображения, речи и письма [1; 11; 38; 41; 45]. Проводя символические границы, создавая различия и идентичности, дискурсивные практики постоянно конструируют и реконфигурируют социальные пространства. С точки зрения постмодернистов (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Э. Саид, А. Аппадурани, Д. Мэсси), это пространственное творчество должно выполнять освободительную миссию: его задачей является разрушение "больших пространств", созданных национальными, имперскими и колониальными мифами Модерна, и утверждение локальных пространственных нарративов ("гетеротопий"), воплощающих подавляемые во имя этих мифов ценности и желания индивидов и меньшинств. Акцент на структурах сознания и знаково-символической деятельности обусловил популярность данного течения среди представителей гуманитарных наук, видящих в пространственном повороте продолжение поворотов лингвистического и культурного [3, с. 8–9].

Обособленное и наименее заметное место в структуре пространственного поворота занимает третье течение, которое можно назвать постпозитивистским. Его сравнительно меньшая известность связана с относительной аполитичностью, академизмом и более выраженной преемственностью с наследием первого, натуроцентрического, поворота [34]. Представители этого течения (Ф. Перру, Т. Хагерстранд, Дж. Фридман, М. Портер, М. Фуджита, П. Кругман) продолжают разрабатывать традиционную для экономической географии проблематику неоднородности пространства и неравномерности его развития. Вместе с тем, природная обусловленность гетерогенности экономического пространства в их исследованиях все более замещается ее институциональной, т.е. социальной, генерируемостью, а экономическая география поглощается пространственной экономикой, или пространственным общественным знанием. Это устойчивое смещение неопозитивистского течения в направлении социоцентризма и позволяет рассматривать его в качестве одной из составляющих "второго поворота".

В своем совместном, но разновекторном движении три названных течения на протяжении 1980-х–1990-х гг. распространили идеи "второго поворота" практически по всему дисциплинарному полю социогуманитарной науки стран Запада. Однако интенсивность и глубина проникновения этих идей в разные дисциплины оказалась весьма неодинаковой. Одной из наименее затронутых ими научных отраслей остается политическая наука. Несмотря на то, что в рамках "большой политической науки" давно и стабильно развиваются такие пространственно ориентированные предметные области как политическая география, геополитика, политическая регионалистика и глобалистика, участие политологов в методологических дискуссиях, сопровождающих "второй поворот", эпизодично. За исключением некоторых направлений теории международных отношений (критическая геополитика, мир-системный анализ, транснационализм, конструктивизм) [28; 39, с. 155–163, 211–212], социоцентрическая трактовка пространства, проблематизация отношений между физическим, социальным и политическим пространствами и даже само включение последних в понятийный аппарат науки для современной западной политологии нехарактерны⁹. Такая отчужденность политологического мейнстрима от второго пространственного поворота, по-видимому, обусловлена не столько его методологическим, сколько политико-идеологическим содержанием. Многих "системных" политологов на Западе отталкивает чересчур критический пафос крайне левого крыла этого движения, его нигилизм в отношении государства и нации – традиционных объектов и бенефициаров политологического знания. Не менее сильное влияние этот устойчивый ореол политического радикализма оказывает на динамику второго пространственного поворота и в России.

⁹ Так, в известном систематическом обзоре достижений мировой политической науки [27] не освещаются ни пространственные исследования политики, ни понятие "политическое пространство".

Пространственная проблематика в развитии российской политологии

Отечественная наука, исторически тесно связанная с континентальной европейской, не была в стороне от эволюции научных представлений о пространстве. Уже на рубеже XIX–XX вв. российские географы, а вслед за ними историки, социологи, этнографы и экономисты были активно вовлечены в движение, названное выше "первым пространственным поворотом". Однако в начале 1930-х гг. натуроцентрическая антропогеографическая школа в СССР была разгромлена как "буржуазная" и даже "расистская" [32, с. 168, 180–184]. С этого времени в советской науке вновь возобладало более раннее, антропоцентрическое и монистическое, понимание пространства как чистой доски, на которую "всеобщий субъект" (государство) может произвольно (политически целесообразно) наносить границы административных и плано-экономических районов для последующего размещения в образовавшихся территориальных ячейках необходимого количества военных объектов, предприятий и населенных пунктов [24, с. 160–164, 177–181, 204–207]. При этом подходе любой тип пространства страны должен был стать проекцией политического пространства в том его виде, в каком оно существовало в головах узкого круга партийных руководителей, принимавших стратегические решения.

Следует заметить, что господство подобной универсалистской пространственной перспективы, дедуктивно развертываемой "сверху вниз" – от постановления ЦК и союзного пятилетнего плана до планов отраслевого и районного значения – в советский период никогда не было полным. На локальном уровне, в ходе предплановых разработок и послеплановых корректировок, определенный вес сохраняло конкретное научное знание, выводы и оценки специалистов. Именно на этом нижнем, эмпирическом и прикладном, этаже советской пространственной политики, прежде всего, в кругах физико- и экономико-географов, сохранялись традиции натуралистического видения пространства, уважения к его внутренней, структурной сложности и неподатливости для политических воздействий [24, с. 204–207; 32, с. 168–170].

В 1960-е–1970-е гг. в СССР наметилась отчетливая тенденция к взаимному методологическому сближению географии, экономики и социологии. Несмотря на сходство с процессами, происходившими в это время в западной науке, судя по всему, она имела в целом независимое происхождение. Формирование социально-экономической географии являлось своего рода формой признания (и попыткой компенсации) падающей эффективности гиперцентрализованной модели планирования, слишком часто пренебрегавшей объективными ограничениями природной и общественной среды. В этом контексте, особенно в связи с изучением процессов урбанизации, были сделаны первые шаги в направлении концептуализации природного (физико-географического) и социального (общественного) "пространств", описания их состава и структуры, и выявления порядка их отношений [19, с. 259–261; 22, с. 54–87].

Дифференциация научных определений пространства, за которой уже просматривались мировоззренческие расхождения между авторами, в этот период не привела, однако, к выделению понятия "политическое пространство". Советская политическая наука, формально возникшая на рубеже 1950-х–1960-х гг. [14, с. 25–42], до второй половины 1980-х гг. оставалось, по сути, умозрительным институционально-правовым государствоведением, особенно жестко связанным с коммунистической идеологией и официальным монистическим антропоцентризмом. Постановка каких-либо концептуальных вопросов о пространстве в это время могла иметь место только в рамках такой относительно более свободной ветви советской политологии как внешнеполитический анализ [14, с. 43–122]. Представители этого прикладного и прямо вовлеченного в борьбу с буржуазной мыслью научного направления раньше других в СССР обратили внимание на трансформацию, происходившую в теоретических основаниях зарубежной политической географии и геополитики.

В последние годы советской истории, в условиях ослабления идеологического контроля, это хорошее знакомство с западной теорией международных отношений вкупе с живыми еще традициями насильственно прерванного "первого поворота" послужили предпосылками для роста числа публикаций политико-географической и геополитической тематики. Однако подлинный взрыв интереса к геополитической теории и методологии пришелся на 1990-е

гг., когда общественно-политическая среда развития науки качественно изменилась.

Распад СССР, появление тысяч километров новых границ и территориальных конфликтов, изменение состава и структуры международного окружения России и ее собственного федеративного устройства, реконфигурация сети трансграничных и внутренних материальных, людских и информационных потоков и связанных с ними проблем безопасности – все это не могло не подталкивать к пространственному переосмыслению предмета политической науки. К тому же подвигало и неожиданно быстрое крушение системы советского марксизма, с характерным для него приоритетом исторического, диахронно-линейного ракурса изучения общества, оставившее после себя грудку неразрешенных теоретических и особенно практико-политических вопросов.

Увлечение геополитическими исследованиями стало самой первой и массовой реакцией на острый кризис начала 1990-х гг. В фокусе этого направления пространственных исследований в постсоветской политологии оказались проблемы геополитического положения и потенциала России, сопряженных с ними факторов, ресурсов и интересов, вопросы возникновения "центров силы" и отношений баланса и конфликта между ними, размещения, оформления и функционирования государственных границ, средств и методов контроля на пространстве (территорией) [2, с. 19–35; 7, с. 26–36; 32, с. 89]. Хотя подавляющая часть отечественных геополитических исследований сосредоточена на проблемах национально-государственного уровня, их объектами выступают также внутрироссийские и международные регионы, и мировая система в целом. Необходимо отметить, что с начала 1990-х гг. обширное сообщество российских геополитиков отличалось чрезвычайной разнородностью – в его состав вошли как профессиональные географы (П.Я. Бакланов, А.Б. Елацков, Н.В. Каледин, В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский, В.Г. Шведов) так и философы (А.С. Панарин), историки (С.В. Хатунцев), филологи (В.Л. Цымбурский). Это определило крайнее разнообразие методологического инструментария российской геополитики, в котором, впрочем, преобладали и преобладают теоретические или спекулятивные методы, нацеленные, прежде всего, на вторичный анализ, критику и переработку западных концепций [18, с. 162–173].

Характерной, давней особенностью геополитического направления в политической науке является активное использование метафор и недостаточный интерес к строгим научным дефинициям. Тем не менее, в той мере, в какой понятийный аппарат геополитики все же успел сформироваться, одним из основных его элементов стало понятие "геополитическое пространство (поле)". В работах отечественных геополитиков "геополитическое пространство" (как вид географического) описывается обычно как сложная, многослойная и разномасштабная реальность, организованная не только природными, но и искусственными объектами, а также геополитическими интересами государств и иных политических игроков. Несмотря на подчеркнутое внимание к физической структуре земной поверхности и обязательные ссылки на классиков геополитики, ее современные российские представители в большинстве своем далеки от географического детерминизма: значительно более среди них распространено представление о взаимной обусловленности типологически различных (природных, социальных, политических) слоев "геополитического пространства" [2, с. 22–35; 7, с. 26–36, 51–63; 18, с. 18–19].

Несколько позднее, около середины 1990-х гг., в том числе в ответ на "приземленный" материализм геополитики, возникло второе направление пространственных исследований, которое можно назвать политико-культурным (Д.Н. Замятин, В.Л. Каганский, С.А. Королев, О.Ю. Малинова, О.А. Лавренова). Проблематика этого направления отечественной политологии охватывает изучение структур и топологий российского политического сознания, формирующих их идей, образов, символов, ценностей и поведенческих стереотипов, анализ их генезиса, отношений и функционирования в дискурсивных практиках, воплощения в индивидуальных и коллективных идентичностях. Представителей политико-культурного направления интересуют как образы и размежевания национального и цивилизационного масштаба (Россия – Запад, Европа – Азия), так и ментальная дифференциация между локальными общностями, городами и регионами. При этом, задача изучения массовых форм политического сознания, требующая использования статистических

инструментов, ставится довольно редко: чаще всего политико-культурные исследования обращены к дискурсам властных и духовных элит, которые, в свою очередь, обычно сводятся к определенному набору персональных кейсов. Имея, как правило, гуманитарное образование, представители политико-культурного направления предпочитают работать в рамках семиотического, герменевтического и психологического подходов.

Базовой, интегрирующей категорией для этого направления в политологии выступает "символическое"¹⁰ пространство". Под ним может пониматься как общая "картина (политического) мира", свойственная тому или иному коллективному или индивидуальному субъекту политики, так и специализированная устойчивая констелляция образов, обеспечивающая возможность конкретного типа политической деятельности (электоральной, партийной, протестной и т.д.) [20]. В качестве особой разновидности символического пространства, некоторыми учеными этого направления выделяется "геокультурное пространство", образуемое совокупностью представлений субъекта о составе и структуре своего географического (в т.ч. политико-географического) окружения [12; 23; 32, с. 76–87]. Политико-культурным трактовкам пространства присущ плюралистический антропоцентризм¹¹, идея о дискурсивной заданности любого пространства, что, с одной стороны, объясняет необходимую множественность и изменчивость символических пространств, а с другой, затрудняет выявление их связей с недискурсивными социальными и природными факторами.

Третье направление пространственных исследований в отечественной политологии, становление которого относится к концу 1990-х гг., может быть определено как политико-социологическое (К.Э. Аксенов, А.С. Ахременко, О.И. Вендина, С.В. Патрушев, Г.В. Пушкарева, А.А. Сергунин, Л.В. Смирнягин, Л.Е. Филиппова). Проблематика этого направления включает изучение форм политической (поведенческой, идеологической, институциональной) репрезентации социальной (профессиональной, поселенческой, этнической, конфессиональной, региональной) структуры российского пространства и происходящих в нем процессов (дифференциации, интеграции, мобильности), а также анализ обратного регулирующего воздействия на них политической власти (государства) средствами региональной, национальной, демографической и иных политик. К этому направлению примыкают исследования в области социологии международных отношений, обращенные к проблемам развития трансграничных связей и общностей, вовлечения российского общества и государства в процессы трансграничной регионализации и регионостроительства (С.В. Голунов, В.А. Колосов, А.С. Макарычев, Н.М. Межевич, И.Л. Прохоренко, Г.М. Федоров) [32, с. 51, 88, 90]. При всей методологической разнородности и междисциплинарности, использовании широкого спектра естественнонаучных и социогуманитарных методов, политико-социологическое направление в наибольшей степени тяготеет к эмпирическим, в т.ч. полевым, исследованиям, основанным на применении количественных и качественных методов работы с респондентами и/или текстовыми источниками.

Основным для политико-социологического направления является понятие "политическое пространство (поле)", которое трактуется как особый вид "социального пространства". При этом под "политическим пространством" понимаются любого рода социальные различия, позиции и диспозиции, реализующие себя в системе политических отношений и взаимодействий. Представители данного направления часто подчеркивают связь политического и других, неполитических (социальных, экономических, культурных) полей общества, а также внутреннюю сложность, многомерность самого политического поля, состоящего из публичной и непубличной, институциональной и неформальной сфер, глобального, национального, регионального, муниципального и иных уровней. Широко разделяется ими и идея о зависимости конфигураций, возникновения и разрушения пространственных политических структур от поведения различных социальных агентов, изменений в их групповых или

¹⁰ Варианты: идейно-символическое пространство, семантическое пространство, культурное пространство, ментальное пространство.

¹¹ В этом отношении они близки к постмодернистскому течению второго поворота.

массовых практиках [29; 30; 40]. В силу явного онтологического и методологического социоцентризма политико-социологическое направление в российской политологии наиболее близко ко второму пространственному повороту, и особенно к неомарксистскому течению в нем, с которым его роднит интерес не только к дискурсивным, но и предметным (физическим) практикам, к политической деятельности в самом полном ее объеме. Со "вторым поворотом" это научное направление сближает и сравнительно более выраженная "критичность"¹² – внимание к проблемам пространственного социального неравенства, периферийности, дискриминации и маргинализации, и их отображению (или игнорированию) в политическом поле страны, его расколах и конфликтах.

***

Первое постсоветское десятилетие в развитии политических исследований российского пространства не было отмечено заметными теоретическими и концептуальными достижениями, что понятно, учитывая непродолжительность этого периода и очень жесткие социально-экономические условия, в которые была поставлена наука. Главным результатом совместной работы трех направлений исследований в эти годы стало разностороннее описание исключительной гетерогенности пространства России, которое "на фактах" опровергало официальный пространственный монизм, долгое время довлевший над отечественной наукой. Тем самым были созданы условия для признания пространственной проблематики необходимой, обязательной частью предмета российской политологии.

С середины 2000-х гг. политические исследования пространства переживают трансформацию, связанную с меняющейся ролью в них государства. Изменения охватили, прежде всего, сам объект данных исследований: централизация и усиление авторитарных черт в политической системе России существенно упростили и гомогенизировали ландшафт российской политики, уменьшили количество и разнообразие ее активных участников и снизили интенсивность и остроту их отношений. Вместе с объектом изменился и субъект пространственных исследований: с сокращением числа их негосударственных заказчиков и спонсоров¹³ закономерно поредели ряды и самих исследователей. Наконец, реструктуризации подверглась и предметная область исследований: возобновление во второй половине 2000-х гг. стратегического планирования в сфере пространственной политики привело к переключению многих ученых (особенно из структур РАН) с разработки инициативных тем на выполнение государственных заданий и программ [8; 33, с. 287–289].

"Возвращение государства" оказало неоднозначное воздействие на состояние пространственных исследований в российской политологии второй половины 2000-х–2010-х гг. На фоне общего снижения исследовательской активности и сужения ее проблемного фронта, в этой области, в то же время, оживились процессы внутренней консолидации и упорядочения. Появление в эти годы серии работ, претендовавших на рефлекссию пройденного пути и систематизацию уже сделанного в изучении российского пространства, а в некоторых случаях и на теоретические обобщения [13; 31; 33, с. 274–311; 37], способствовало разворачиванию научных дискуссий и самоидентификации исследователей, их объединению в сообщества по проблемным и географическим интересам, а также методологическим предпочтениям. В определенной степени это структурирование политико-пространственных исследований вышло на институциональный уровень, воплотившись в ряде фокусирующихся на данной проблематике журналов¹⁴, специализированных подразделениях

¹² См. подробнее в статье Л.Е. Бляхера.

¹³ В особенности после ограничения деятельности в России иностранных грантодателей.

¹⁴ "Ab Imperio", "Балтийский регион", "Регионология", "Сравнительная политика" и ряд других.

РАПН¹⁵ и проводимых под их эгидой регулярных конференциях, семинарах и иных формах научной коммуникации.

В изменившихся условиях все три основных направления пространственных исследований в российской политической науке, возникшие в 1990-е гг., продолжили свое развитие. Вместе с тем, вмешательство государства, его целеполагание и финансирование внесли заметные коррективы в соотношение их сил и сфер влияния. Геополитическое направление исследований пространства, переживавшее некоторый спад в конце 1990-х и начале 2000-х гг., в дальнейшем по мере прогрессирующего ухудшения отношений России с Западом и актуализации повестки традиционной и нетрадиционной безопасности, обрело "второе дыхание" и поддержку со стороны государственных структур. Напротив, для политико-социологического направления, растущая озабоченность власти проблемами внешней, а вместе с ней, и внутренней безопасности сыграла в целом негативную роль, став фактором падения востребованности и торможения развития. Что касается наименее "политизированного" политико-культурного направления, то в его относительно автономной эволюции в 2000-е–2010-е гг. такого выраженного циклизма не наблюдалось.

Перспективы политических исследований российского пространства

Неоднозначная динамика пространственных исследований в отечественной политологии 2000-х–2010-х гг., углубляющиеся, а не преодолеваемые методологические расхождения между их основными направлениями во многом объясняют противоречивость оценок вовлеченности этой науки во второй пространственный поворот. Наряду с энтузиазмом и ожиданиями полномасштабной научной революции, обсуждение темы поворота все чаще вызывает у ее участников скепсис, касающийся как перспектив этого движения, так и самой его необходимости в России¹⁶.

На мой взгляд, современное состояние политико-пространственных исследований в России дает основания говорить о том, что, по крайней мере, часть основополагающих идей второго пространственного поворота уже вполне прочно укоренилась (в т.ч. независимо от процессов в западной науке) в российской политологии.

Во-первых, многие, если не большинство, российских политологов оказывают явное предпочтение пространственному (глобальному, национальному, региональному, локальному) ракурсу анализа объекта своей науки перед временным¹⁷. Подобное предпочтение вряд ли можно считать результатом влияния западной мысли: распространенное избегание больших исторических нарративов, теоретических исследований долгосрочной общественно-политической динамики скорее является реакцией на длительное пребывание отечественного общественнознания в историософских тисках казенного марксизма.

Во-вторых, для российской политологии в целом давно перестала быть новой идея о плюральности пространств, в которых разворачиваются политические отношения, и о внутренней пространственной многомерности самой политики. Усвоение этой идеи также нельзя свести только к отклику политической науки в России на второй пространственный поворот: не менее сильным аргументом в пользу нее стали реалии российской политической жизни, вскрытые ее эмпирическими исследованиями, начатыми в 1990-е гг.

В-третьих, при всех расхождениях в концептуальных трактовках различных пространств, представление об их социальном генезисе сегодня, как правило, не встречается среди политологов каких-либо принципиальных возражений. Роль второго поворота состояла не столько во внедрении в сознание российских политологов социоцентрических установок (в основном разделявшихся ими и ранее), сколько в распространении последних на пространствен-

¹⁵ Исполнительные комитеты РАПН по политической регионалистике (с 2006 г.) и геополитике (с 2008 г.).

¹⁶ См. [5], а также выпуск журнала "Топос" (2011, № 1).

¹⁷ Отдельного рассмотрения требует вопрос о степени осознанности такого познавательного выбора.

ные структуры, и привлечении внимания к сильно дискредитированной в 1990-е гг., но имеющей огромный методологический потенциал категории "практика" [4; 37].

Пожалуй, единственным, хотя и весьма важным принципом "второго поворота", который пока плохо прививается на российской почве, является его "критическая" ориентация. Если понимать по ней левацкие, скорее анархистские, чем марксистские по происхождению, требования скорейшего освобождения индивида и общества от государственного и любого иного централизованного принуждения, их радикального самоопределения и самоуправления, то среди российских политологов они получили поддержки еще меньше, чем среди их западных коллег. В этом, безусловно, сказывается опыт новейшей смуты 1990-х гг., показавшей какую цену приходится платить обществу за слишком поспешный демонтаж властной вертикали. В свете этого опыта неудивительно, что большая часть российского политологического сообщества восприняла возвращение государства в качестве "всеобщего субъекта", собирающего и структурирующего вокруг себя мозаику российских политических и неполитических пространств, вполне лояльно.

Означает ли это, что критический дух "второго поворота" чужд российским политико-пространственным исследованиям, и они готовы вновь подчинить себя задаваемой "сверху" парадигме абсолютного пространства, пространства-"контейнера", а точнее огромного "бюро", количество, форма и содержимое территориальных "ящиков" которого определяются только потребностями и удобствами государственного управления? Сохранение разнообразия проблематик, методологий и мировоззренческих оснований изучения пространства в отечественной политологии указывает на то, что это не так. Признание жизненной важности государственно-бюрократического пространства, выполнение интегрирующих функций которого в условиях экстремальной гетерогенности и гетерохронности России нередко объективно требует упрощенного, "контейнерного" мышления, неравнозначно принятию этого пространства и этого мышления в качестве единственно возможных.

Подлинная миссия политической науки состоит не в оправдании или, напротив, разоблачении идеологемы "единого политического пространства", являющейся, по сути, необходимым условием существования любого государства. Она заключается в систематическом выявлении пределов ее применимости, выход за которые может быть деструктивным для других российских пространств, формируемых "снизу", и, в конечном счете, угрожать стабильности и целостности того же государства. Именно такая, ограничивающая, а не отрицающая, пространственная "критика", наиболее практически перспективна и в наибольшей мере соответствует современному пониманию российским политологическим сообществом своей роли в отношениях с государством и обществом.

Следует подчеркнуть, что очерченные общие идейные ориентиры второго пространственного поворота (даже в их адаптированном виде) не могут заменить политико-пространственным исследованиям в России формулирование собственной программы. Несмотря на всю важность международной конкуренции и кооперации, развитие национальной науки измеряется не приближением к некому "мировому уровню", но способностью решать актуальные проблемы своего общества.

Исходя из этих проблем можно предположить, что долгосрочные перспективы политических (и неразрывно связанных с ними неполитических) пространственных исследований в нашей стране будут связаны с реализацией ряда крупных задач, так или иначе, выходящих за нынешние рамки "второго поворота":

1) построение обобщающей результаты эмпирических описаний теоретической модели пространственной сложности российского общества, на междисциплинарном понятийном языке представляющей многомерную организацию его политических и неполитических пространств в ее вертикальном (типологическом и полимасштабном) и горизонтальном (топологическом) разрезах;

2) выявление интегрирующих пространственные структуры разного масштаба и типа стихийных и управляемых циклов обмена практиками, ин-

формацией и ресурсами, а также зон межпространственной напряженности и конфликта;

3) объяснение механизмов генезиса, развития и распада социальных пространств в процессах взаимодействия практик, потоков информации и ресурсов, и реконструкция на этой базе многолинейной истории пространственных структур России, включая коэволюцию ее политических и неполитических пространств.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
4. Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии // Топос. 2009. № 1 (21). С. 94–113.
5. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
6. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
7. Бурлаков В.А. Проект "Туманган" и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е годы XX века: Монография. Владивосток: ВГУЭС, 2007. 224 с.
8. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.
9. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
10. Гуревич П.С., Философская антропология. М.: Издательство "Омега-Л", 2010. 607 с.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
12. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
13. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: "Языки Славянской Культуры". 2006.
14. История Российской ассоциации политической науки / под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филлиповой. М.: Аспект Пресс, 2015. 356 с.
15. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.1 / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон + ОИ "Реабилитация", 2002. 496 с.
16. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.2 / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон + ОИ "Реабилитация", 2002. 560 с.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 608 с.
18. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
19. Краткий словарь по социологии / Под общей редакцией Д.М. Гвишиани и Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989. 479 с.
20. Лавренова О.А. Игры с пространством // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 178–196.
21. Лефевр А. Производство пространства. М.: Стрелка, 2015. 432 с.
22. Лямин В.С. География и общество (Философские и социологические проблемы географии). М.: Мысль, 1978. 309 с.
23. Манаков А.Г. Геокультурное пространство Северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: "Возрождение", 2002. 300 с.
24. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
25. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 148 с.
26. Нарский И.С. Западноевропейская философия XVII века. М.: Высшая школа, 1974. 379 с.
27. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 814 с.
28. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России/ Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. - Волгоград, 2002 // Научно-об-

разовательный форум по международным отношениям: [сайт]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm> (дата обращения: 8.01.2022).

29. Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
30. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.
31. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.
32. Социально-экономическая география в России / Под общ. ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. 326 с.
33. Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. 464 с.
34. Суворова А.В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 3. С. 629–642.
35. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. 269 с.
36. Федорова М.М. Классическая политическая философия. М.: Весь Мир, 2001. 224 с.
37. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2008. 285 с.
38. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
39. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2006. 590 с.
40. Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 73 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
41. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. 229 p.
42. Elden S. Missing the point: globalization, deterritorialization and the space of the world // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005. № 30. P. 8–19.
43. Harvey D. *Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution*. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
44. Laine J.P. Understanding Borders: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts // *Borders and Transborder Processes in Eurasia* / Ed. Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 30–44.
45. Said E.W. *Orientalism*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. XIII, 368 p.
46. Shields R. Social Spatialization and the Built Environment: The West Edmonton Mall // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1989. Vol. 7. No. 2. P. 147–164.
47. Soja E. *Thirdspace. Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996. 334 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshhestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma*. M.: Kanon-Press-TS: Kuchkovo pole, 2001. 286 s.
2. Baklanov P.YA., Romanov M.T. *EHkonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozhenie Tikhookeanskoj Rossii*. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 168 s.
3. Bakhmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.
4. Bedash YU. *Prostranstvo kak problema postmetafizicheskoy filosofii* // *Topos*. 2009. № 1 (21). S. 94–113.
5. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva YU.A., Lebedeva M.M., Leont'eva E.H.O., Malkova N.YU., Ukrainskij V.N., YArulin I.F., YAchın S.E. "Prostranstvennyj povorot" i ego interpretatsiya v rossijskoj nauke i institutsional'noj praktike // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2021. № 2. S. 46–59.
6. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. M.: Institut ehksperimental'noi sotsiologii. SPb.: Aleteiya, 2007. 288 s.
7. Burlakov V.A. *Proekt "Tumangan" i igra geopoliticheskikh interesov v Severo-Vostochnoj Azii v 90-e gody KHKH veka: Monografiya*. Vladivostok: VGUEHS, 2007. 224 s.
8. *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* / Red. V.M. Kotlyakov, A.N. SHvetsov, O.B. Glezer. M.: Tovarishhestvo nauchnykh izdanij KMK, 2020. 365 s.
9. Giddens EH. *Ustroenie obshhestva. Oчерk teorii strukturatsii*. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
10. Gurevich P.S., *Filosofskaya antropologiya*. M.: Izdatel'stvo "Omega-L", 2010. 607 s.
11. Delyoz ZH., Gvattari F. *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.

12. Druzhinin A.G. Teoreticheskie osnovy geografii kul'tury. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTS VSH, 1999. 114 s.
13. Zamyatin D. N. Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. M.: "Yazyki Slavyanskoj Kul'tury". 2006.
14. Istoriya Rossijskoj assotsiatsii politicheskoy nauki / pod red. S. V. Patrusheva, L. E. Filippovoj. M.: Aspekt Press, 2015. 356 s.
15. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. V 4-kh t. T.1 / Otv. red. YU.N. Davydov. M: Kanon + OI "Reabilitatsiya", 2002. 496 s.
16. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. V 4-kh t. T.2 / Otv. red. YU.N. Davydov. M: Kanon + OI "Reabilitatsiya", 2002. 560 s.
17. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkoha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2001. 608 s.
18. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya: Uchebnik dlya vuzov. M.: Aspekt Press, 2001. 479 s.
19. Kratkij slovar' po sotsiologii / Pod obshhej redaktsiej D.M. Gvishiani i N.I. Lapina. M.: Politizdat, 1989. 479 s.
20. Lavrenova O.A. Igrы s prostranstvom // EHPistemologiya i filosofiya nauki. 2021. T. 58. № 1. S. 178–196.
21. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M: Strelka, 2015. 432 s.
22. Lyamin V.S. Geografiya i obshhestvo (Filosofskie i sotsiologicheskie problemy geografii). M.: Mysl', 1978. 309 s.
23. Manakov A.G. Geokul'turnoe prostranstvo Severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarkhiya. Pskov: "Vozrozhdenie", 2002. 300 s.
24. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Ocherki po prostranstvennoj ehkonomike. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
25. Moro-Defarzh F. Vvedenie v geopolitiku. M.: Konkord, 1996. 148 s.
26. Narskij I.S. Zapadnoevropejskaya filosofiya XVII veka. M.: Vysshaya shkola, 1974. 379 s.
27. Politicheskaya nauka: novye napravleniya / Pod red. R. Gudina i KH.-D. Klingemanna. M.: Veche, 1999. 814 s.
28. Prozrachnye granitsy. Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii/ Pod red. L.B. Vardomskogo i S.V. Golunova. M. - Volgograd, 2002 // Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam: [sajt]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/ chapter1.htm> (data obrashheniya: 8.01.2022).
29. Prokhorenko I.L. Prostranstvennyj podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: IMEHMO RAN, 2015. 111 s.
30. Pushkareva G.V. Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoy kontseptualizatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 2. S. 166–176.
31. Smirnyagin L.V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2016. № 4. S. 7–19.
32. Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya v Rossii / Pod obshh. red. P.YA. Baklanova i V.E. SHuvalova. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 326 s.
33. Ctrukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii: Nauchnoe izdanie / Pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. M.: Aspekt Press, 2015. 464 s.
34. Suvorova A.V. Teoreticheskie osnovy issledovaniya ehkonomicheskogo prostranstva: ehvolyutsiya podkhodov // ZHurnal ehkonomicheskoy teorii. 2020. T. 17. № 3. S. 629–642.
35. Tikhonravov YU.V. Geopolitika: Uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, 2000. 269 s.
36. Fedorova M.M. Klassicheskaya politicheskaya filosofiya. M.: Ves' Mir, 2001. 224 s.
37. Filippov A.F. Sotsiologiya prostranstva. SPb., 2008. 285 s.
38. Fuko M. Drugie prostranstva // Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. M.: Praxis, 2006. CH. 3. S. 191–204.
39. TSyankov P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Gardariki, 2006. 590 s.
40. EHkspertnoe obsuzhdenie kontseptsii konstituirovaniya politicheskogo polya i politicheskogo prostranstva v Rossii / Otv. red. S.V. Patrushev, L.E. Filippova. M.: FNISTS RAN, 2017. 73 s. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (data obrashheniya: 15.01.2022).
41. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.
42. Elden S. Missing the point: globalization, deterritorialization and the space of the world // Transactions of the Institute of British Geographers. 2005. № 30. P. 8–19.
43. Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
44. Laine J.P. Understanding Borders: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts // Borders and Transborder Processes in Eurasia / Ed. Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 30–44.
45. Said E.W. Orientalism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. XIII, 368 p.
46. Shields R. Social Spatialization and the Built Environment: The West Edmonton Mall // Environment and Planning D: Society and Space. 1989. Vol. 7. No. 2. P. 147–164.

47. Soja E. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996. 334 p.

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 31.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.02.2022

Анри Лефевр и полиморфность социального пространства

Вадим Николаевич Украинский
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, ukrainsky@ecrin.ru
Жан Жанович Чимитдоржиев
Дальневосточный институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы, Хабаровск, Россия, jeanjean@mail.ru

Аннотация. "По следам" знаменитой работы А. Лефевра "Производство пространства" рассматриваются возможности и проблемы, связанные с использованием для анализа общества тех или иных конструктов, позволяющих структурировать социальное пространство. Вопросу имплементации идей Лефевра и его последователей предшествует разбор того дискурсивно-интеллектуального контекста, в который может быть помещена указанная работа.

Ключевые слова: социальное пространство, Анри Лефевр, постмодернизм, пространственный поворот, полиморфность, гетеротопия

Для цитирования: Украинский В. Н., Чимитдоржиев Ж. Ж. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 61–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/61-72

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/61-72

Henri Lefebvre and the Polymorphism of Social Space

Vadim N. Ukrainskii
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia,
ukrainsky@ecrin.ru
Zhan Zh. Chimitdorzhiev,
Far Eastern Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration, Khabarovsk, Russia, jeanjean@mail.ru

Abstract. The possibilities and problems associated with the use of certain constructs for the analysis of society, which make it possible to structure social space, are considered in the footsteps of "The production of space" – the famous work of Henri Lefebvre. The question of the implementation of the ideas of Lefebvre and his followers is preceded by an analysis of the discursive-intellectual context in which mentioned work can be placed.

Key words: social space, Henry Lefebvre, postmodernism, spatial turn, polymorphism, heterotopia

For citation: Ukrainskii V. N., Chimitdorzhiev Zh. Zh. Henri Lefebvre and the Polymorphism of Social Space // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 61–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/61-72

Введение

Сегодня, изучая зарубежные публикации (причём на самых разных языках), так или иначе связанные с рассмотрением феномена под названием "социальное пространство", читатель с высокой степенью вероятности наткнётся на упоминание Анри Лефевра и его книги "Производство пространства". Широко распространение сылок на Лефевра и упомянутую работу (но не только на неё) в последние три десятилетия, уже после смерти французского учёного, можно связать с так называемым "пространственным поворотом" (*spatial turn*) в социальных науках, первым глашатаем которого считается Э. Соджа¹. Впрочем, наряду с работами, так или иначе осуществляемыми в русле "пространственного поворота", Лефевр активно цитируется (благо он обладал широким спектром исследовательских интересов и опубликовал большое число работ²) в социально-гуманитарных исследованиях из других направлений (урбанистика, социология повседневности и пр.). В конце концов, можно говорить о формировании за рубежом весьма представительной когорты "лефевроведов"

¹ В его работе "Географии постмодерна" один из параграфов получил название "Раскрытие пространственного поворота западного марксизма" [47, p. 39]. С указания на этот факт ("история термина "пространственный поворот" восходит к 1989 году") начинается вводная статья редакторов немецкоязычного сборника, в котором Э. Соджа также участвовал в качестве одного из англоязычных (наряду с Н. Трифтом и М. Крэнгом) авторов [19, s. 7].

² В посвящённых творчеству Лефевра трудах регулярно упоминается факт опубликования им 60 книг.

и, соответственно, "лефевроведения" как специфического исследовательского направления.

Несмотря на всё вышеперечисленное, разнообразные дискурсы, в рамках которых упоминаются Лефевр и его работы, не лишены шаблонности и штампов. Встречаются и весьма спорные интерпретации идей Лефевра. Вот что написал во введении к своей монографии Ф. Бьяджи, один из современных итальянских исследователей творчества Лефевра: "На самом деле Лефевр в основном известен в итальянской среде благодаря интерпретации Дэвида Харви, широко переводимого географа-марксиста. ... Как результат, цель этого исследования состоит в том, чтобы пролить свет на автора, которого часто цитируют, но редко читают..." [14, р. XIX].

В первом разделе настоящей статьи мы осветим тот дискурсивно-интеллектуальный контекст, который окружает "Производство пространства" Лефевра и актуализирует более внимательное изучение тезисов, выдвинутых классиком. В свою очередь, правильное "позиционирование" Лефевра в указанном дискурсе, как представляется, может оказать влияние на имплементацию идей Лефевра, в частности, одной из ключевых идей – идеи о многообразии социального пространства. Именно оценке операциональности пространственной триалектики Лефевра (в сравнении с гетеротопией М. Фуко) будет посвящён второй раздел работы.

Постмодернизм, "пространственный поворот" и "лефевроведение"

Из двух тезисов, приведённых в главе "Пространственный поворот" книги Д. Бахманн-Медик "Культурные повороты" [2], складывается закономерная, на первый взгляд, связка "постмодернизм – пространственный поворот – Лефевр". Первый тезис: "пространственный поворот (spatial turn) – дитя постмодерна" [2, с. 338]. Второй: "Не каждое обращение к "пространству" непременно влечёт за собой пространственный поворот. В то же время одно определённое понимание пространства, имеющее транскультурное применение, оказывается центральным: так, почти все идеи пространственного поворота можно свести к общему знаменателю, к понятию пространства Анри Лефевра" [2, с. 346]. Последний тезис сопровождается ссылкой на "Производство пространства". Другими словами, Лефевр, согласно Д. Бахманн-Медик, в одной из своих работ заложил фундамент "пространственного поворота" как постмодернистского проекта³. Однако здесь, как представляется, нужно правильно "расставить" нюансы, которые в результате существенным образом изменяют картину.

В первую очередь воспользуемся "рецептом" Й. Дёринга и разграничим "историю слова" (Wortgeschichte)⁴ и "историю идей" (Ideengeschichte) [18, s. 90], поскольку это является важным с точки зрения столь часто встречающихся в зарубежной литературе датировок. Если особых сомнений в том, в каком году родился термин "spatial turn" (1989 г.), нет, то с "историей идей" всё не так просто. Тот же Й. Дёринг сначала в качестве предшественника поворота

³ Впрочем, Д. Бахманн-Медик не одинока в подобных оценках. Собственно связка "Лефевр – "Производство пространства" – пространственный поворот" встречается достаточно часто в соответствующей литературе. Например, Л. Станек отмечает, что "Производство пространства" Анри Лефевра ... считается одной из самых важных книг, которые способствовали "пространственному повороту" в социальной и культурной теории, вводя пространство в качестве интерпретирующей концепции в социологический, политический и экономический, исторический и культурный анализ" [50, s. 461]. Схожая связка присутствует в одной из недавних работ М. Лёв, одной из активных участниц немецкоязычного "пространственного поворота" в социологии: "Анри Лефевр считается инициатором (Auslöser) возрождения пространственной социологии. В своей работе "Production de l'espace", опубликованной во Франции в 1974 году..., он не только прокладывает путь к реляционной концепции пространства, но и интегрирует её в критику капитализма" [38, s. 9]. Перечень подобных высказываний можно было бы продолжить.

⁴ Иначе – "ярлыка" (Label) [19, s. 12], каковым в данном случае является термин "пространственный поворот".

называет как раз Лefевра⁵ и упоминает его "Производство пространства" (но ничего более). И здесь, как представляется, кроется одна из ошибок, допускаемых многочисленными авторами работ, посвящённых пространственному повороту. Ведь "Производство пространства", являясь действительно самой значительной работой Лefевра по пространственной тематике, совсем не ограничивает собой весь корпус его идей, связанных с пространством.

Как справедливо указывает Р. Шилдс, к "пространственным" работам⁶ Лefевра нужно добавить и его работы, посвящённые городу: "В исследованиях Лefевра о пространстве есть два этапа. Первый касается того, что он назвал "городским". Второй имеет дело с социальным пространством и тем, что он назвал "планетарным" или глобальным" [43, p. 145]. В этом плане интерес представляет сборник работ Лefевра "От сельского к городскому" [32], впервые опубликованный в 1970 г. Вот что написал в презентации к третьему изданию этого сборника Р. Хесс: "Пользуясь терминологией А. Лefевра, мы могли бы говорить об уже сложившихся "моментах" мысли. Интерес к подходу "От сельского к городскому" заключается в том, чтобы дать прочесть эти моменты, которые послужат поддержкой для более поздних интеллектуальных разработок в области пространства и городского" [26, p. XX].

И действительно, на страницах этого сборника встречаются тезисы, которые будут развиваться в "Производстве пространства". Приведём лишь некоторые из них (с указанием датировки):

1966 г. (май): "Чего люди, по своей сути социальные существа, хотят, живя там? Им нужно гибкое, подходящее пространство как на уровне частной жизни, так и на уровне общественной жизни, города и ландшафта. Такое присвоение является частью понятия социального пространства, как и понятие социального времени. Социальное пространство не совпадает с пространством геометрическим, и его специфическое качество происходит от присвоения. Когда это присвоение исчезает, социальное пространство и геометрическое пространство совпадают, так же как социальное время и время часов" [33, p. 180];

1967 г. (март): "Социальное пространство не совпадает с геометрическим пространством; последнее, однородное, количественное, есть лишь общий знаменатель дифференцированных, качественных социальных пространств. В квартале ... обеспечивалась бы *наименьшая разница* между многочисленными и разнообразными социальными пространствами, упорядоченными институтами и центрами активности. Это была бы самая лёгкая точка соприкосновения между геометрическим пространством и социальным пространством, точка перехода от одного к другому; это была бы дверь между качественными пространствами и пространством количественным, служащая для входа и выхода, место, где пользователи (и для пользователей) осуществляют перевод социальных пространств (экономических, политических, культурных и т.д.) в общее, т.е. геометрическое, пространство" [36, p. 213];

1967 г. (сентябрь): "Я также буду говорить о "присвоении". Дело вовсе не в собственности; это даже нечто совсем другое; речь идёт о процессе, посредством которого индивидум или группа присваивает, превращает в своё благо что-то внешнее, так что можно говорить о времени или городском пространстве, соответствующем группе, сформировавшей город; городское пространство Венеции, Флоренции – это пространство, подходящее для людей, создавших Венецию или Флоренцию" [30, p. 198];

1967 г. (сентябрь-октябрь): "...в городе вчерашнем, как и в городе завтрашнем есть не городское пространство, но городские пространства, множество дифференцированных пространств, качественно отличных от геометрического пространства как пространства географического" [34, p. 224].

Однако проблема определения "первоисточника", как представляется, кроется не столько в недостаточно глубоком освещении вклада Лefевра

⁵ М. Фуко удостоился упоминания в основном благодаря повышенному вниманию к нему в "Географии постмодерна" Соджи.

⁶ Например, за несколько лет до выхода в свет рассматриваемой книги Лefевр в первом номере журнала "Пространства и общества" (Espaces et Sociétés), сооснователем которого он выступил, опубликовал статью "Размышления о политике пространства" [37].

в пространственный поворот, сколько в часто встречающемся игнорировании достаточно богатой традиции пространственного мышления в социально-гуманитарных науках. Вернёмся, например, к уже цитировавшейся работе Й. Дёринга. Кратко остановившись на "Социологии пространства" Г. Зиммеля (опубликованной в 1903 г.), он, в частности, резюмирует: "Здесь Зиммель оказывается предшественником социальной конструктивистской концепции пространства, которую продолжает Лефевр" [18, s. 94]. Впрочем, перечень претендентов на право называться предшественником пространственного поворота можно расширять дальше. Поэтому утверждение Э. Соджи, что пространственный поворот начался в Париже (и персонализирован Лефевром и Фуко), представляется весьма далёким от истины, особенно с учётом оговорок, сделанным им самим, о Чикагской социологической школе и – в рамках "более пространственно чувствительной", нежели англо-германская, французской интеллектуальной традиции – философов Монтеस्कье, Руссо, Вольтере, историках школы Анналов и т.д. [48, pp. 17–18].

В конечном счёте факт свершившего (в конце 20-го столетия) или всё ещё совершаемого поворота (уже в столетии 21-м) в пространственном мышлении ставится некоторыми исследователями под сомнение. Например, С. Рау высказалась крайне скептически относительно претензий исследователей из числа сторонников пространственного поворота: "Тот факт, что история происходит во времени и пространстве, определённо не является открытием, которым мы обязаны так называемому *spatial turn*, то есть "пространственному повороту" конца 20-го века" [41, s. 8]. И далее, указав на некоторые примеры более ранних исследований (и вполне справедливо включив в число урбанистов Лефевра), отметила, что любой, кто знаком с ранними работами, "может улыбнуться по поводу постоянно провозглашаемого последние 15 лет *spatial turn*, хотя сокрытие более старых и ни в коем случае не лишним традиций определённо раздражает учёного" [41, s. 8–9].

Несколько слов стоит сказать о другом компоненте связки "постмодернизм – пространственный поворот – Лефевр". Был ли Лефевр постмодернистом? На этот вопрос ответить достаточно сложно хотя бы по той причине, что однозначного понимания того, что такое постмодерн и постмодернизм, нет. Как и однозначного понимания того, что собой представляет модерн, модерность и модернизм как объекты критики постмодернистов. Возможно, критический пафос постмодернистских изысканий – это главный лейтмотив, их объединяющий⁷.

Конечно, работам Лефевра (и "Производство пространства" здесь не исключение) присущ критический характер. Что, возможно, и позволяет ретроспективно причислять его к постмодернистам⁸. Однако в трудах Лефевра можно встретить высказывания, которые говорят о неприятии им отдельных (и явно постмодернистских) тенденций в том интеллектуальном дискурсе, который он застал. Например, во введении к третьему тому "Критики повседневной жизни", опубликованному в 1981 г., сопоставляя "дискурс оптимиста" (футуристский или футурологический) и "ностальгический дискурс" (ретроспективный), относительно последнего сделал колкое замечание: для него "недавно⁹ придумали название "постмодернистский"" [31, p. 13]. В конечном же счёте давнее (можно сказать извечное) противоречие между двумя дискурсами Лефевр "разрешает" в показательно диалектическом ключе: "Одна из задач этой книги – избежать альтернативы, открыв путь, который не является ни ностальгическим, ни восторженно футурологическим по отношению к "научно-технической революции". Такие противоречия между идеями и такие

⁷ "Постмодернизм – это многогранное философское и культурное движение. Своей мишенью он выбрал модернизм, реализацию модернистских идей в проекте Просвещения и его наследие, приводя веские доводы против всех основных модернистских постулатов" [12, с. 38].

⁸ Например, некоторые тексты из тематического номера "Espaces et Sociétés", посвящённого разбору творческого наследия Лефевра, были сфокусированы именно на этом вопросе [16; 24].

⁹ Возможно, Лефевр имел в виду опубликованную в 1979 г. книгу Ж.-Ф. Лиотара "Состояние постмодерна".

конфликты в "реальном" иногда могут стимулировать мысль, иногда – загонять её в тупик. Важно, прежде всего, не задушить полемику и довести её до конца, не навязывая готового решения, без безусловной апологии знания и техничности и без историзма, навязчивого напоминания о прошлом" [31, pp. 14–15]. Схожим образом Лefевр завершает и небольшой параграф, озаглавленный "Конец модерности?": "Как не заключить, что альтернатива ложна: либо модерн, либо постмодерн? Поставленный таким образом вопрос ускользает от главного: технологического модернизма, его масштабов, его способности вмещиваться в повседневную жизнь. И связанной с этим проблемой, как теоретической, так и политической, проблемой овладения техникой" [31, p. 52].

Однако как раз с диалектическим подходом в рамках широкого потока работ, посвящённых пространственному повороту (при всех "заверениях в верности" идеям Лefевра), всё обстоит не очень хорошо. Весьма часто встречаются различного рода перекосы, редукции, смещения исследовательского фокуса и т.п. Например, несмотря на регулярное упоминание важности междисциплинарности в деле изучения пространственных аспектов общества, многие исследователи не могут вырваться из "прокрустова ложа" тех дисциплинарных границ, в которых они сформировались как учёные. Что идёт в разрез с соответствующим посылом Лefевра, сделанным в "Производстве пространства"¹⁰.

Да и без откровенного субъективизма (иногда граничащего с исследовательской халатностью) также не обходится. Показательна в этом плане критика единственного тезиса (!) из "Производства пространства", предпринятая достаточно давно Б. Верленом (ссылки на этого исследователя достаточно широко распространены в первую очередь среди немецкоязычных авторов, пишущих в русле пространственного поворота). В результате разбора, в основу которого положена не иначе как вульгарная трактовка марксистской терминологии¹¹, Верлен квалифицировал Лefевра как вульгарного материалиста [52, pp. 4–5]¹².

Оставим, однако, Лefевра ненадолго в стороне и обратимся непосредственно к вопросу будущности самого феномена пространственного поворота. Будет ли объявлен его конец, как и в случае с постмодерном? [7, с. 13]. Появятся ли здесь "отступники" (особенно из числа видных учёных)¹³, как произошло

¹⁰ "Преобладающая роль пространства сказывается не только на микроуровне, в расположении поверхностей в каком-нибудь супермаркете или в соседнем квартале, и не только на макроуровне, в распределении потоков внутри отдельной нации или какого-либо континентального образования; она сказывается на всех уровнях, на всех ступенях и в их сочленениях. Ограничивая эту роль рамками антропологии, или политической экономии, или социологии, мы совершаем теоретическую ошибку..." [6, с. 401].

¹¹ Подобная попытка выдает незнание "марксистского" подхода, использованного Лefевром и им самим признаваемого неортодоксальным. От известного "лефевроведа" Э. Мерифилда Лefевр удостоился эпитета "хороший марксист", "потому что его марксизм так плох, так неортодоксален. ...Его марксизм больше о любви и жизни, чем о пятилетних планах. Его марксизм больше похож на либертарианский анархизм" [40, p. 178].

¹² См. также соответствующий фрагмент в русском переводе части этой книги [3, с. 34–36].

¹³ Возможно, "первой ласточкой" здесь было обширное интервью, которое дал в 2012 г. Д. Харви. На вопрос о том, помогло ли ему появление понятия пространства как объекта для изучения, он ответил следующее: "Я должен признать, что меня раздражает большая часть работ, относящихся к тому, что в англосаксонской области гуманитарных и социальных наук было названо "пространственным поворотом". Грубо говоря, это была попытка постмодерна использовать понятие пространства для разрушения "великих нарративов" или, говоря иначе, "мета-нарративов". ... Вся моя жизнь, в определённом смысле, была посвящена удалению географии из географии. ... Я искал мета-нарративы, которые интегрируют пространственное измерение. И вот мы здесь используем пространство, чтобы дисквалифицировать мета-нарративы! ... Короче говоря, есть что-то парадоксальное в том, чтобы переоценивать пространство для целей, полностью противоположных моим" [20, pp. 247–248].

с тем же постмодерном? [8, с. 19–20]. Скорее всего, будущее пространственного поворота зависит от того, сможет ли соответствующий дискурс преодолеть свои всё ещё "детские" болезни. Возможно, выпячивание ярлыка уйдёт в прошлое, и исследователи начнут больше внимание уделять взвешенному анализу тех интеллектуальных традиций, на которых они основывают свои собственные теоретические и/или прикладные конструкции. Возможно, будет осознан факт множественности "поворотов" в деле познания социального пространства, их неравномерности и неповсеместности. Не исключено, что "пространственный поворот" даже будет "поглощён" той или иной версией модерности, утратив постмодернистский пафос¹⁴, которым иногда маскируется откровенная профанация. Впрочем, рассмотрение постмодернизма как "внутримодернистского" проекта – задача интересная, но выходящая за рамки настоящей работы.

Несмотря на наличие лакун, которые можно обнаружить в дискурсе, посвящённом пространственному повороту, следует признать, что есть и положительные эффекты от разрастания соответствующего массива публикации. Одним из них является широкое распространение идей Лефевра: развитие "лефевроведения"¹⁵ последних трёх десятилетий шло рука об руку с исследованиями в русле пространственного поворота.

Беря Лефевра на вооружение: комплексный анализ комплексного пространства

Одним из направлений приложения идей Лефевра служат многочисленные попытки анализа реальных социальных феноменов и реальных объектов, в том числе с использованием тех положений, которые отражены в "Производстве пространства"¹⁶.

Одним из наиболее часто цитируемых или пересказываемых фрагментов этой работы (помимо знаменитого тезиса о том, что "(социальное) пространство есть (социальный) продукт" [6, с. 40]) является тот, где Лефевр представляет своё видение пространственного устройства общества.

Сложное строение социального пространства Лефевр раскрывает, используя в качестве базиса "тройственность" (*triplicité*)¹⁷ концептов (или "моментов").

Первый "момент" – это *пространственная практика (la pratique spatiale)*, которая тесно связывает в *воспринимаемом пространстве (l'espace perçu)* повседневную реальность (использование времени) и реальность городскую (маршруты и сети, соединяющие места работы, "частной" жизни и до-

¹⁴ "...Историческая динамика модерности включает беспрецедентное развитие способностей к самоопределению, самопознанию и самопреобразованию. Этот процесс может порождать проекты самоопределения, бросающие вызов властным структурам, оснащённым для экспансии рационального господства. Однако подрывной потенциал таких контртенденций в большей или меньшей степени нейтрализуется нивелирующими моделями инструментальной рациональности, логика которых подчиняет возросшую рефлексивность культуры модерности обобщённому стремлению к власти" [1, с. 220].

¹⁵ В настоящее время весьма сильные позиции среди "лефевроведов" занимают не только французские, но и англосаксонские (о чём красноречиво свидетельствует целый ряд монографических работ [21; 22; 39; 43]) исследователи, что объясняется падением интереса к творчеству Лефевра на его родине как раз в конце 20-го века. Последнее обстоятельство отмечается целым рядом франкоязычных авторов [15; 26; 42]. Заметен рост интереса к работам Лефевра и среди немецкоязычных авторов, которые активно интегрируются в международный "лефевроведческий" дискурс (см. сборники, посвящённые Лефевру [13; 23; 51]).

¹⁶ Одной из недавних публикаций, демонстрирующих результаты подобного рода исследований, является сборник [29], весьма представительный как с точки зрения географии, так и охваченной тематики.

¹⁷ В русском переводе книги фигурируют термины "триединство" и "триада". Возможно, более удачным обозначением (взамен использованного самим Лефевром) здесь может послужить "триалектика" Э. Соджи: "я использовал другой термин, "триалектика", для описания не только тройственной диалектики, но также и модуса диалектического рассуждения" [49, p. 10].

суга). Указанная связь предполагает самое тщательное разграничение мест, которые она соединяет [35, p. 48; 6, с. 52]. Включая в себя "отведённые места" (*lieux spécifiques*) [35, p. 42; 6, с. 47], этот "момент" социального пространства фактически интегрирует в себя ту часть физического (материального, природного) пространства, которая *присвоена* социумом¹⁸.

Вторым "моментом" выступают *репрезентации пространства* (*les représentations de l'espace*) или *задуманное пространство* (*l'espace conçu*), пространство учёных, планировщиков, урбанистов и т.д. [35, p. 48; 6, с. 52].

Наконец, третий "момент" – это *пространства репрезентации* (*les espaces de représentation*) или *переживаемое пространство* (*l'espace vécu*) – через сопровождающие его образы и символы, это пространство "жителей", "пользователей", художников, писателей, философов. Это пространство, среди прочего, символически "использует" объекты физического пространства [35, p. 49; 6, с. 52].

Как отмечает Д. Харви, "заманчиво ... рассмотреть три категории Лefевра как организованные иерархически"¹⁹. Однако ... кажется более уместным сохранить эти три категории в диалектическом напряжении" [11, с. 21]. И действительно, пространства Лefевра "переплетаются" друг с другом. Вот как это описывал сам Лefевр в "Производстве пространства": "Социальное пространство и особенно пространство городское предстаёт перед нами во всей своей множественности, сопоставимой скорее с множественностью "слойки" (пирожного, именуемого "наполеон"), чем с гомогенно-изотропным (евклидово-декартовским) пространством в классической математике. *Социальные пространства проникают друг в друга и/или накладываются друг на друга. Это не вещи*, которые отграничены одна от другой и сталкиваются по периметру или в результате инерции движения. Термины вроде "пласт" или "слой" не слишком удачны. Это скорее метафоры, чем понятия, они сближают пространство с вещами и рикошетом отсылают понятие пространства в сферу абстракции. В свою очередь, зримые границы (например, стены и вообще любые ограды) порождают иллюзию разграничения пространств, одновременно двойственных и следующих друг за другом" [6, с. 97–98]. И далее: "Принцип взаимопроникновения и наслоения социальных пространств содержит одно ценное положение: в каждом фрагменте пространства, выделенном для анализа, присутствует не *одно* социальное отношение, но *целое* множество их, выявляемое при анализе. Впрочем, то же самое относится и к *предметам*: они отвечают определённым потребностям, являются результатом разделения труда, включаются в кругооборот обмена и т.д." [6, с. 99]. Ещё раз вернёмся к вопросу об эволюции пространственных идей Лefевра и напомним, что тезис о "наложении" друг на друга различных социальных пространств уже фигурировал в более ранних его работах.

Указанные триалектики могут рассматриваться в качестве уровней анализа того или иного конкретного физического объекта, ведь физическое пространство "остаётся общей отправной точкой: истоком, изначальным социальным процессом" [35, p. 39]. Р. Шилдс достаточно неплохо иллюстрирует возможности такой импликации на примере канадского West Edmonton Mall [44, p. 55]. Да и сам Лefевр в ряде случаев даёт вполне внятные "инструкции"

¹⁸ "Если природное пространство изменяется, чтобы служить потребностям и возможностям данной группы, то можно сказать, что группа его *присваивает*. Обладание (собственностью) было лишь одним из условий и чаще всего отклонением в рамках этой "присвоительной" деятельности, достигающей вершины в произведении искусства. *Присвоенное* пространство сближается с произведением искусства... Обычно имеется в виду какая-либо постройка, памятник или здание. Но не всегда – "присвоенными" можно назвать и ландшафт, и площадь, и улицу. Таких пространств множество, хотя не всегда легко сказать, в чем и как, кем и для кого они были *присвоены*" [6, с. 169].

¹⁹ Иерархически были упорядочены три "слоя" пространства, выделенные Э. Кассирером в его "Опыте о человеке" (эта книга, специально написанная для англоязычного читателя, была впервые издана в 1944 г.) – органическое пространство (пространство действия), перцептуальное пространство и абстрактное (символическое) пространство [4, с. 490–498]. Лefевр, как пишет тот же Д. Харви, "что почти достоверно известно, опирался на Кассирера" [11, с. 20]. Фактически же указанная терминология начала использоваться Кассирером существенно раньше, в третьем томе "Философии символических форм", увидевшем свет в 1929 г. [5, гл. 3].

по различению, например, репрезентации пространства или пространства репрезентации применительно к театру [6, с. 189].

Впрочем, общий философско-методологический характер "Производства пространства" не предполагает обеспечения читателя конкретными аналитическими методиками. Здесь указанная работа может помочь лишь в задании ряда руководящих линий исследовательской программы, а вот со всем остальным заинтересованный в использовании идей Лefевра исследователь должен справляться сам. Как раз таким образом поступил Р. Шилдс в случае с West Edmonton Mall, изучая "социальную спатIALIZацию" (*social spatialization*): ему пришлось привлечь достаточно большое число концептов помимо тех, которые предложил Лefевр [45].

Как раз в плане операциональности представляется интересным сопоставление пространственной триалектики Лefевра с гетеротопией – другим известным концептом, автор которого, М. Фуко, весьма часто фигурирует в литературе, посвящённой пространственному повороту²⁰.

По сути, гетеротопия получила освещение в единственной²¹ работе Фуко "Другие пространства" [9], написанной в 1967 г., но долгие годы не публиковавшейся. Данная публикация относится к наиболее обсуждаемым среди "малых" работ Фуко. И многие исследователи отмечают проблемы с интерпретацией и, соответственно, использованием данного термина ввиду его "неуловимости" и неясности.

Например, редакторы одного из сборников написали следующее: "... Подчёркивая центральное место гетеротопии в современных городских условиях, мы должны преодолеть не менее серьёзную ловушку, с которой приходится сталкиваться путешественникам в гетеротопии: когда надеваешь гетеротопические очки, всё имеет тенденцию приобретать гетеротопические черты. Поэтому мы руководствовались следующей аксиомой: не всё есть гетеротопия. Речь идёт о том, чтобы выяснить, можно ли сделать понятие гетеротопии определённым или же, напротив, следует вовсе отказаться от него, ибо его неясность только вносила и продолжает вносить путаницу" [17, р. 6].

П. Джонсон, автор ряда работ, посвящённых "пространственным" изысканиям Фуко, в одной из них, ссылаясь на попытки соответствующих интерпретаций таких известных авторов, как Д. Харви и Э. Соджа, по сути, не рекомендует "воспринимать предварительные идеи Фуко о гетеротопии слишком серьёзно и полагать, что Фуко предлагает некое радикально иное, "другое" пространство" [28, р. 795], и вместе с тем обрисовывает весьма заманчивые перспективы для спекулятивного использования²² этого термина ("Концепция гетеротопии вводит отправную точку, чтобы воображать, избобретать и разнообразить пространство: ни больше, ни меньше" [28, р. 800]).

Учитывая степень проработки концепта самим Фуко (несмотря на достаточно большое число приведённых примеров, ввиду отсутствия формального и ясного определения категориальный статус гетеротопии как социального феномена остаётся неясным), возможности корректной имплементации идеи

²⁰ Близость идеи множественности пространства и гетеротопии с точки зрения этимологии последнего термина особого удивления не вызывает. Поэтому "соседство" концептов двух авторов в одном тексте вполне объяснимо: "Разнообразное пространство-время, которое стало термином, который преимущественно использовался в широко известной работе Лefевра "Производство пространства", выходит за пределы пространственного различия между ближним и дальним, позволяя городскому – и, соответственно, городу — функционировать как месту обмена между различными сторонами, силами и элементами. Различные сети сопоставляются и накладываются друг на друга. Городское прежде всего "сигнализируется" различием. Гетеротопии и исключены, и переплетены в городском: упорядоченные времена и пространства разделены перекрёстками, нейтральными пространствами, автострадами, революциями и лиминальными моментами" [46, р. 29].

²¹ В известной книге Фуко "Слова и вещи" гетеротопия упоминается в рамках небольшого фрагмента [10, с. 31].

²² Например, упомянутая интерпретация гетеротопии Д. Харви предполагает крайне волюнтаристскую редукцию смыслового наполнения термина: "В конечном итоге всё эссе о гетеротопии сводится к теме бегства" [25, р. 538]. Впрочем, это не единичный случай определения гетеротопий исключительно как маргинальных пространств, пространств для "бегства от общества" (см., например, [27]).

гетеротопии в сравнении с базовой триалектикой Лefевра представляются крайне слабыми.

Заключение

Творчеству Анри Лefевра посвящено большое количество публикаций, из которых лишь некоторые нашли отражение в настоящей статье. Конечно, далеко не все оценки идей французского учёного, которые можно обнаружить в литературе, носят комплиментарный характер. Однако многие авторы, проникшие если и не буквой, но духом работ Лefевра, весьма высоко оценивают его вклад в пространственный анализ современного общества. Приведём лишь один из отзывов: "Работы Лefевра остаются важными... Почему эта работа важна? Лefевр выходит за рамки предыдущих философских дебатов о природе пространства и за пределы человеческой географии, планирования и архитектуры, которые рассматривали людей и вещи просто "в" пространстве, чтобы представить последовательную теорию развития различных систем пространственности в разные исторические периоды. Эти пространственные представления касаются не только физического расположения вещей, но и пространственных паттернов социального действия и рутины, а также исторических концепций пространства и мира... Они складываются в социально-пространственное воображение и мировоззрение, проявляющееся в каждой нашей интуиции" [43, p. 146].

Как представляется, любой исследователь, испытывающий интерес к тому или иному аспекту связки "общество – пространство", должен прочитать "Производство пространства", не забывая о других работах из богатого творческого наследия Лefевра и, конечно же, других классиков. Помимо расширения исследовательского кругозора это может обеспечить более объективные оценки относительно интеллектуального наследия предшествующих поколений учёных, избежать использования шаблонных дежурных описаний и громких, но слишком универсалистских тезисов. Другими словами, обращение к первоисточникам только повысит качество научного дискурса..

Литература

1. Арнасон Й. Коммунизм и модерность // Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 214–258.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 440–722.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.: СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.
6. Лefевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
7. Павлов А.В. Метамодернизм: критическое введение // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 10–27.
8. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 560 с.
9. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. 406 с.
11. Харви Д. Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. С. 10–38.
12. Хикс С. Объясняя постмодернизм. М.: РИПОЛ классик, 2021. 320 с.
13. Bauer J., Fischer R. (eds.) Perspectives on Henri Lefebvre: Theory, Practices and (Re) Readings. Berlin: de Gruyter, 2019. XVI, 233 p.
14. Biagi F. Henri Lefebvre's Critical Theory of Space. London: Palgrave Macmillan, 2020. XXII, 235 p.
15. Coornaert M., Garnier J.-P. Présentation: Actualités de Henri Lefebvre // Espaces et Sociétés. 1994. No. 76. P. 5–11.
16. Dear M. Les aspects postmodernes de Henri Lefebvre // Espaces et Sociétés. 1994. № 76. P. 31–39.
17. Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia in a Postcivil Society // Dehaene M., De Cauter L. (eds.) Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society. Abingdon: Routledge, 2008. P. 3–9.

18. Döring J. *Spatial Turn* // Günzel S. (Hrsg.) *Raum: Ein interdisziplinäres Handbuch*. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2010. S. 90–99.
19. Döring J., Thielmann T. *Einleitung: Was lesen wir im Raume? Der Spatial Turn und das geheime Wissen der Geographen* // Döring J., Thielmann T. (Hrsg.) *Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften*. Bielefeld: transcript Verlag, 2008. S. 7–45.
20. Dupart D., Gintrac C., Mangeot P., Vieillescazes N. *Marx & the City. Entretien avec David Harvey* // *Vacarme*. 2012. No. 59. P. 218–249. DOI: 10.3917/vaca.059.0218
21. Elden S. *Understanding Henri Lefebvre: Theory and the Possible*. London: Continuum, 2004. VI, 265 p.
22. Fraser B. *Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. X, 277 p.
23. Goonewardena K., Kipfer S., Milgrom R., Schmid C. (eds.) *Space, Difference, Everyday Life: Reading Henri Lefebvre*. New York: Routledge, 2008. XIV, 329 p.
24. Hamel P., Poitras C. *Henri Lefebvre, penseur de la postmodernité* // *Espaces et Sociétés*. 1994. No. 76. P. 41–58.
25. Harvey D. *Cosmopolitanism and the Banality of Geographical Evils* // *Public Culture*. 2000. Vol. 12. No. 2. P. 529–564.
26. Hess R. *Présentation de la troisième édition* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. V–XXVI.
27. Hetherington K. *The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering*. London: Routledge, 1997. X, 164 p.
28. Johnson P. *The Geographies of Heterotopia* // *Geography Compass*. 2013. Vol. 7. No. 11. P. 790–803. DOI: 10.1111/gec3.12079
29. Leary-Owhin M.E., McCarthy J.P. (eds.) *The Routledge Handbook of Henri Lefebvre, The City and Urban Society*. Abingdon: Routledge, 2020. XVI, 556 p.
30. Lefebvre H. *Besoins profonds, besoins nouveaux de la civilisation urbaine* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. 197–206.
31. Lefebvre H. *Critique de la vie quotidienne III: De la modernité au modernisme (Pour une métaphilosophie du quotidien)*. Paris: L'Arche, 1981. 171 p.
32. Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. XXVI, 299 p.
33. Lefebvre H. *Introduction à l'étude de l'habitat pavillonnaire* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. 159–181.
34. Lefebvre H. *L'urbanisme d'aujourd'hui: mythes et réalités* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. 217–227.
35. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris: Anthropos, 1981. 487 p.
36. Lefebvre H. *Quartier et vie de quartier* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. 207–215.
37. Lefebvre H. *Réflexions sur la politique de l'espace* // *Espaces et Sociétés*. 1970. No. 1. P. 3–12.
38. Löw M., Sturm G. *Raumsoziologie* // Kessl F., Reutlinger C. (Hrsg.) *Handbuch Sozialraum: Grundlagen für den Bildungs- und Sozialbereich*. Wiesbaden: Springer VS, 2019. S. 3–21.
39. Merrifield A. *Henri Lefebvre: A Critical Introduction*. New York: Routledge, 2006. XXXIV, 204 p.
40. Merrifield A. *Henri Lefebvre: A Socialist in Space* // Crang M., Thrift N. (eds.) *Thinking Space*. London: Routledge, 2000. P. 167–182.
41. Rau S. *Räume: Konzepte, Wahrnehmungen, Nutzungen*. Frankfurt: Campus Verlag, 2013. 237 s.
42. Revol C. *Le succès de Lefebvre dans les urban studies anglo-saxonnes et les conditions de sa redécouverte en France* // *L'homme et la société*. 2012. No. 185–186. P. 105–118. DOI: 10.3917/lhs.185.0105
43. Shields R. *Lefebvre, Love and Struggle: Spatial Dialectics*. London: Routledge, 1999. X, 228 p.
44. Shields R. *Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity*. Abingdon: Routledge, 2013. XIV, 334 p.
45. Shields R. *Social Spatialization and the Built Environment: The West Edmonton Mall* // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1989. Vol. 7. No. 2. P. 147–164.
46. Shields R. *Spatial Questions: Cultural Topologies and Social Spatialisation*. London: Sage, 2013. XIV, 197 p.
47. Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso, 1989. IV, 266 p.
48. Soja E.W. *Taking Space Personally* // Warf B., Arias S. (eds.) *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives*. Abingdon: Routledge, 2009. P. 11–35.
49. Soja E.W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Blackwell, 1996. XII, 334 p.
50. Stanek Ł. *Methodologies and Situations of Urban Research: Re-reading Henri Lefebvre's 'The Production of Space'* // *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*. 2007. H. 3. S. 461–465. DOI: 10.14765/zsf.dok-1886
51. Stanek Ł., Schmid C., Moravánszky Á. (eds.) *Urban Revolution Now: Henri Lefebvre in Social Research and Architecture*. Farnham: Ashgate, 2014. XVI, 345 p.

52. Werlen B. *Society, Action and Space: An Alternative Human Geography*. London: Routledge, 1993. XVI, 249 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arnason J. *Kommunizm i modernost'* // Arnason J. *TSivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. S. 214–258.
2. Bakhmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v nauках o kul'ture*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.
3. Verlen B. *Obshhestvo, dejstvie i prostranstvo. Al'ternativnaya sotsial'naya geografiya* // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2001. T. 1. № 2. S. 26–47.
4. Kassirer EH. *Opyt o cheloveke* // Kassirer EH. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke*. M.: Gardarika, 1998. S. 440–722.
5. Kassirer EH. *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 3. Fenomenologiya poznaniya*. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002. 398 s.
6. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva*. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
7. Pavlov A.B. *Metamodernizm: kriticheskoe vvedenie* // *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma*. M.: RIPOL klassik, 2020. S. 10–27.
8. Pavlov A.B. *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya*. M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANKHIGS, 2019. 560 s.
9. Fuko M. *Drugie prostranstva* // Fuko M. *Intellekтуалы i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y*. M.: Praxis, 2006. CH. 3. S. 191–204.
10. Fuko M. *Slova i veshhi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. SPb.: A-cad, 1994. 406 s.
11. KHarvi D. *Prostranstvo kak klyuchevoe slovo* // *Topos*. 2011. № 1. S. 10–38.
12. KHiks S. *Ob'yasnayaya postmodernizm*. M.: RIPOL klassik, 2021. 320 s.
13. Bauer J., Fischer R. (eds.) *Perspectives on Henri Lefebvre: Theory, Practices and (Re) Readings*. Berlin: de Gruyter, 2019. XVI, 233 p.
14. Biagi F. *Henri Lefebvre's Critical Theory of Space*. London: Palgrave Macmillan, 2020. XXII, 235 p.
15. Coornaert M., Garnier J.-P. *Présentation: Actualités de Henri Lefebvre* // *Espacés et Sociétés*. 1994. No. 76. P. 5–11.
16. Dear M. *Les aspects postmodernes de Henri Lefebvre* // *Espacés et Sociétés*. 1994. № 76. P. 31–39.
17. Dehaene M., De Cauter L. *Heterotopia in a Postcivil Society* // Dehaene M., De Cauter L. (eds.) *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. Abingdon: Routledge, 2008. P. 3–9.
18. Döring J. *Spatial Turn* // Günzel S. (Hrsg.) *Raum: Ein interdisziplinäres Handbuch*. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2010. S. 90–99.
19. Döring J., Thielmann T. *Einleitung: Was lesen wir im Raume? Der Spatial Turn und das geheime Wissen der Geographen* // Döring J., Thielmann T. (Hrsg.) *Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften*. Bielefeld: transcript Verlag, 2008. S. 7–45.
20. Dupart D., Gintrac C., Mangeot P., Vieillescazes N. *Marx & the City. Entretien avec David Harvey* // *Vacarme*. 2012. No. 59. P. 218–249. DOI: 10.3917/vaca.059.0218
21. Elden S. *Understanding Henri Lefebvre: Theory and the Possible*. London: Continuum, 2004. VI, 265 p.
22. Fraser B. *Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. X, 277 p.
23. Goonewardena K., Kipfer S., Milgrom R., Schmid C. (eds.) *Space, Difference, Everyday Life: Reading Henri Lefebvre*. New York: Routledge, 2008. XIV, 329 p.
24. Hamel P., Poitras C. *Henri Lefebvre, penseur de la postmodernité* // *Espacés et Sociétés*. 1994. No. 76. P. 41–58.
25. Harvey D. *Cosmopolitanism and the Banality of Geographical Evils* // *Public Culture*. 2000. Vol. 12. No. 2. P. 529–564.
26. Hess R. *Présentation de la troisième édition* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. V–XXVI.
27. Hetherington K. *The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering*. London: Routledge, 1997. X, 164 p.
28. Johnson P. *The Geographies of Heterotopia* // *Geography Compass*. 2013. Vol. 7. No. 11. P. 790–803. DOI: 10.1111/gec3.12079
29. Leary-Owhin M.E., McCarthy J.P. (eds.) *The Routledge Handbook of Henri Lefebvre, The City and Urban Society*. Abingdon: Routledge, 2020. XVI, 556 p.
30. Lefebvre H. *Besoins profonds, besoins nouveaux de la civilisation urbaine* // Lefebvre H. *Du rural à l'urbain*. Paris: Anthropos, 2001. P. 197–206.
31. Lefebvre H. *Critique de la vie quotidienne III: De la modernité au modernisme (Pour une métaphilosophie du quotidien)*. Paris: L'Arche, 1981. 171 p.

32. Lefebvre H. Du rural à l'urbain. Paris: Anthropos, 2001. XXVI, 299 p.
33. Lefebvre H. Introduction à l'étude de l'habitat pavillonnaire // Lefebvre H. Du rural à l'urbain. Paris: Anthropos, 2001. P. 159–181.
34. Lefebvre H. L'urbanisme d'aujourd'hui: mythes et réalités // Lefebvre H. Du rural à l'urbain. Paris: Anthropos, 2001. P. 217–227.
35. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1981. 487 p.
36. Lefebvre H. Quartier et vie de quartier // Lefebvre H. Du rural à l'urbain. Paris: Anthropos, 2001. P. 207–215.
37. Lefebvre H. Réflexions sur la politique de l'espace // Espaces et Sociétés. 1970. No. 1. P. 3–12.
38. Löw M., Sturm G. Raumsoziologie // Kessl F., Reutlinger C. (Hrsg.) Handbuch Sozialraum: Grundlagen für den Bildungs- und Sozialbereich. Wiesbaden: Springer VS, 2019. S. 3–21.
39. Merrifield A. Henri Lefebvre: A Critical Introduction. New York: Routledge, 2006. XXXIV, 204 p.
40. Merrifield A. Henri Lefebvre: A Socialist in Space // Crang M., Thrift N. (eds.) Thinking Space. London: Routledge, 2000. P. 167–182.
41. Rau S. Räume: Konzepte, Wahrnehmungen, Nutzungen. Frankfurt: Campus Verlag, 2013. 237 s.
42. Revol C. Le succès de Lefebvre dans les urban studies anglo-saxonnes et les conditions de sa redécouverte en France // L'homme et la société. 2012. No. 185–186. P. 105–118. DOI: 10.3917/lhs.185.0105
43. Shields R. Lefebvre, Love and Struggle: Spatial Dialectics. London: Routledge, 1999. X, 228 p.
44. Shields R. Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity. Abingdon: Routledge, 2013. XIV, 334 p.
45. Shields R. Social Spatialization and the Built Environment: The West Edmonton Mall // Environment and Planning D: Society and Space. 1989. Vol. 7. No. 2. P. 147–164.
46. Shields R. Spatial Questions: Cultural Topologies and Social Spatialisation. London: Sage, 2013. XIV, 197 p.
47. Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989. IV, 266 p.
48. Soja E.W. Taking Space Personally // Warf B., Arias S. (eds.) The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives. Abingdon: Routledge, 2009. P. 11–35.
49. Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996. XII, 334 p.
50. Stanek Ł. Methodologies and Situations of Urban Research: Re-reading Henri Lefebvre's 'The Production of Space' // Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History. 2007. H. 3. S. 461–465. DOI: 10.14765/zsf.dok-1886
51. Stanek Ł., Schmid C., Moravánszky Á. (eds.) Urban Revolution Now: Henri Lefebvre in Social Research and Architecture. Farnham: Ashgate, 2014. XVI, 345 p.
52. Werlen B. Society, Action and Space: An Alternative Human Geography. London: Routledge, 1993. XVI, 249 p.

Информация об авторе

Вадим Николаевич Украинский, канд. экон. наук, научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Жан Жанович Чимитдоржиев, канд. мед. наук, доцент Дальневосточного института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Хабаровск, Россия, e-mail: jeanjean@mail.ru

Information about the author

Vadim N. Ukrainskii, Candidate of Economics, Researcher, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Zhan Zh. Chimitdorzhiev, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Far Eastern Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia, e-mail: jeanjean@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 19.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 05.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.02.2022

Научная статья
УДК 94(47). 082
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

Сложная крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в.

Павел Юрьевич Мельников

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, p_melnikov@list.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные характеристики сложной, многопоколенной крестьянской семьи. Классификация семей производилась в соответствии с Кембриджской системой Питера Ласлетта. В качестве исходного материала послужили первичные переписные листы земской сельскохозяйственной переписи 1880 – первой половины 1890-х гг. Выявлены основные количественные параметры сложной семьи, ее разновидности, а также ее вес среди остальных семейных структур. На примере Саратовской губернии можно сделать вывод, что в типичном аграрном регионе в конце XIX в. сложная семья занимала доминирующее положение, включая в свой состав немногим менее половины сельского населения.

Ключевые слова: Поволжье, Саратовская губерния, пореформенный период, семья, домохозяйство, семейная структура, историческая демография

Для цитирования: Мельников П. Ю. Сложная крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 73–83. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

A complex peasant family in the Saratov province at the end of the XIX century

Pavel Yu. Melnikov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, p_melnikov@list.ru

Abstract. The article analyzes the main characteristics of a complex, multigenerational peasant family. The families were classified according to the Cambridge system of Peter Laslett. Primary census forms of the zemstvo agricultural census of 1880 - the first half of the 1890s were used as a source material. The main quantitative parameters of a complex family, its varieties, as well as its weight among other family structures have been identified. Using the example of the Saratov province, we can conclude that in a typical agrarian region at the end of the 19th century, the complex family dominated, comprising a little less than half of the rural population.

Key words: Volga region, Saratov province, post-reform period, family, household, family structure, historical demography

For citation: Melnikov P. Yu. A complex peasant family in the Saratov province at the end of the XIX century // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 73–83. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

Распространенность сложной семьи в Российской империи в предшествующие столетия

Одной из дискуссионных проблем, стоящих перед историко-демографической наукой, является проблема соотношения различных типов семейных структур в определенный исторический период. Её решение базируется на ряде локальных исследований, привязанных к конкретному месту и времени [28; 29]. В рамках данной статьи будет предпринята попытка определить распространенность и структурные характеристики сложной семьи в крестьянской среде Российской империи конца XIX столетия на примере Саратовской губернии.

Вначале необходимо определиться с терминами. Во-первых, по сложившейся в историко-демографических исследованиях традиции, термины "семья", "двор", "домохозяйство" будут использоваться как синонимы (так как в подавляющем большинстве случаев речь идет о группе родственников, объединённых общностью проживания и экономической деятельностью) [39, с. 25]. Во-вторых, изучаемая семейная структура в работах представителей разных наук имеет различные названия: в литературе можно встретить термины "большая семья", "сложная семья", "многопоколенная семья", "отцовская семья в три поколения", а также "семейная община" [25]. Наконец, в-третьих, (и это более важный аспект) сложная семья, несмотря на свою очевидность, по-разному идентифицировалась исследователями, что создавало существен-

ные проблемы (зачастую, неразрешимые) при сопоставлении выводов из разных работ [29].

В большинстве случаев общий знаменатель все-таки можно было выделить: все авторы отмечали "малую семью" (родители и неженатые дети), "сложную отцовскую семью" (несколько семейный пар под руководством отца – домохозяина) и "братскую семью" (совместное проживание нескольких супружеских пар женатых братьев). Далее уже шли вариации, поскольку каждый из исследователей на свое усмотрение выделял внутри этих групп более мелкие подгруппы – от 5 до 19 – зачастую очень экзотические и несопоставимые ("усеченная братская семья", "задружная семья" и т.д.) [23].

В постсоветский период при характеристике семейной структуры чаще используется классификация Кембриджской группы П. Ласлетта [39]. Согласно этому подходу, все домохозяйства подразделяются на 6 типов: 1) одиночки; 2) бессемейные; 3) малые (супружеские); 4) расширенные; 5) сложные (составные); 6) неопределенные. Основой домохозяйства (или ядром) является супружеская пара. Одна такая пара составляет малую семью (при этом возможны внутренние подварианты: супруги без детей – подтип 3а, с детьми – 3б, вдовец или вдова с детьми – 3в и 3г соответственно). Малое домохозяйство плюс дополнительный родственник (восходящий, нисходящий или боковой) трансформируется в домохозяйство расширенное (также с подтипами). Наконец, 2 и более супружеские пары образуют сложное, или составное домохозяйство.

Его внутренняя классификация зависит от соподчиненности супружеских пар, или точнее, от того, в какой супружеской паре находится формальный глава семьи. Такая ячейка называется первичной, а подчиненная ей – вторичной; вторичных ячеек может быть несколько. Соответственно, подтипом 5а называется семья со вторичным восходящим ядром (т.е. домохозяин – женатый сын), подтипом 5б – семья со вторичным нисходящим ядром (в ней домохозяин – отец). Подтип 5в представляет несколько равных по статусу (или коллатеральных) семейных ячеек при сохранении одного из родителей (при этом неважно, кто он – отец или мать, домохозяин или нет). Наиболее экзотический подвариант – 5г, обозначаемый у Ласлетта французским термином "frerech" - т.е. "братство"; он состоит из совместно проживающих пар женатых братьев (с потомством или без). Наконец, подтип 5д – все остальные подварианты, не подходящие в предыдущие группы (например, домохозяйство "дядя с племянником").

Как уже отмечалось в начале статьи, распространенность сложной семьи в российском обществе на протяжении последних столетий пока точно не определена. Исследователи по этому поводу высказывали различные точки зрения, которые по прошествии ряда лет могли существенно меняться; отсутствие единой классификации и терминологии только усиливало расхождение результатов. Общий тренд выглядит примерно так. В советский период большая часть исследователей - историков и этнографов придерживалась тезиса о преобладании на территории нашей страны малых семей. В частности, доминирование таких структур отмечали в различных районах Севера в XVI–XVIII вв. [20, с. 124–126; 19, с. 71; 8, с. 32], северо-западных регионов в XVI–XVII вв. [3, с. 17–19; 2, с. 59; 12, с. 177–178], на территории Западной Сибири [26, с. 44; 5, с. 9–11]; в коллективном труде "Русская сельская семья Чувашской АССР" также отмечалось широкое распространение малых семей в Среднем Поволжье, однако точных выводов об их преобладании не делалось [11, с. 22]. Ряд региональных выводов был суммирован в отдельной статье В.А. Александра [6] и данная точка зрения на некоторое время стала доминирующей.

При этом существовали и работы с утверждениями двойственного характера: Е.Н. Бакланова и М.В. Биленко отмечали в отдельных случаях приоритет сложной семьи [9, с. 95; 4, с. 60; 8, с. 173–175], А.А. Столяров фиксировал отсутствие понятной тенденции [34, с. 113]; однако такого рода выводы находились в меньшинстве и были менее заметны.

В некоторых случаях авторы в принципе не давали количественной оценки, ограничиваясь качественными характеристиками: "Семья в традиционном обществе играла совершенно исключительную роль... Это была большая патриархальная семья, в состав которой могли входить не только

родственники, но и рабы, ученики, слуги, приживалки и т.п." или "В большой патриархальной семье, состоящей из нескольких поколений и родственников по мужской линии, появляются экономические интересы и стимулы к рождению детей..." [14, с. 97; 7, с. 207].

Таким образом, литература советского периода в большей степени склонялась к тезису о доминировании в дореволюционную эпоху малой, супружеской семьи.

В три последующих постсоветских десятилетия ответ на данный вопрос был существенно подкорректирован. Во-первых, разрозненные выводы советской историографии были по мере возможности стандартизированы Б.Н. Мироновым, использовавшим ставшую популярной классификацию Ласлетта; его вывод звучал следующим образом: "Приведенные данные позволяют заключить, что в губерниях, заселенных преимущественно русскими, в XVI-первой половине XIX в. преобладали составные семьи, в то же время значительная часть крестьян проживала в малых семьях, а в губерниях, заселенных украинцами, белорусами и прибалтийскими народами, наоборот, преобладали малые семьи, а значительная часть крестьян проживала в составных и расширенных семьях" [28, с. 10].

Во-вторых, стали доступны результаты (пусть и не очень многочисленные) исследований зарубежных ученых (П. Цзап, С. Хок, М. Миттауэр), как прошедших десятилетий, так и современные. Их интересы в основном касались периода XVIII – первой половины XIX вв., а оценка семейной структуры, в отличие от отечественных авторов, была стандартизована. Большинство из них сходились на мнении, что в дореволюционный период (как минимум до Великих Реформ) среди крестьянства преобладали семьи сложные [37; 38; 41].

Наконец, в-третьих, за три постсоветских десятилетия был проведен ряд исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов. Они также, как и ранее, имеют региональную или национальную специфику, их результаты чаще стандартизированы [1; 13; 15; 17], однако в ряде случаев (Т.А. Першина, М.В. Прохоров) обработаны по старой методике и требуют пересчета [31; 32]. В принципе, и те, и другие дают основание говорить о преобладании в первой половине XIX в. среди крестьянства сложной семьи.

Как можно заметить, исследования семьи чаще имеют хронологическую привязку к XVIII в., и особенно к первой половине XIX в. Это объясняется и особенностями объекта изучения, и спецификой источников по данной теме. Для оценки семейной структуры исследователь должен проделать очень трудоемкую работу, анализируя непосредственное описание каждого домохозяйства, о котором нужна информация в источниках далеко не всегда была очевидной.

Так, работы по Северным регионам XVI – первой половины XVII вв. при оценке семьи опирались на писцовые книги, главным образом содержащие данные о городской и земельной недвижимости. Население учитывалось в них крайне незначительно - не всё, а только какая-то не совсем понятная часть; очевидный вычисляемый параметр – число "людей" на двор. Такой подход создавал у историков серьезные дебаты о том, кто именно подразумевался под "людьми" - домохозяева, женатые мужчины или просто взрослые члены двора – и порождал соответствующие расхождения в оценке семьи того периода. Переписные книги XVII в. были точнее, они учитывали все мужское население, однако это также давало повод для двойственных оценок [24].

Более детальными и содержательными для изучения семейной структуры являются документы XVIII – первой половины XIX в. Здесь исследователи могли пользоваться клировые ведомости, данные метрических книг, рекрутские списки, однако особой популярностью пользовались ревизские сказки, преимущественно – первой половины XIX в. К тому времени ревизии проводились уже неоднократно, описания семей делались по определенному стандарту, с 1834 учитывалось не только мужское, но и женское население; сопоставление же данных нескольких ревизий – 1816, 1834, 1850 и 1858 г. позволяло рассматривать интересующий объект в динамике. При этом авторы, как правило, ограничивались материалом 1 – 3 сел, экстраполируя его на весь регион; проверка выборки статистическими методами не проводилась.

Таблица 1. Распределение домохозяйств по типам по системе Ласлетта
Table 1. Distribution of households by type according to the Laslett system

Тип домохозяйства	Количество	В процентах	В них проживало	В процентах
Одинокие	141	2,8	141	0,5
Без семьи	18	0,4	45	0,2
Малое	2297	45,6	10078	33,9
Расширенное	852	16,9	4821	16,2
Сложное	1728	34,3	14600	49,2
Неопределенное	0	0,0	0	0,0
Итого	5036	100,0	29685	100,0

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421
Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

По сравнению с указанным периодом, пореформенная семья практически не изучена – опять-таки по причине источникового характера. Ревизионные переписи прекратились, документация помещичьих хозяйств стала гораздо скуднее. Первичные материалы переписи 1897 г., содержащие необходимую исследователям информацию о домохозяйствах, согласно инструкции были уничтожены, а опубликованные – носят обобщенный характер. В них фиксируется существенное понижение средней численности семьи – по Европейской части Российской империи с 8,4 до 6,1 человека [27, с. 221], однако для точного ответа на интересующий вопрос этого недостаточно. Поэтому исследования пореформенного периода более разобщенные и вынуждено привязаны к сохранившимся документам. Это могли быть не уничтоженные по какой-то причине первичные материалы переписи 1897 г. (переписные листы Б Тобольской губернии) [16], либо данные земских сельскохозяйственных переписей; любопытно, что последний источник неоднократно использовался в социально-экономических работах [33, 36] и только один раз был взят на вооружение в историко-демографическом проекте – причем иностранным автором [40]. Выводы этих немногочисленных исследований таковы: в Тобольской губернии сложные семьи составляли 25,9 %, а в Московской губернии за 2 пореформенных десятилетия, вопреки сложившейся точке зрения, количество сложных семей выросло с 53 до 62 % (в одном из двух наблюдаемых сел).

Таким образом, до середины XIX в. по данным последних исследований среди крестьянского населения Российской империи преобладала сложная семья, во второй половине столетия картина начала меняться, однако более-менее точный вывод сделать невозможно из-за эпизодичности рассмотрения вопроса.

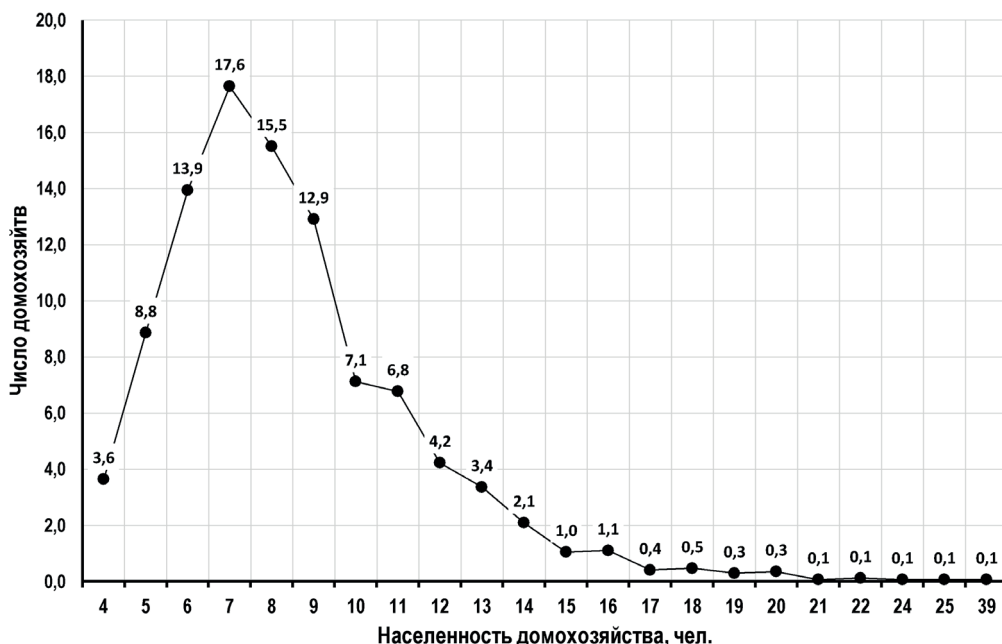
Характеристика сложной семьи Саратовской губернии

В рамках данной статьи для анализа семейной структуры крестьянства будут использоваться материалы земских сельскохозяйственных переписей Саратовской губернии. Они проводились в 1880 – первой половине 90-х гг., а их обобщенные результаты (поездные и губернские) были опубликованы ещё до революции. При этом в фонде 421 Государственного архива Саратовской области были обнаружены первичные переписные листы данной переписи. Общий объем сохранившегося материала – более 5000 домохозяйств, расположенных преимущественно в северной части губернии – Кузнецком, Хвалынском и Петровском уездах (80%); около 20 % описаний касаются южной части – Камышинского уезда (ГАСО. Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356)¹.

¹ ГАСО – Государственный архив Саратовской области

Рисунок 1. Распределение сложных домохозяйств по населенности (в %)
 Figure 1. Distribution of complex households by population (in %)

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421

Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

Естественно, что полученные выводы будут носить локальный характер. Конец XIX в. – время интенсивного развития капиталистических отношений в Российской империи, сопровождаемый развитием промышленного производства и активным перемещением сельского населения в города. Городское население существенно отличалось от сельского по многим демографическим параметрам – рождаемости, брачности, семейной структуре [27, с. 177, 190, 236]. А Саратовская губерния в этом ряду представляет собой типичный аграрный регион, со слабо развитой промышленностью, ориентированной на переработку сельскохозяйственной продукции и абсолютно преобладающим сельским населением - 87,2 % [30, с. IV]. Поэтому характеристики её семьи могут быть корректно распространены на регионы с аналогичным размещением населения и схожими социально-экономическими параметрами [18].

Итак, согласно материалам ГАСО, семейная структура Саратовской губернии в конце XIX в. выглядела следующим образом (таблица 1).

Как видно из таблицы, выводы о состоянии семьи Саратовской губернии на конец XIX в. можно сделать двойственные. По абсолютному показателю на первом месте находилось малое домохозяйство (45,5 % наблюдений); если же за критерий большинства брать количество проживающих в том или другом типе семьи, то на первом месте оказывается сложное домохозяйство (49,2% всех жителей).

Основные количественные характеристики сложной семьи выглядят следующим образом. Ее средняя численность составляла 8,45 человека при стандартном отклонении в 3,04; медиана была равна 8, мода – 7 (305 наблюдений, т.е. менее 20 % всех случаев). Размер колебался от 4 до 25 человек (плюс один крайне нестандартный вариант из 39 человек – "выброс", выражаясь языком статистики); при этом квартильный размах был равен 4 (диапазон от 6 до 10), т.е. половина всех наблюдений сосредоточена в этом интервале. Т.е. сложная семья – только относительно большая; из графика (рис. 1) видно, что структуры свыше 11 человек исчисляются десятками, а более 16 человек – единицами; семьи численностью выше 20 человек – уже исключение, их всего

Таблица 2. Распределение сложных домохозяйств по подтипам по системе Ласлетта
Table 2. Distribution of complex households by subtypes according to the Laslett system

Подтип	Количество домохозяйств	В процентах	В них проживало	В процентах
5а	198	11,5%	1565	10,7%
5б	1264	73,1%	10392	71,2%
5в	147	8,5%	1427	9,8%
5г	108	6,3%	1093	7,5%
5д	11	0,6%	124	0,8%
Всего	1728	100,0%	14604	100,0%

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421
Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

12 (или 0,8 % всех домохозяйств, включая абсолютно нестандартный вариант в 39 человек).

Как уже отмечалось выше, согласно системе Ласлетта, сложное домохозяйство имеет определенные подтипы. Распределение по подтипам, а также населённость, показаны в *таблице 2*.

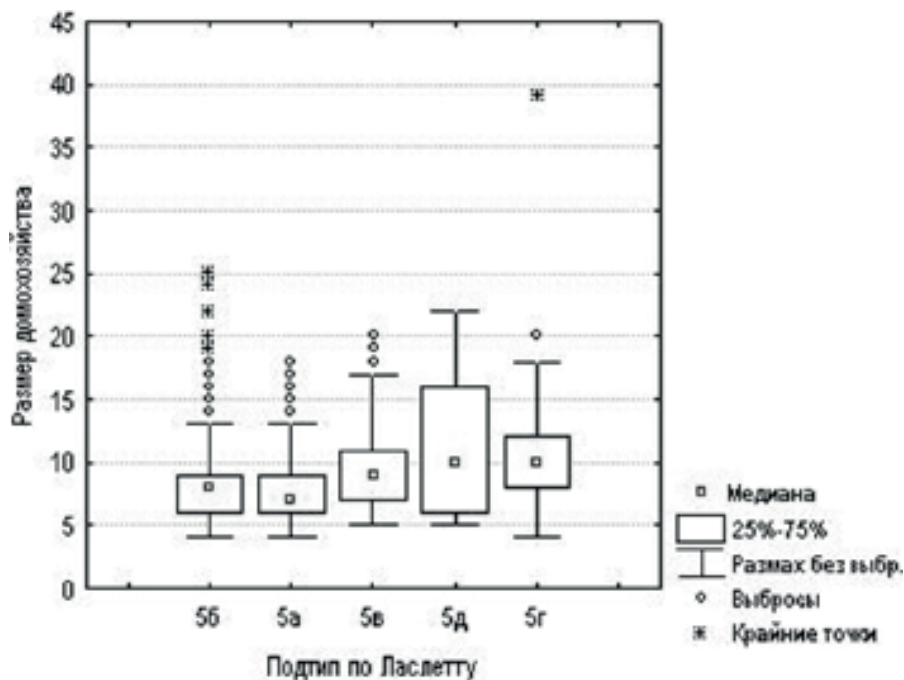
В приведённых данных можно отметить следующие моменты. Во-первых, количество домохозяйств определенного подтипа и число проживающих в нем в процентном отношении расходятся не существенно (не более 2 %); есть ли здесь какая-то взаимосвязь – покажут дальнейшие исследования. Во-вторых, здесь явно читается преобладание подтипа 5б – "классического" варианта сложной семьи – нескольких иерархически соподчиненных супружеских пар со старшим домохозяйином во главе. Именно в данной подгруппе находится т.н. "корневая семья" (steam family), в свое время апологизированная Фредериком Ле Плэ; в этой конструкции совместно с родителями живет только один женатый сын – с детьми или без них [21].

Остальные варианты можно считать производными от 5б – в ближней или более отдаленной перспективе. Подтип 5а (11,5 %) отличается от 5б не структурно, а юридически – в нем главой домохозяйства числится женатый сын, а не отец (по причине преклонного возраста или иной неспособности руководить хозяйством). Другой вариант эволюции – смерть одного из супругов старшей семейной пары; в таком случае 5б трансформируется в подтип 5в (0,8 %). Следует отметить, что данный подвариант может по-разному трактоваться в зарубежной литературе. Согласно английской системе Ласлетта, основой семьи является супружеская пара ("ядро"); французский вариант Луи Анри также использует этот термин, однако учитывает не сами семейные пары, а мужчин, их возглавляющих. Поэтому steam family, о которой говорилось выше, в случае смерти одного из родителей по английской системе рассматривается как расширенное, а по французской – как сложное домохозяйство.

Еще более экзотический вариант развития сложной семьи – подтип 5г, или братская семья, обозначаемая у Ласлетта термином frerech ("братство") – совместное проживание нескольких братьев (женатых или нет), один из которых выполняет роль домохозяйина. Братские семьи отмечались исследователями в самые разные исторические периоды, в ряде случаев могли быть довольно многочисленными, насчитывая до 19 % всех домохозяйств (Тамбовская губерния, первая половина XIX в.); во второй половине XIX в. их численность не превышала 5 % домохозяйств. Свою роль сыграл тот факт, что братские семьи неустойчивее по сравнению с другими вариантами и гораздо быстрее распадались на более простые структуры [23]. Наконец, вариант 5д – включающий в себя непрямых родственников; это самый последний случай эволюции семейной структуры и потому самый немногочисленный.

При сопоставлении разновидностей сложной семьи по численности выявляется некоторая закономерность – увеличение размера в процессе перехо-

Рисунок 2. Соотношение подтипа сложного домохозяйства и его размера
 Figure 2. Correlation between the subtype of a complex household and its size.

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421

Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

да от одного подтипа к другому. Средний размер домохозяйства 5а равен 7,8 человека, 5б - 8,2 человека, 5в - 9,6 человека, 5г - 10,2 человека и 5д - 11,3 человека (рис. 2); возможно это связано с продолжительностью существования сложной семьи, которая за счет естественных процессов роста всё более увеличивается в размере. Сам процесс не линейный, если начинать отсчет от наиболее распространенной модели 5б: семья либо уменьшается (в 5а), причем без формального изменения структуры, либо увеличивается (при этом последовательно трансформируясь в 5в, 5г и 5д). Следует отметить, что данный путь проходит лишь часть домохозяйств, что хорошо заметно при сопоставлении численности каждого подтипа (таблица 2). В совокупности варианты 5а, 5в, 5г и 5д составляют чуть более четверти (28,8%) всех сложных семей, а остальные - производные от 5б - трансформировались в более простые структуры (чаще всего через семейный раздел).

Применительно к сложной семье часто используется критерий - "многопоколенная семья"; это следует понимать, как "более 2 поколений", поскольку 2 поколения - минимум практически для всех, за редким исключением, домохозяйств. Естественно, что и часть сложных семей также состоит из 2 поколений - но их явное меньшинство; к таким относятся все домохозяйства из 4 человек (63 единицы), примерно четверть домохозяйств из 5 человек, около 18% домохозяйств из 6 человек, в совокупности - 15,8%. Большинство семей состоят из 3 поколений - 78,4%. Семьи из 4 поколений очень редки - их чуть более 5%; само по себе это вполне объяснимо - для появления подобного варианта должно произойти совпадение нескольких факторов, как минимум - дожитие представителя старшего поколения до 70-75 лет, что в условиях Российской империи конца XIX в. было редким явлением (средний возраст предстоящей жизни у мужчины в этот период был равен 31,3 года, у женщины 33,4 года).

Заключение

Подведем итог. В конце XIX столетия в крестьянском обществе Саратовской губернии сложная, многопоколенная семья продолжала занимать серьезные позиции; она насчитывала 34,3 % всех сельских домохозяйств, в которых проживало 49,2 % населения (можно сказать, что каждый второй житель находился в составе такой семьи). Ее средний размер был равен 8,45 человека, реальный размер половины наблюдений варьировался в диапазоне от 6 до 10 человек; крупные домохозяйства свыше 16 человек очень редки, более 20 человек – единичны (0,8 % всех наблюдений). Наиболее распространенным вариантом сложной семьи являлся подтип 5б (73,1 %), в котором отец являлся официальным домохозяином; остальные подварианты – 5а, 5в, 5г и 5д – встречались гораздо реже (от 10 до 0,8 %), но одновременно были больше по размеру (за исключением 5а). Также можно отметить, что преобладающим вариантом являлась семья из трех поколений 78,4 %; четырехпоколенные семьи встречались редко – в 5,8 % случаев и были в среднем крупнее остальных (10,3 человек на двор). В принципе, доля сложных семей в общем объеме населения существенно выше, нежели можно было бы представить по описательным характеристиками этнографической экспедиции В.Н. Тенишева, проводившейся примерно в это же время. Ее корреспонденты довольно эмоционально описывали наблюдаемую ими ситуацию, отмечая кризис семьи старого уклада: "Дележи в семьях – дело заурадное", "теперь нет почти ни одной семьи, где бы жили два или более братьев без отца и матери", "два родных брата не могут ужиться вместе", "единственный женатый сын желает жить отдельно" [35, с. 33]. Видимо, происходившие на их глазах процессы существенно расходились с привычной им картиной патриархального мира, однако масштабы были не столь значительными. Сложная семья как институт аграрного общества ещё в конце XIX столетия была доминирующей структурой непромышленного региона и уступила место малой семье только в XX в.

Литература

1. Авдеев А.А., Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 74 – 91.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование). Л.: Наука, 1989. 231 с.
3. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л.: Наука, 1971. Т. 1. 402 с.
4. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1974. 254 с.
5. Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII в. // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Сибирский этнографический сборник. 1961. Вып. 3. С. 3–26.
6. Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.
7. Антонов А.И. Социология рождаемости. Теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980. 272 с.
8. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII - начало XVIII в. М.: Наука, 1976. 221 с.
9. Бакланова Е.Н. Переписная книга как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 170–181.
10. Биленко М.В. О мордовской семье XVII в. // Советская этнография. 1979. № 1. С. 93–104.
11. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И. Русская сельская семья Чувашской АССР (историко-этнографическое исследование). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 192 с.
12. Вишневский А.Г. Образ прошлого в демографической литературе // Историческая демография: проблемы, суждения / Отв. ред. Ю.А.Поляков. М., Наука, 1989. 286 с.
13. Воробьев В.М., Детьярев А.Я. Основные черты сельского расселения на северо-западе Руси в XVI - XVII вв. // История СССР. 1980. № 5. С. 169–180.
14. Гальперина Ю.С. Семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в.: опыт исследования колонии Гнилушка (Пфайфер) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 88–93.
15. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи / Под ред. А.Г.Волкова. М.: Статистика, 1979. 200 с.

16. Деннисон Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вошажниково в 1836–1858 гг. // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Январь. Вып. 1. С. 147–154.
17. Зверев В.А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 63–70.
18. Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А., Морозова Э. А. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX – начало XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002.
19. Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // История СССР. 1979. № 1. С. 59–95.
20. Копанев А.И. Крестьяне русского Севера в XVII в. Л.: Наука, 1984. 228 с.
21. Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978. 246 с.
22. Ле-Пле, Фредерик (1806-1882). Основная конституция человеческого рода: С очерком жизни и деятельности авт. / Соч. Ле-Пле. Москва : К.П. Победоносцев, 1897. [2], XLII, 232, IV с.; 21.
23. Мельников П.Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв.: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 163–166. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166.
24. Мельников П.Ю. Братские домохозяйства Саратовской губернии в конце XIX в.: историко-демографический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 94–100. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-94-100>
25. Мельников П.Ю. Крестьянская семья на Севере в XVI–XVII вв.: обобщение и интерпретация исследований советского периода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 2. С. 5–9.
26. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
27. Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., "Дмитрий Буланин". Т. 1. 583 с.
28. Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии // Вестн. С-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 3–29.
29. Носевич Н. Л. Ещё раз о Западе и Востоке: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: Тр. VII конф. Ассоциации "История и компьютер". М., 2001. // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича [Электронный ресурс]. URL <http://vln.by/node/116> (дата обращения: 13.06.2021).
30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.; Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904. 249 с.
31. Першина Т.А., Першин С.В., Ефимкин Д.Г. Родственный состав крестьянской семьи в первой половине XIX века (по материалам д. Мордовское Маскино и С. Желтоногово Краснослободского уезда Пензенской губернии) // Лучшая научная статья. 2017. Сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса. 2017. С. 29–33.
32. Прохоров М.Ф. Крестьянская семья Подмосковья в период отечественной войны 1812 года: численность, состав, структура // Сервис plus. 2015. Т. 9. № 2. С. 91–99.
33. Разумов Л.В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце XIX – начале XX в. Опыт количественного анализа по данным земской статистики. М.: ИРИ, 1996. 349 с.
34. Столяров А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980. С. 111–118.
35. Федоров В.А. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Сельское хозяйство и крестьянство северо-запада РСФСР в дореволюционный период. Межвузовский сборник научных трудов. Смоленск. С. 29–46.
36. Янг Сын Чжо. Социальная структура российской деревни в конце XIX – начале XX в. (1880–1905 гг.) По материалам статистики Центрально-Черноземных губерний – Воронежской и Тамбовской: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 284 с.
37. Czap P. (1) The Perennial multiple family household: Mishino, Russia 1782-1858 // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. No. 1. Spring. P. 5–26.
38. Hoch St. L. Serfdom and social control in ussia: Petrovskoe, a village of Tambov. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. P. 65-91. (Перевод на русский язык: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. Москва, 1993).
39. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. / Laslett P., Wall R. (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623. (Перевод на русский язык: Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. статей / Под ред. А.Г.Вишневого и И.С.Кона. М., 1979. С. 132–157).

40. Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen, 1995. 97 p.
41. Mitterauer, M. and Kagan, A. Russian and central European family structures: a comparative view. In: *Journal of Family History*, 7 (1982). P. 103–131.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avdeev A.A., Ul'yanova G.N., Troitskaya I.A. Soslovnye razlichiya v strukturakh domokhozyajstv v XIX veke: Moskva i ee okrestnosti // *Demograficheskoe obozrenie*. 2015. T. 2. № 2. S. 74 – 91.
2. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVII v. (naselenie, zemlevladienie, zemlepol'zovanie)*. L.: Nauka, 1989. 231 s.
3. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachalo XVI v.* L.: Nauka, 1971. T. 1. 402 s.
4. Aleksandrov V. A. Obychnoe pravo krepostnoj derevni Rossii XVIII – nachala XIX v. M.: Nauka, 1974. 254 s.
5. Aleksandrov V.A. CHerty semejnogo stroya u russkogo naseleniya Enisejskogo kraja XVII – nachala XVIII v. // *Trudy instituta ehtnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Sibirskij ehtnograficheskij sbornik*. 1961. Vyp. 3. S. 3–26.
6. Aleksandrov V. A. Tipologiya russkoj krest'yanskoj sem'i v ehpkhu feodalizma // *Istoriya SSSR*. 1981. № 3. S. 78–96.
7. Antonov A.I. *Sotsiologiya rozhdamosti. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy*. M.: Statistika, 1980. 272 s.
8. Baklanova E.N. *Krest'yanskij dvor i obshhina na Russkom Severe. Konets XVII - nachalo XVIII v.* M.: Nauka, 1976. 221 s.
9. Baklanova E.N. *Perepisnaya kniga kak istochnik po istorii krest'yanskoj sem'i v Vologodskom uezde // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 1. Vologda, 1970. S. 170–181.*
10. Bilenko M.V. O mordovskoj sem'e XVII v. // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1979. № 1. S. 93–104.
11. Busygin E. P., Zorin N. V., Zorina L. I. *Russkaya sel'skaya sem'ya CHuvashskoj ASSSR (istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie)*. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1980. 192 s.
12. Vishnevskij A.G. *Obraz proshlogo v demograficheskoi literature // Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya / Otv. red. YU.A.Polyakov. M., Nauka, 1989. 286 s.*
13. Vorob'ev V.M., Degtyarev A.YA. *Osnovnye cherty sel'skogo rasseleniya na severo-zapade Rusi v XVI - XVII vv. // Istoriya SSSR. 1980. № 5. S. 169–180.*
14. Gal'perina YU.S. *Semejnaya struktura nemetskikh poselenij na Volge v seredine XIX v.: opyt issledovaniya kolonii Gnilushka (Pfajfer) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. T. 13. № 4. S. 88–93.*
15. Darskij L.E. *Rozhdamost' i reproduktivnaya funktsiya sem'i // Demograficheskoe razvitie sem'i / Pod red. A.G.Volkova. M.: Statistika, 1979. 200 s.*
16. Dennison T. *Krest'yanskie dvorokhozyajstva v imenii Voshhazhnikovo v 1836–1858 gg. // Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. 2005. YAnvar'. Vyp. 1. S. 147–154.*
17. Zverev V.A. *Semejno-brachnyj stroj v derevnyakh Zapadnoj Sibiri (po materialam Vserossijskoj perepisi naseleniya 1897 g.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2009. № 4 (8). S. 63–70.*
18. Kanishhev V. V., Konchakov R. B., Mizis YU. A., Morozova EH. A. *Struktura krest'yanskoj sem'i. Tambovskaya guberniya, XIX – nachalo XX v. // Sotsial'naya istoriya rossijskoj provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshhestva v XVIII XX vv. Tambov, 2002.*
19. Koval'chenko I. D., Borodkin L. I. *Agrarnaya tipologiya gubernij Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX–XX vv. // Istoriya SSSR. 1979. № 1. S. 59–95.*
20. Kopanev A.I. *Krest'yane russkogo Severa v XVII v. L.: Nauka, 1984. 228 s.*
21. Kopanev A. I. *Krest'yanstvo russkogo Severa v XVI v. L.: Nauka, 1978. 246 s.*
22. Le-Ple, Frederik (1806-1882). *Osnovnaya konstitutsiya chelovecheskogo roda: S ocherkom zhizni i deyatel'nosti avt. / Soch. Le-Ple. Moskva : K.P. Pobedonostsev, 1897. [2], XLII, 232, IV s.; 21.*
23. Mel'nikov P.YU. *O strukture krest'yanskoj sem'i v Rossii XVII–XIX vv.: problema klassifikatsii i terminologii v issledovaniyakh sovetskogo perioda // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17, vyp. 2. S. 163–166. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166.*
24. Mel'nikov P.YU. *Bratskie domokhozyajstva Saratovskoj gubernii v kontse XIX v.: istoriko-demograficheskij analiz // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21, vyp. 1. S. 94–100. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-94-100*
25. Mel'nikov P.YU. *Krest'yanskaya sem'ya na Severe v XVI–XVII vv.: obobshhenie i interpretatsiya issledovanij sovetskogo perioda // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. T. 15. № 2. S. 5–9.*

26. Minenko N. A. Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoj Sibiri (XVIII – pervoj poloviny XIX v.). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1979. 350 s.
27. Mironov B.N. 2003. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva. V 2 t. SPb., "Dmitrij Bulanin". T. 1. 583 s.
28. Mironov B. N. Novaya istoricheskaya demografiya imperskoj Rossii: analiticheskij obzor sovremennoj istoriografii // Vestn. S-Peterb. un-ta. Ser. 2. 2007. Vyp. 3. S. 3–29.
29. Nosevich N. L. Eshhyo raz o Zapade i Vostoke: struktury sem'i i domokhozyajstva v istorii Evropy // Krug idej: istoricheskaya informatika v informatsionnom obshhestve: Tr. VII konf. Assotsiatsii "Istorija i komp'yuter". M., 2001. // Personal'nyj sajt belorusskogo istorika Vyacheslava Nosevicha [EHlektronnyj resurs]. URL <http://vln.by/node/116> (data obrashheniya: 13.06.2021).
30. Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XXXVIII. Saratovskaya guberniya. SPb.; Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. 1904. 249 s.
31. Pershina T.A., Pershin S.V., Efimkin D.G. Rodstvennyj sostav krest'yanskoj sem'i v pervoj polovine XIX veka (po materialam d. Mordovskoe Maskino i S. Zheltonogovo Krasnoslobodskogo uezda Penzenskoj gubernii) // Luchshaya nauchnaya stat'ya. 2017. Sbornik statej VIII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. 2017. S. 29–33.
32. Prokhorov M.F. Krest'yanskaya sem'ya Podmoskov'ya v period otechestvennoj vojny 1812 goda: chislennost', sostav, struktura // Servis plus. 2015. T. 9. № 2. S. 91–99.
33. Razumov L.V. Rassloenie krest'yanstva Tsentral'no-promyshlennogo rajona v kontse XIX – nachale XX v. Opyt kolichestvennogo analiza po dannym zemskoj statistiki. M.: IRI, 1996. 349 s.
34. Stolyarov A. A. K voprosu izucheniya russkikh sel'skikh semej Srednego Povolzh'ya v XVI – nachale XX v. // Voprosy ehntografii Srednego Povolzh'ya. Kazan', 1980. S. 111–118.
35. Fedorov V.A. Semejnye razdely v russkoj poreformennoj derevne // Sel'skoe khozyajstvo i krest'yanstvo severo-zapada RSFSR v dorevoljucionnyj period. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Smolensk, 1979. S. 29–46.
36. Yang Syn CHzho. Sotsial'naya struktura rossijskoj derevni v kontse XIX – nachale XX v. (1880–1905 gg.) Po materialam statistiki Tsentral'no-Chernozemnykh gubernij – Voronezhskoj i Tambovskoj: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 284 s.
37. Czap P. (1) The Perennial multiple family household: Mishino, Russia 1782-1858 // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. No. 1. Spring. P. 5–26.
38. Hoch St. L. Serfdom and social control in ussia: Petrovskoe, a village of Tambov. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. P. 65-91. (Perevod na russkij yazyk: KHok S.L. Krepostnoe pravo i sotsial'nyj kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoj gubernii. Moskva, 1993).
39. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. / Laslett P., Wall R. (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623. (Perevod na russkij yazyk: Laslett P. Sem'ya i domokhozyajstvo: istoricheskij podkhod // Brachnost', rozhdanost', sem'ya za tri veka: sb. statej / Pod red. A.G.Vishnevskogo i I.S.Kona. M., 1979. S. 132–157).
40. Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen, 1995. 97 p.
41. Mitterauer, M. and Kagan, A. Russian and central European family structures: a comparative view. In: Journal of Family History, 7 (1982). P. 103–131.

Информация об авторе

Павел Юрьевич Мельников, канд. ист. наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, e-mail: p_melnikov@list.ru

Information about the author

Pavel YU. Mel'nikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, e-mail: p_melnikov@list.ru

Поступила в редакцию

(Received) 24.09.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 15.02.2022

Пионеры юридического образования на российском Дальнем Востоке (1919–1922): по материалам Государственного архива Приморского края

Чи Юйчао

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, 88002978@qq.com

Аннотация. Статья посвящена первым профессорам и преподавателям Государственного Дальневосточного университета (ГДУ/ДВГУ/ДВФУ) во Владивостоке и Юридического факультета в Харбине. Они основали уникальную школу юриспруденции, имеющую экономико-региональные особенности, со знаниями восточных языков, географии и политики стран Азиатско-Тихоокеанского региона. После окончания Гражданской войны в 1922 г. они эмигрировали. В приложении публикуется "Положение об испытаниях на звание действительного студента и ученые степени ГДУ". Статья написана с использованием материалов (эмигрантская периодика) из зарубежных архивов и библиотеки Русской коллекции Гавайского университета.

Ключевые слова: *Дальневосточные юристы, история ДВГУ/ДВФУ, Юридический факультет в Харбине, особенности юридического образования, русские юристы в Китае, высшее образование на Дальнем Востоке*
Для цитирования: Чи Юйчао. Пионеры юридического образования на российском Дальнем Востоке (1919–1922): по материалам Государственного архива Приморского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 84–94. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/84-94

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/84-94

Pioneers of Legal Education in the Russian Far East (1919–1922): based on materials from the State Archives of Primorsky Krai

Chi Yuchao

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, 88002978@qq.com

Abstract. The article is devoted to the first professors and teachers of the State Far Eastern University (GDU/FENU/FEFU) in Vladivostok and at the Faculty of Law in Harbin. They founded a unique school of jurisprudence with economic and regional characteristics, with knowledge of oriental languages, geography and politics of the countries of the Asia-Pacific region. After the end of the Civil War in 1922, they emigrated. The appendix publishes "Regulations on tests for the title of a real student and academic degrees of the State University of Education". The article was written using materials (emigre periodicals) from foreign archives and the library of the Russian collection of the University of Hawaii.

Key words: *Far Eastern lawyers, history of FENU / FEFU, faculty of Law in Harbin, peculiarities of legal education, russian lawyers in China, higher education in the Far East*

For citation: Chi Yuchao. Pioneers of Legal Education in the Russian Far East (1919–1922): based on materials from the State Archives of Primorsky Krai // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 84–94. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/84-94

Понятие "Школа" в высших учебных заведениях имеет различное значение. Это может быть научно-учебное направление или просто исторический факт с датой основания определенной научной школы с ее известными деятелями. На Дальнем Востоке юридическая школа имеет давнюю и интересную историю. Если о деятельности дальневосточных юристов имеются некоторые сведения, то об уехавших в эмиграцию или репрессированных почти не найти информации. Целью настоящей публикации является краткий обзор и рассказ о первых преподавателях-юристах. Многие материалы о юридическом образовании выявлены в зарубежных архивах¹. Там обнаружено немало документов о деятельности Юридического факультета в Харбине и судьбе дальневосточных юристов-эмигрантов.

Все хлопоты по формированию подготовки юристов взял на себя бывший профессор Восточного института Николай Иванович Кохановский (1870–1966, Рига) (ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27160. Биография – 12 л.; ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 18. Биография – 9 л.)². Сын священника, он вначале учился на арабско-персидско-турецко-татарском отделении Санкт-Петербургского уни-

¹ Автор приносит искреннюю благодарность за помощь русскому библиографу Гавайского университета Патриции Полански (Patricia Polansky), архивисту Гуверовского института Иву Франкьену (Yves Franquien) и своему научному руководителю, профессору Амиру Александровичу Хисамутдинову.

² ЦГА СПб – Центральный государственный архив (Санкт-Петербург);
ГАПК – Государственный архив Приморского края.

верситета, а в сентябре 1889 г. перевелся на юридический факультет, который окончил в 1893 г. с дипломом первой степени (1893) [14, с. 139].

Вначале Н.И. Кохановский исполнял обязанности ординарного профессора ГДУ, затем 13 июня 1921 г. его утвердили деканом факультета общественных наук. Эту должность он исполнял до октября 1922 г. Николай Иванович смог объединить многих преподавателей-юристов.

Блестящим специалистом по юриспруденции был доктор гражданского права Сергей Павлович Никонов (1868–после 1930), автор около 200 работ по обязательному праву и праву собственности, социологии, финансам, страхованию и статистике (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 40. Л. 12–14.). Уникальная личность, он получил превосходное образование: окончил 3-ю Казанскую гимназию и юридический факультет Казанского университета в 1890 г., где его оставили для подготовки к профессорскому званию. Никонов сразу поставил цель получить научную степень. С этой целью он поехал за границу. В 1891 г. Никонов слушал лекции в Берлинском, Гейдельбергском, Страсбургском и Парижском университетах. В Берлине получил докторскую степень. 22 апреля 1891 г. он защитил диссертацию на степень магистра гражданского права в Санкт-Петербургском университете. В мае 1909 г. С.П. Никонов стал доктором гражданского права. Революция и Гражданская война заставила ученого переехать в Сибирь. В сентябре 1920 г. он устроился в Томский университет, затем беженская жизнь привела его во Владивосток. В ГДУ С.П. Никонов стал деканом факультета общественных наук и вел занятия по римскому и торговому праву [15, с. 300].

Формированием университетской программы для юристов во Владивостоке стал заниматься Валентин Александрович Рязановский (1884–1968, Окленд, Калифорния), который удачно сочетал качества ученого и преподавателя. Он окончил юридический факультет Московского университета, занимался в Германии. Рязановский стал приват-доцентом Демидовского Юридического лицея по кафедре гражданского права в Ярославле (1914–1917), защитил диссертацию на степень магистра гражданского права (1917). Он занимал должности профессора Демидовского лицея по кафедре гражданского права, Томского университета (осень 1918), Иркутского университета (1920) и ГДУ (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 52. Биография – 12 л.).

Понимая важность своих программ по гражданскому праву и гражданскому процессу, В.А. Рязановский решил их опубликовать в первом томе Бюллетеня Государственного Дальневосточного университета (1921). Он сразу подготовил и учебник, в предисловии к которому писал в апреле 1922 г.: "Полное отсутствие учебных пособий по гражданскому праву в гор. Владивостоке и настойчивые просьбы моих слушателей заставили меня взяться за перо и изложить общую часть читанного мною в 1921/1922 академическом году в Государственном Дальневосточном университете курса лекций по гражданскому праву. При этом изложении пришлось встретиться с исключительно неблагоприятными условиями для подобной работы. Чтобы дать некоторое представление об этих условиях, достаточно сказать, что в библиотеке Университета не нашлось ни одной иностранной монографии по общей части гражданского права, не оказалось и иностранных курсов и учебников по гражданскому праву, даже всех трудов русских ученых в данной области мне не удалось найти в библиотеках гор. Владивостока. Пришлось писать на память, цитировать нередко по сохранившимся запискам или из вторых рук. Все это и заставляет меня издать лекций на правах рукописи в качестве пособия для слушателей в надежде со временем, если только удастся дожить до этого времени, в лучших условиях переработать и издать их для общего пользования" [10, с. 1].

Среди основателей ГДУ был и магистр международного права Мстислав (Мечеслав) Петрович Головачев (1893–1956, Сан-Франциско), который удачно сочетал политическую деятельность с преподаванием [5]. Он окончил гимназию Медведникова в Москве. Получив диплом юридического факультета Московского университета, он стал помощником присяжного поверенного Омской судебной палаты. Он также окончил Московский археологический институт. Для подготовки к званию профессора в области международного права его прикомандировали к Новороссийскому университету (1915). Защитив диссертацию в 1917 г., он получил звание приват-доцента и сразу же стал профессором Томского университета. Во время Гражданской войны М.П.

Головачев жил в Сибири, работая управляющим Министерства Областного Сибирского правительства (1918) и заместителем министра иностранных дел в Омском правительстве. Через Харбин Мстислав Петрович приехал во Владивосток, где стал профессором международного права ГДУ, читал лекции по истории российских законов и международному праву. В последние дни Белого Приморья М.П. Головачев был несколько дней министром иностранных дел Сибирского правительства (Владивосток, октябрь 1922) [12, с. 110].

Занятия по истории русского права и административному праву вел Владимир Викторович Энгельфельд (1891–1937, Харбин). После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета его оставили для подготовки к профессорскому званию. Он защитил магистерскую диссертацию по истории русского права. Во время Гражданской войны Энгельфельд служил в Сенате Омского правительства, затем с беженцами попал во Владивосток (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 64. Л. 2–4).

Доцентом по кафедре уголовного права был военный юрист Александр Александрович Камков (1868–после 1937), который вел занятия по уголовному праву и процессу (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 17. Л. 2–5). Он окончил юридическое отделение Казанского университета (1889) и Александровскую военно-юридическую академию (1896), сдал магистерские экзамены при Казанском университете. А.А. Камков участвовал в походе в Китай (1900–1902), затем служил военным судьей Приамурского военно-окружного суда (с 7 июня 1912 г.). Одновременно с преподаванием Камков занимал должность председателя уголовного департамента Владивостокской судебной палаты [19, р. 15].

Выдающимся философом был Лев Александрович Зандер (1893–1964, Париж), который вел занятия у юристов по введению в этику и по истории и философии права (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Л. 15 л. – Программа курса). Он окончил Александровский лицей и юридический факультет Санкт-Петербургского университета, получил докторскую степень в Гейдельбергском университете. Всего год он был доцентом по кафедре философии ГДУ. Зандер публиковал статьи во владивостокских газетах "Новый путь", а также "Русское обозрение" и "Русский голос".

Доцентом по кафедре "Энциклопедия и история философии права" был Николай Иванович Дмитраш, который вел занятия по общей теории права (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 12. Л. 4–6). Он окончил юридический факультет Петроградского университета. Во Владивостоке Дмитраш был сотрудником Министерства иностранных дел правительства Меркуловых, опубликовал интересную статью о ГДУ [3, с. 110].

Судебную медицину и психопатологию преподавал ученик знаменитого В.М. Бехтерева Адольф Федорович Бари (1875–1936, Шанхай) (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 4. Биография – 11 л.). После окончания в 1893 г. военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге он совершил научную заграничную командировку. В 1896 г. Бари успешно защитил докторскую диссертацию на степень доктора медицины ("О развитии мозговых центров"). А.Ф. Бари работал профессором Санкт-Петербургского неврологического института. Адольф Бари находил время и для общественной деятельности: был товарищем председателя Русского судебно-медицинского общества (с 1905 г.) и гласным городской думы Петрограда. В 1917 г. его мобилизовали в армию и отправили служить в крепость Владивосток [13, с. 278].

Посоветовавшись с коллегами, Кохановский решил использовать богатый опыт Восточного института и готовить юристов с экономической специализацией. Поэтому он пригласил вести курс кооперации и счетоводства экономиста Сергея Андреевича Андреева, имевшего диплом Московского коммерческого института по педагогической группе экономического отделения со специализацией в политической экономии, со степенью кандидата экономических наук первого разряда. Он преподавал коммерческие дисциплины в Московском народном университете им. Шанявского (1915–1918). В 1919 г. Кохановский предложил ему вести занятия в Восточном институте во Владивостоке. Андреев также читал лекции по политической экономии и счетоводству во Владивостокском народном университете (1918), во Владивостокском высшем политехникуме (1918–1919) и счетоведение в Дальневосточном поли-

техническом институте (ДВПИ, 1919–1920), был автором статей по анализу экономической ситуации в Приморье [14, с. 139].

Историю хозяйственного быта и экономической географии преподавал востоковед Аркадий Николаевич Петров (1881–1938) (ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 838. Л. 20 24; Ф. 117. Оп. 6. Д. 45. Л. 11–14). Он окончил Казанское реальное училище (1901) и корейско-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1907). В Русско-японскую войну Петров служил переводчиком. Он совершил несколько научных командировок в Японию и Китай (1907–1909). Прекрасно зная китайский язык, А.Н. Петров был профессором Императорского Китайского института западных языков в Тяньцзине (с 1908) [15, с. 311].

Приват-доцентом был военный специалист Григорий Григорьевич Христиани (1863–после 1923). В августе 1885 г. он начал военную службу в звании поручика. После окончания в 1887 г. Николаевской академии Генерального штаба служил на штабных должностях, преподавал статистику в академии. В декабре 1913 г. Христиани произвели в генерал-лейтенанты, а с сентября 1915 г. по июль 1916 г. он исполнял должность начальника Императорской Николаевской военной академии. После Октябрьской революции в феврале 1918 г. в составе академии Г.Г. Христиани эвакуировался из Петрограда в Екатеринбург и Казань, а затем оказался во Владивостоке.

Занятия по высшей математике вел профессор ДВПИ Семен Николаевич Петров (1872–?) (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 46. Биография – 10 л.). После окончания Горного института в Санкт-Петербурге (1898) преподавал математику и технические предметы в Пермском горнозаводском училище (1899–1905), затем вновь вернулся в Санкт-Петербург. Защитив в Горном институте диссертацию "Работа и давление при прокате" (1917), стал профессором в Уральском горном институте (1917–1919), с которым переехал во Владивосток.

Химик Евгений Иванович Любарский (1870–после 1925) вел занятия по товароведению. Он окончил физико-математический факультет Казанского университета в 1894 г. Вместе с Уральским горным институтом эвакуировался из Екатеринбурга во Владивосток [15, с. 312].

Физику юристам преподавал Александр Романович Редлих (1885–после 1930), окончивший Юрьевский университет со степенью кандидата физико-математических наук. В 1909 г. он оказался в Никольск-Уссурийском, где вел занятия в реальном училище. В 1917 г. Редлих переехал во Владивосток и стал преподавателем в Коммерческом училище.

Будущие юристы любили посещать лекции по введению в философию и судебную психологию, которые вел профессор историко-филологического факультета Матвей Николаевич Ершов (1886–после 1937). Он окончил Казанскую духовную академию со степенью магистра богословия (диссертация "Проблема богопознания в философии Мальбранша"). Затем М.Н. Ершов получил степень доктора философии в Цюрихском университете [11, с. 10].

Декан факультета общественных наук Н.И. Кохановский со своими коллегами хорошо понимал важность Государственной испытательной комиссии, которая была и для экономистов. Первым председателем стал декан, а членами С.П. Никонов, В.А. Рязановский и М.П. Головачев. Комиссия приступила к своей работе с 1 октября 1921 г. Ввиду отсутствия сессии весной 1921 г. комиссия постановила обе сессии (весеннюю и осеннюю) соединить в одну с небольшим перерывом. Она продолжалась с 1 октября по 10 декабря 1921 г. и с 5 января по 6 февраля 1922 г. Так как своих выпускников ещё не было, комиссия стала проверять знания у лиц, прослушавших юридические и экономические курсы других университетов и институтов. Таких кандидатов было 14 человек. Однако первые экзамены успешно выдержали семь человек (шесть юристов и один экономист). Ими стали Никольский, Остроумов, Сикорский, Радомышелский, Клин, Носарь, Троицкий. Пятеро из них окончили с правом на диплом первой степени и двое – с дипломом второй степени. Двое взяли темы для дипломных работ (на диплом I степени). Для юристов проводили следующие экзамены: гражданское право, гражданский процесс, уголовное право, уголовный процесс, торговое право и международное право [19, p. 15].

Журнал "Экономическое обозрение" писал: "В общем по отзывам экзаменаторов первая сессия оставила хорошее впечатление. Все экзаменовавшиеся серьезно готовились. В результате мы имеем 6 новых юристов. Через

год-полтора, когда начнутся выпуски юристов местного университета, количество проходящих через юридическую испытательную комиссию, конечно, возрастает. Но важен первый почин. Мы с удовольствием и отмечаем этот почин" [17, с. 227–228].

У первого выпуска юристов возникли некоторые проблемы с оформлением дипломов. Они подали в совет ГДУ и на факультет общественных наук заявление с просьбой выдать им "временные свидетельства и дипломы от имени Государ. Дальневосточного ун-та и юридической испытательной комиссии при последнем без указания на факультет общественных наук ун-та, к которому они фактически никакого отношения не имели. Основой такой просьбы служит то обстоятельство, что в советской России взамен уничтоженных юридических факультетов были созданы факультеты общественных наук, которые ничего общего с юридическими факультетами не имеют. В славянских странах, где русских юристов допускают к практической деятельности, совершенно не признают дипломов, выданных общественными факультетами России. Поэтому один из окончивших, г. Сикорский, уезжая в Польшу, должен был взять удостоверение от местного польского консула, что Государственный Дальневосточный университет (ГДУ, название в те годы менялось) действует на основании устава 1884 г., а юридическое отделение фак-та общественных наук ведет преподавание по программе юридических факультетов российских университетов. В заявлении отмечается, что не только за границей не признают дипломов окончивших общественные факультеты в России, но и сами большевики в советской России предпочитают лиц, окончивших юридические факультеты, окончившим общественные. В заключение подавшие заявление указывают, что в особенно тяжелом положении из-за названия факультета окажутся их младшие коллеги, состоящие студентами факультета обществ. наук Дальневосточного университета, по окончании этого факультета, и не только за границей, но, может быть, в будущем и в России" [6, с. 157].

Необычностью ситуации с юридическим образованием на российском Дальнем Востоке было наличие двух факультетов одного университета: один во Владивостоке, другой – в Харбине. Среди русских высших учебных заведений Китая Юридическому факультету в Харбине принадлежит особая заслуга именоваться Первой русской высшей школой в Китае. "То, о чем мечтал Харбин, начиная с первых лет мировой войны, то, что ему представлялось таким желанным, особенно в первые годы русской революции, он получил во время Гражданской войны. 1 марта 1920 г. в Харбине открыли Высшие экономико-юридические курсы. Основной задачей учебного заведения было дать молодежи, окончившей среднюю школу, высшее юридическое и экономическое образование, по типу европейских университетов, но восполненное изучением права и экономики края, а также восточных языков. С самого начала возникновения Факультета на нем была принята программа, приспособленная к общим требованиям современной науки и учитывающая необходимость изучения языка, права и экономики народов Дальнего Востока" [18, с. 1]. Эти направления стали основой развития Юридического факультета на всё время его существования.

Обучение в вузе было разрешено только тем, кто окончил школы, находящиеся в ведении и под контролем органов народного образования, подведомственных Министерству народного просвещения Дальневосточной республики (затем отделу народного образования Дальревкома). Как пояснялось, "указанный порядок установлен вследствие ненормального положения, в котором находятся средние школы в полосе отчуждения КВЖД благодаря отсутствию здесь Советского государственного органа, могущего контролировать эти школы со стороны учебно-воспитательной. Помимо того, что программы указанных школ не соответствуют требованиям программы единой трудовой школы, учащаяся молодежь средних школ Харбина воспитывается в явно враждебном Советской государственности духе, в духе незамаскированного черносотенства" (ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 10. Л. 17).

В октябре 1922 г. профессор ГДУ спешно подводил итоги преподавательской деятельности, провели ускоренный выпуск студентов. Н.В. Рязановский оказался последним председателем испытательной экзаменационной комиссии ГДУ при белой власти [2]. Подавляющее число студентов предпочло эмигрировать в Китай вместе со своими преподавателями, где они продол-

жили обучение на Юридическом факультете в Харбине. Часть из них эмигрировала в США, где также продолжили учиться.

После окончания Гражданской войны в 1922 г. по-разному сложились судьбы профессоров и преподавателей. Инициатор открытия юридического отделения Н.И. Кохановский уволился из ГДУ по болезни. Некоторое время он находился в Харбине, работал профессором Юридического факультета (1922–1923). Николай Иванович позже выехал в Европу, жил в Литве, преподавал в местном университете.

Почетный и действительный член многих обществ (Royal Asiatic Society и др.) В.А. Рязановский успешно продолжил преподавательскую и научную деятельность на Юридическом факультете в Харбине: профессор (1921 – 1 июля 1934, читал курсы гражданского права, гражданского процесса, китайского гражданского права, догму римского права и вел семинары по гражданскому праву), декан (осень 1924 – март 1929), председатель испытательной комиссии (1923–1924). Позднее Валентин Александрович с семьей эмигрировал в США [1].

Заинтересовавшись китайским правом, В.В. Энгельфельд отправился в Пекин писать диссертацию. Он был профессором Пекинского института русского языка и юридических наук (1921–1923), одновременно советником Министерства юстиции в Пекине. Переехав в Харбин, заведовал кафедрой административного права Юридического факультета (с 1923). Он защитил диссертацию "Очерки государственного права Китая" на степень магистра государственного права перед Русской академической группой в Париже (1925). Владимир Викторович был исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре международного права на Факультете (с 4 марта 1926) [7, с. 85]. Энгельфельд болезненно переживал закрытие Юридического факультета, не представляя себя вне академической среды. Он призывал коллег к продолжению работы и поиску новых путей в науке. Эти проблемы стали одной из причин его смерти – по пути на занятия по японскому языку с ним случился инфаркт.

С 23 мая 1921 г. Н.И. Дмитраш находился в заграничной научной командировке в США. Он хотел занять место библиотекаря Библиотеки Конгресса. К сожалению, больше сведений о Николае Ивановиче нами не найдено.

Л.А. Зандер ярко проявил себя во Франции. Вначале уехав в Китай, он преподавал историю философии права на Юридическом факультете в Харбине. Некоторое время жил в Пекине. В 1923 г. Лев Александрович переехал в Чехословакию, затем во Францию. Он был близко знаком с философом Сергеем Николаевичем Булгаковым.

Международник и политолог М.П. Головачев издавал в Харбине журнал "Сибирские вопросы", редактировал русско-китайскую газету "Гун-Бао". Он был одним из основателей Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине, где читал лекции по международному праву. Также в Харбине стал первым ректором и профессором Института Святого Владимира (1934). Японские власти выслали М.П. Головачева из Харбина за политическую деятельность (сентябрь 1935 г.). Головачев поселился в Шанхае, где занялся адвокатской практикой и издавал газету "Эмигрантская мысль" (1936–1937), являлся вице-председателем Благотворительного общества в Шанхае. Мстислав Петрович эмигрировал через Филиппины (1949) в США (1950). Он публиковал статьи в газете "Россия" и других русских газетах США.

Автор многих научных работ по медицине врач А.Ф. Бари жил в Шанхае с 1922 г., где был председателем Общества русских врачей (с 1925 г.), председателем Русского благотворительного общества (1927–1932) и председателем Общества "Сокол" (с 1930 г.). Адольф Федорович был учредителем и вице-председателем Русского медицинского общества (с 1931 г.), работал профессором университета Святого Иоанна в Центральном китайском университете.

Декан технического факультета ГДУ (с 11 июня 1923 г.) Семен Николаевич Петров уехал в Харбине и стал работать в Харбинском политехническом институте, публикуя работы по математике и сопромату.

Успешно продолжил преподавательскую деятельность в Китае М.Н. Ершов. Вначале он вел курс в Пекинском университете ("Русская культура и

философия XVIII–XIX вв." (1922–1923) и Пекинском женском педагогическом институте ("Современное состояние педагогики и школьного дела в Западной Европе и России"). Позже уехал в Харбин, где стал профессором Педагогического института и Юридического факультета (вел курсы: философия, церковное право, народное хозяйство современного Китая) (1926–1934). Матвей Николаевич репатрировался в СССР. Вероятно, репрессирован.

В Харбин уехал и Н.Н. Трифонов, ставший заместителем декана Юридического факультета (1930 – 1 июля 1934), читал курсы научной организации труда и организации предприятия (с 1926 г.). Он репатрировался в СССР и преподавал в Томском индустриальном институте [9; 16, с. 145]. Николая Николаевича арестовали 28 октября 1937 г. и по решению Тройки УНКВД Новосибирской области от 9 ноября 1937 г. расстреляли.

Преподаватель (с 1926 г.), секретарь (1929) и заместитель декана (с 1930 г.) Юридического факультета в Харбине А.А. Камков решил в 1937 г. репатрироваться в СССР, стал доцентом по кафедре уголовного права. Александра Александровича арестовали 5 октября 1937 г. в Самаре. Потом его следы затерялись.

Часть преподавателей решило остаться в Советском Союзе. К сожалению, у большинства судьба сложилась трагически [6]. Профессор ДВГУ А.Н. Петров жил в Ленинграде и Москве. Неоднократно арестовывался органами НКВД (по делам "Контрреволюционный националистический центр в Якутии", "Шахтинское дело"). Много печатных работ осталось в рукописи ("История мировой торговли", "История торговли США" и др.). Вероятно, Аркадия Николаевича расстреляли. После прихода Красной армии во Владивосток Григория Григорьевича Христиани сразу арестовали, он умер в Красноярской тюрьме. Доцент кафедры физики ДВПИ А.Р. Редлих выехал научную командировку в Германию для ознакомления с последними достижениями в области физики (1927–1928). Возможно, Александра Романовича репрессировали. Профессор ДВПИ Евгений Иванович Любарский в январе 1930 г. перевелся в Нижегородский университет. Больше о нем ничего неизвестно. К сожалению, ничего не найдено о С.П. Никонове, который был профессором по кафедре социологии ДВПИ, затем заведовал кафедрами римского и торгового права ГДУ, являлся сотрудником Дальневосточного филиала АН СССР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Становление юридического образования на Дальнем Востоке происходило при помощи выдающихся профессоров. Они создали уникальную систему подготовки юристов с региональными особенностями во Владивостоке. По разным причинам большинство выпускников и студентов уехали в Европейскую часть Советской России или эмигрировали в Китай (1921–1923). Многие профессора собрались на Юридическом факультете в Харбине и продолжали преподавательскую деятельность. Они помогали Китаю подготовить многих юристов, экономистов, лингвистов, также способствовали развитию высшего образования в провинции Хэйлунцзян. Они заложили фундамент для дальнейшего развития юридического образования на Дальнем Востоке России, а также внесли свой вклад в развитие высшего образования в Китае. Эти люди играли большую роль в области китайско-российского регионального образовательного сотрудничества, обмена результатами исследований в области юриспруденции и культуры между Россией и Китаем.

Приложение. Положение об испытаниях на звание действительного студента и ученые степени³ Государственного Дальневосточного университета [8, с. 201–204].

1. Правила общие.

§ 1. Советам университетов, сообразно с составом их, предоставляется утверждать в ученых степенях магистра и доктора по факультетам: историко-филологическому, физико-математическому, юридическому и восточных языков.

Примечание. Ученые степени и звания по медицинскому факультету приобретаются в университетах на основании общих по медицинской части постановлений.

§ 2. Испытаниям на ученые степени магистра и доктора по означенным факультетам могут подвергаться как русские подданные всех состояний, так и иностранцы.

§ 3. Желающий подвергнуться испытанию подает ректору прошение на простой бумаге, в котором обозначает, на какую именно ученую степень и по какому разряду наук он желает подвергнуться испытанию и прилагает к прошению, буде имеет, диплом на непосредственно низшую ученую степень. Ректор передает прошение декану подлежащего факультета для зависящих от него распоряжений.

Н.В. К испытанию на степень магистра допускаются лица, представившие диплом первой или второй степени. В особо уважительных случаях может быть допущено факультетом лицо, представившее докторский диплом иностранного университета (см. статьи 81 и 86 Устава Российских университетов 1884 г.).

§ 5. Испытания производятся на степень магистра – в полном собрании факультета.

§ 6. Ищущие ученых степеней подвергаются испытанию по порядку, в каком следует одна степень за другою, и в установленные сроки. Посему кандидат (или имеющий диплом 1-й и 2-й степени) не ранее, как через год по удостоении этой степени допускается к испытанию на степень магистра и не ранее, как через год по удостоении сей последней может представить диссертацию на степень доктора.

Примечание. Подробные правила о сроке и порядке производства испытаний на ученые степени составляются советами университетов и через попечителей учебных округов представляются на утверждение министра народного просвещения.

§ 7. Оценка познаний испытуемого отмечается по принадлежности профессором или занимающим кафедру доцентом, в нарочно для того приготовленном списке, который, на общем собрании немедленно по окончании испытания подписывается всеми членами собрания. Степень знаний испытуемого выражается по усмотрению советов университетов, цифрами: 1, 2, 3, 4, 5 или словами: удовлетворительно, весьма удовлетворительно или неудовлетворительно. По окончании испытания делается, на основании сих отметок, общее заключение об удостоении или неудостоении подвергшихся испытанию звания или степени, при чем переэкзаменовки вообще не допускаются.

§ 10. Не удовлетворивший испытанию на ту или другую ученую степень может явиться ко второму на оную испытанию не прежде, как через год после первого, и к испытанию в третий раз не прежде, как через год после второго, при чем оба раза испытание производится сполна из всех предметов, без зачета отметок, полученных на предшедших испытаниях. После трех неудовлетворительных испытаний, ищущий степени не допускается более к испытанию на ту же степень и в том же факультете того же университета.

³ Примечание в документе: "Утверждено Министром народного просвещения 4 января 1864 г. См. сборник распоряжений по министерству народного просвещения, т. 3, 1867 г., № 619. Ввиду отмены университетским уставом 1884 г. звания действительного студента и степени кандидата в тексте приводятся лишь сохранившие силу постановления об ученых степенях магистра и доктора и опускаются ныне потерявшие силу параграфы". Стилистика документа сохранена.

§ 12. Предметы испытания делятся на два рода: а) главные, по которым ищущий ученой степени желает получить оную, и б) вспомогательные, состоящие в ближайшей связи с первыми.

II. Об испытаниях на степени магистра и доктора.

§ 20. Для приобретения степени магистра надлежит выдержать испытание в определенном числе главных и вспомогательных предметов факультета или отделения. Такое число предметов составляет особый разряд наук, по которому ищущий степени желает получить оную, как-то: магистра философии, магистра русской словесности и т.д. Разряды сии показаны ниже в особых таблицах.

§ 21. Желаящий приобрести степень магистра обязан, по выдержании испытания, представить диссертацию на избранную им самим и факультетом одобренную тему. Диссертация сия, в которой должны быть обозначены главные ее тезисы, рассматривается, по распоряжению декана, всеми членами факультета порознь, а письменный разбор оной делает профессор или занимающий кафедру доцент, к предмету которого принадлежит сочинение. На такое рассмотрение и разбор назначается не более шести месяцев. Если диссертация признана будет удовлетворительною, то факультет допускает кандидата к публичному защищению оной и по отчетливом с его стороны исполнению его условия представляет совету об утверждении его в степени магистра.

§ 22. Магистр, ищущий степени доктора, не подвергается новому испытанию, но обязан представить в факультет диссертацию, которая должна заключать в себе самостоятельное исследование какого-либо научная вопроса. Диссертация сия может заключать в себе более обширное исследование предмета магистерской диссертации, но не должна быть только повторением оной.

§ 23. Диссертация на степень доктора рассматривается также порядком, указанным в § 21 сего положения. Если она будет признана удовлетворительною, то факультет допускает автора к публичному защищению оной.

§ 24. Декан факультета назначает время для публичного защищения диссертации на ученые степени доктора и магистра и объявляет о том во всеобщее сведение.

§ 25. Диссертацию на степень магистра и доктора может заменить самостоятельное ученое сочинение, хотя бы написанное и не с целью получения ученой степени, если только оно относится к тому разряду наук, по какому кандидат или магистр ищут следующих ученых степеней. Представленный с этой целью сочинения рассматриваются и защищаются тем же порядком, как и диссертации.

§ 26. Ищущие степени магистра или доктора обязаны напечатать на свой счет свои диссертации и экземпляры оных, или упоминаемых в предыдущем § сочинений, представить в факультет, по крайней мере за месяц до защищения.

§ 27. При публичном защищении диссертации присутствуют декан и члены подлежащего факультета. Доктора и магистры по той же науке, хотя и не принадлежащие к университету, приглашаются принять участие в диспуте. Официальных оппонентов, заблаговременно назначенных факультетом, должно быть не менее двух. Возражения могут представлять также все присутствующие на диспуте лица.

§ 28. При публичном защищении диссертации на ученые степени декан направляет прения, охраняет порядок диспута, заключает оный и, собрав мнение присутствовавших членов факультета, публично объявляет о состоявшемся решении. Затем он представляет совету университета об утверждении, защищавшего диссертацию в ученой степени.

§ 29. Удостоенные ученой степени доктора получают наименование по разрядам наук, означенных в таблицах, следующих к § 20 сего положения. В дипломах, выдаваемых на степень доктора или магистра, означается заглавие публично защищенной диссертации или представленного вместо оной сочинения.

Приложение к § 20.

III Таблица испытаний на степень магистра по юридическому факультету.

Разрядов магистров и предметы.

1. Разряд гражданского права. Главные предметы: гражданское право, судоустройство; вторые предметы: римское право.
2. Разряд уголовного права. Главные предметы: уголовное право, судоустройство и судопроизводство; вторые предметы: часть полицейского права о предупреждении и пресечении преступлений.
3. Государственного права. Главные предметы: государственное право; вторые предметы: международное право.
4. Полицейского права. Главные предметы: полицейское право; вторые предметы: политическая экономия.
5. Финансового права. Главные предметы: финансовое право; вторые предметы: политическая экономия.
6. Международного права. Главные предметы: международное право; вторые предметы: государственное право.
7. Политической экономия. Главные предметы: политическая экономия; вторые предметы: финансовое право или полицейское право по выбору экзаменуемого.
8. Разряд римского права (учрежден Министерством народного просвещения в предложении поправок от 23 февраля 1891 г., № 3733). Главные предметы: римское право (история и догма); вторые предметы: гражданское право и судопроизводство.

Литература

1. Гинс Г. В. А. Рязановский: (Некролог) // Русская жизнь. 1968. 23 февр.
2. Дальневосточный университет // Русский край. Харбин, 1924. 16 апр.
3. Дмитриш Н. И. Краевой Государственный университет во Владивостоке // Великий океан. Владивосток, 1919. № 2–3. С. 107–117.
4. Дудин П. Н. К вопросу о судьбе преподавателей Юридического факультета г. Харбина, вернувшихся в СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 11–17.
5. Загорский А. Светлой памяти профессора Мстислава Петровича Головачева: (Некролог) // Русская жизнь. 1956. 20 дек.
6. Заявления окончивших университет // Юридическое обозрение. 1922. № 4. С. 157.
7. Никифоров Н. И. Профессор В. В. Энгельфельд // Право и культура. Харбин, 1938. С. 85–86.
8. Положение // Юридическое обозрение. Владивосток, 1922. № 6. С. 201–204.
9. Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету // Новая заря. Сан-Франциско, 1938. 17 марта.
10. Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву: В 5 вып. Харбин, 1924. Вып. 1. 245 с.
11. Хисамутдинов А. А. Высшее образование на Российском Дальнем Востоке // Вестник ДВО РАН. 1999. № 3. С. 3–13.
12. Хисамутдинов А. А. Русский юридический факультет в Харбине // Право и образование. 2016. № 3. С. 105–113.
13. Хисамутдинов А. А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291.
14. Хисамутдинова Н. В. Высшее образование Дальнего Востока в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 138–141.
15. Хисамутдинова Н. В. Из Владивостока – в эмиграцию: судьбы дальневосточных профессоров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 309–312.
16. Хисамутдинова Н. В. Политические репрессии в вузах Дальнего Востока (1920–1938 гг.) // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 144–147.
17. Юридическая государственная испытательная комиссия // Юридическое обозрение. 1922. № 6. 227–228.
18. Юридический факультет О. П. С. М. Харбин: Художеств. тип. "Заря", 1935. С. 1.
19. Khisamutdinov A. A. Russian Higher Education in China // Russian Education & Society. 2016. Vol. 58, issue 7–8. P. 12–18.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gins G. V.A. Ryazanovskij: (Nekrolog) // Russkaya zhizn'. 1968. 23 fevr.
2. Dal'nevostochnyj universitet // Russkij kraj. KHarbin, 1924. 16 apr.
3. Dmitrish N.I. Kraevoy Gosudarstvennyj universitet vo Vladivostoke // Velikij okean. Vladivostok, 1919. № 2–3. S. 107–117.
4. Dudin P.N. K voprosu o sud'be prepodavatelej YUridicheskogo fakul'teta g. KHarbina, vernuvshikhysya v SSSR // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2017. № 1. S. 11–17.
5. Zagorskij A. Svetloy pamyati professora Mstislava Petrovicha Golovacheva: (Nekrolog) // Russkaya zhizn'. 1956. 20 dek.
6. Zayavleniya okonchivshikh universitet // YUridicheskoe obozrenie. 1922. № 4. S. 157.
7. Nikiforov N.I. Professor V.V. EHngel'fel'd // Pravo i kul'tura. KHarbin, 1938. S. 85–86.
8. Polozhenie // YUridicheskoe obozrenie. Vladivostok, 1922. № 6. S. 201–204.
9. Professora i pitomtsy zakryvshegosya fakul'teta rasseyany po vsemu svetu // Novaya zarya. San-Frantsisko, 1938. 17 marta.
10. Ryazanovskij V.A. Leksii po grazhdanskomu pravu: V 5 vyp. KHarbin, 1924. Vyp. 1. 245 s.
11. KHisamutdinov A.A. Vysshee obrazovanie na Rossijskom Dal'nem Vostoke // Vestnik DVO RAN. 1999. № 3. S. 3–13.
12. KHisamutdinov A.A. Russkij yuridicheskij fakul'tet v KHarbine // Pravo i obrazovanie. 2016. № 3. S. 105–113.
13. KHisamutdinov A.A. Russkoe vysshee obrazovanie v Kitae // Voprosy obrazovaniya. 2015. № 4. S. 274–291.
14. KHisamutdinova N.V. Vysshee obrazovanie Dal'nego Vostoka v gody Grazhdanskoj vojny // Voprosy istorii. 2010. № 9. S. 138–141.
15. KHisamutdinova N.V. Iz Vladivostoka – v eh migratsiyu: sud'by dal'nevostochnykh professorov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2-6 (62). S. 309–312.
16. KHisamutdinova N.V. Politicheskie repressii v vuzakh Dal'nego Vostoka (1920–1938 gg.) // Voprosy istorii. 2008. № 8. S. 144–147.
17. YUridicheskaya gosudarstvennaya ispytatel'naya komissiya // YUridicheskoe obozrenie. 1922. № 6. 227–228.
18. YUridicheskij fakul'tet O.R.S.M. KHarbin: KHudozhestv. tip. "Zarya", 1935. S. 1.
19. KHisamutdinov A.A. Russian Higher Education in China // Russian Education & Society. 2016. Vol. 58, issue 7-8. P. 12–18.

Информация об авторе

Чи Юйчао, аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, e-mail: 88002978@qq.com

Information about the author

Chi Yuchao, Postgraduate Student, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, e-mail: 88002978@qq.com

Поступила в редакцию

(Received) 01.10.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.02.2022

Политико-экономические противоречия между Казанью и Москвой во время "парада суверенитетов"

Ринат Махмутович Зиганьшин
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, rinatzigan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия, вплоть до противостояния, между Казанью и Москвой в так называемый период «парада суверенитетов» – один из самых трагичных и неоднозначных периодов нашей истории. Он оказался своеобразным показателем, барометром, зеркалом, своего рода рубежом, разделительной линией, неким итогом прежних взаимоотношений, а также заделом взаимоотношений будущих, уже в Новой России.

Ключевые слова: *Татарстан, парад суверенитетов, федерализм, Казань, Москва*

Для цитирования: Зиганьшин Р. М. Политико-экономические противоречия между Казанью и Москвой во время "парада суверенитетов" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 95–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/95-107

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/95-107

Political and Economic Contradictions between Kazan and Moscow during the "Parade of Sovereignties"

Rinat M. Zigan'shin
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia, rinatzigan@mail.ru

Abstract. The article examines the contradictions, up to the confrontation, between Kazan and Moscow during the so-called period of the "parade of sovereignty" – one of the most tragic and ambiguous periods of our history. It turned out to be a kind of indicator, a barometer, a mirror, a kind of border, a dividing line, a kind of result of previous relationships, as well as a kind of foundation for future relationships, already in the New Russia.

Key words: *Tatarstan, parade of sovereignties, federalism, Kazan, Moscow*

For citation: Zigan'shin R. M. Political and Economic Contradictions between Kazan and Moscow during the "Parade of Sovereignties" // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 95–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/95-107

Целью и задачами статьи являются описание и анализ отношений в системе "Центр – регион" между Казанью и Москвой, и связанных с ними событий в так называемый период "парада суверенитетов" – один из самых трагичных и неоднозначных периодов нашей истории. Методологической основой исследования политико-экономических противоречий являются:

1) Исторический метод, как отображение причинно-следственных связей, воссоздание событий прошлого.

2) Социально-психологический метод, как установление психологических закономерностей поведения больших и малых социальных групп.

Теоретический уровень исследования статьи основывается на анализе публикаций в СМИ, научных статьях и диссертационных исследованиях. Эмпирический – на личных воспоминаниях автора, а также на обсуждении рассматриваемых событий с очевидцами, некоторые мнения которых приведены в статье.

Предыстория вопроса

Отношения между Казанью и Москвой как культурными, политическими, экономическими центрами насчитывают долгую историю, на протяжении которой они менялись от состояния крайней вражды и противостояния до мира и сотрудничества. В первом случае речь идет о времени, когда это были разные государства-княжества в период междоусобиц и раздробленности. Тогда Москва враждовала также с такими городами, как, например, Тверь, Рязань, Суздаль и др. Во втором случае Казань находилась уже в составе одного с Московской государством после завоевания его Иваном Грозным и насильственного присоединения в 1552 г. Понятно, что начиная с этого времени Казань в составе единого государства вынуждена была подчинять свои интересы центру, столице, тем более, что Иван Грозный запретил татарам жить в пределах города Казани и посадил там своего наместника. Такая внутренняя политика подчинения и ограничения местного населения в своих правах в дальнейшем

сменилась более мудрой политикой равноправия и единения, введенной Екатериной II, когда татарам разрешили жить в черте города Казани и строить там мечети.

Москва при этом, как столица, центр единого расширяющегося государства, становящегося империей, даже при Иване Грозном вынуждена была учитывать интересы покоренных, подчиненных ему регионов, прежде всего экономические, в т.ч. и Казани, являющегося центром довольно большого административно-территориального образования в составе России – в самой его центральной части. Делалось это во избежание, предупреждения бунтов со стороны местного населения, поскольку исключительно "огнём и мечом" держать в подчинении, повиновении никакой регион нельзя. Необходимо сочетать "кнул и пряник". Одной экономической стороной вопроса дело здесь обычно не ограничивается, центр вынужден также делегировать некоторые полномочия местным органам власти, которые оговариваются особо. При этом зачастую идет довольно ожесточенный спор, в каком-то смысле торг, в котором на компромиссы вынуждены идти обе стороны. Как здесь не вспомнить знаменитые слова Клаузевица, в последствии повторенные Лениным, что политика – это концентрированное выражение экономики! Но здесь важно соблюдать принцип приоритета центральной власти над региональными, являющегося одним из главных признаков суверенитета страны. При этом необходимо соблюдать "золотую середину", равновесие, некую гармонию в конфликте таких интересов. Поскольку крен в любую сторону (слабый центр или, наоборот, подавленный бесправный регион) чреват потрясениями, угрожающими самому существованию государства. На конкретном примере отношений между Москвой и Казанью можно довольно подробно и наглядно изучить этот очень сложный вопрос из истории внутренней политики государственного управления России.

В советский период у Татарстана был статус автономии в составе РСФСР и он назывался Татарской Автономной Советской Социалистической Республикой (ТАССР). Высшим руководящим органом управления республикой фактически был Татарский обком компартии (Татарский областной комитет КПСС). Первый же секретарь Татарского обкома осуществлял высшее политическое руководство республикой. Следует также сказать, что это был важный промышленный, сельскохозяйственный, экономический центр, куда во время Великой Отечественной войны было эвакуировано много заводов. Здесь проходят важные транспортные магистрали, находятся крупные транспортные узлы: автомобильные, железнодорожные, водные – достаточно сказать, что Казань стоит на великой русской реке Волге. Руководящая политическая элита республики проявляла лояльность Москве, интеллигенция, народ были вполне толерантны, терпимы за редким исключением. Этот регион богат также природными ресурсами, особенно нефтью и газом. При этом ТАССР была фактически нищей республикой в плане снабжения магазинов продуктами, промышленными товарами, уровнем жизни, госдотаций в местный бюджет и т.д. За это республика имела очень большие обиды на Москву как в лице руководства республики, так и простого населения. Эти обиды долго копились и вспыхнули именно в самом начале 90-х годов, по-особому проявившись в местных особенностях парада суверенитетов.

Парад суверенитетов и становление федерализма в России

Здесь особое внимание необходимо уделить так называемому периоду "парада суверенитетов" – одного из самых трагичных и неоднозначных периодов истории постперестроечной и Новой России. Он оказался своеобразным показателем, барометром, зеркалом отношений Москва – Казань, центр – регион. Своего рода неким рубежом, итогом прежних взаимоотношений, а также своеобразным заделом взаимоотношений будущих, уже в Новой России. Напомню, что тогда не только национальные регионы заявляли о самостоятельности и даже сепаратизме. Некоторые общественные и политические деятели вполне серьезно говорили об отделении, например, Москвы от России, они играли на эмоциях некоторых москвичей, которых раздражали "понаехавшие мешочники". Да и отдельные районы Москвы заявляли об относительной автономии. Например, говорили о необходимости брать плату за проезд по их территории автомобилей, нахождении различных предприятий и т.д.

Фото 1. Одиночный пикет в поддержку суверенитета Татарстана
Photo 1. Single picket in support of the sovereignty of Tatarstan.

Источник: [7].

Source: [7].

Сейчас это воспринимается как маразм, но тогда это вполне серьезно обсуждали в СМИ, что также отражало некоторые общественные настроения. На этом фоне заявления о праве на суверенитет различных регионов страны, и не всегда ограниченный, относительный, не кажутся такими уж абсурдными. Особенно об этом заявляли регионы, богатые природными ресурсами и при этом мало что от этого получавшие в местный бюджет для своего развития и процветания, поскольку практически всё забирал центр, потом распределяя по своему усмотрению, не всегда понятно и справедливому с точки зрения регионов.

Провозглашение в 1990 г. суверенитета Российской Федерации и вслед за этим суверенитетов республик, входящих в ее состав, дало мощный импульс для интенсивного обсуждения вопроса о подходящем для России устройстве федерации, правах и полномочиях субъектов федерации, об объеме власти федерального центра. Всенародные дебаты первых двух лет сменились многочисленными совещаниями политического руководства страны, заседаниями Конституционного и Верховных судов РФ, конференциями, посвященными теории и практике российского федерализма 1990-х годов. Поиски оптимальной для России модели федерализма иногда стимулировались и одновременно часто ограничивались активными действиями некоторых республик в составе Российской Федерации, добивавшихся экономических и политических привилегий, недоступных для других субъектов Российской Федерации. Инструментами давления были принятие своих конституций, выходящих далеко за рамки федеральной конституции, настойчивый курс на заключение двусторонних договоров с центром, использование разнообразных возможностей влияния на электоральные процессы. Лидерами "парада суверенитетов" стали республики Татарстан, Башкортостан, Якутия. Получив от центра требуемые преимущества, они в середине 1990-х годов начали активно пропагандировать и защищать модель асимметричной федерации, несмотря

Фото 2. Митинг в поддержку суверенитета Татарстана
Photo 2. Rally in support of the sovereignty of Tatarstan.

Источник: [7].

Source: [7].

на то, что ее было трудно концептуально совместить с нормами конституции. После вступления В. Путина в должность Президента РФ 7 мая 2000 г. федеральные власти резко изменили курс. В первые же месяцы они продемонстрировали отход от тактики торга и взаимных уступок между федеральными и региональными элитами и достигли заметных успехов в стратегической задаче укрепления вертикали государственной власти и восстановления единого правового пространства России [4, с. 4–5].

Парад суверенитетов – это устойчивое выражение, обозначающее провозглашение суверенитета рядом республик в составе СССР и автономий в составе РСФСР в 1990-м – 1991-м годах. На практике это означало ликвидацию или оспаривание приоритета общесоюзных законов над республиканскими, что также получило название "война законов" и рассматривалось как шаг к получению реальной независимости. К параду суверенитетов привели политические реформы в СССР во время Перестройки. Как утверждает Словарь русского публичного языка конца XX века, автором выражения "парад суверенитетов" является народный депутат РСФСР Петр Зерин, употребивший его в своей речи на съезде депутатов 10 декабря 1990 г. Он назвал "парадом суверенитетов" заявления о независимости десяти союзных республик, бывших в составе СССР. Эти заявления об их независимости (суверенитете) были сделаны с мая по октябрь 1990 г. Парад суверенитетов автор выражения П. Зерин связал с процессами развала СССР, по поводу которых, по его словам, "выражают тревогу не только все здоровые силы нашей страны, но и Европейское сообщество". Он выделил ряд следствий парада суверенитетов: война; распад экономических связей; усиление сепаратизма; рассогласованность союзных и республиканских законов; повседневный паралич власти и всеобщая неразбериха. Слова П. Зерина были опубликованы на следующий день, 11

декабря 1990 г., в "Российской газете". Выражение "парад суверенитетов" впоследствии было растражировано в СМИ [6].

Формально всё началось 26 апреля 1990 г., когда в СССР был принят закон "О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации", который уравнивал в правах автономные и союзные республики. Этот закон воспринимался частью руководства РСФСР как покушение на её территориальную целостность, поскольку 16 автономий становились независимыми от РСФСР. В свою очередь 12 июня 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Данная декларация провозглашала, в частности, приоритет конституции и законов РСФСР над законодательными актами СССР, а также содержала указание на необходимость существенного расширения прав автономных республик, областей, округов, краёв РСФСР, при этом сохраняя их в составе РСФСР. Фраза "Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить" была произнесена Председателем Верховного Совета РСФСР (на тот момент, высшее должностное лицо в России) Борисом Ельциным 6 августа 1990 г. во время его выступления в Казани и прозвучала по телевидению. Аналогичная фраза была сказана во время выступления в Уфе: "берите ту долю власти, которую сами сможете проглотить". Руководство СССР в противостоянии с руководством РСФСР рассчитывало на поддержку региональных политиков, а руководство РСФСР пыталось оставить национальные автономии в составе РСФСР, предоставив им дополнительные полномочия. 30 августа 1990 г. была принята "Декларация о суверенитете Татарстана", в которой и была произнесена фраза. В 1994 г. был заключен договор между Республикой Татарстан и Российской Федерацией о распределении полномочий. Реально стать полностью независимой от России попыталась только Чеченская Республика, но в итоге, после двух войн, она осталась в составе Российской Федерации. В книге Бориса Ельцина, "Пятьдесят семь вопросов президенту России", вышедшей в 1996 г., фраза о суверенитете оправдывается тем, что она, по мнению автора книги, была направлена на остановку сепаратизма автономий и сравнивается с встречным пожаром, применяемым для тушения огня [1].

Тогда, в самом начале 1990-х годов в прессе много писали о ходе демократических и псевдодемократических преобразований в стране, в т.ч. и в Татарстане. Как уже упоминалось выше, республика была очень обижена на Москву за то, что, будучи регионом-донором, давая огромные поступления в бюджет, влачила жалкое существование. Впрочем, уровень жизни там мало отличался от уровня жизни других регионов РСФСР, за исключением Москвы и Ленинграда. Одной из вех противостояния экономических интересов была ситуация вокруг завода КАМАЗ в Набережных Челнах. Завод был всесоюзного значения, строился всей страной, он оказывал огромную нагрузку на местную экологию, но Татарстан от этого не имел ничего, за исключением рабочих мест. Все выпущенные там автомобили распределялись по стране из Москвы. Мне рассказывал один знакомый из Московской области, что он в 1970-е – начале 1980-х годов, будучи механиком одного подмосковного автотранспортного предприятия, часто ездил в Набережные Челны в командировку. Говорил, что когда там строили завод, рабочим очень хорошо платили, быстро давали квартиры в новых домах, в городе было московское снабжение продуктами, что при том тотальном дефиците много значило. Таким образом привлекали туда специалистов, рабочую силу со всего СССР на постоянное место жительства. Когда же завод построили, зарплаты резко снизили, убрали московское снабжение, и по этой причине много людей уехало на заработки в другие регионы. И это стало, как он говорил, настоящей трагедией для города! С его слов, в городе осталось много вынужденно одиноких женщин, мужья которых надолго уехали зарабатывать деньги, многие из которых были по этой причине доступны приезжающим на время мужчинам...

Тогда, во время парада суверенитетов, республиканское руководство заявило о своих правах на этот завод и запретило отпускать с завода автомобили без своего разрешения. Прямо у выездных ворот КАМАЗа поставили передвижной пост ГАИ и автомобили, которые были уже распределены из Москвы по стране, просто не выпускали из завода. Центру, руководству страны это понравится, конечно, не могло! Чем же ответила Москва? Как мне рассказывал двоюродный брат, в то время работавший на КАМАЗе, на заводе устроили

диверсию – пожар на заводе дизельных двигателей. Этот пожар, полыхавший 8 дней и ночей, произошел в 1993 г. и нанес огромный урон всему заводу. Накануне была отключена вся система пожаротушения, всю воду пришлось качать с наружных гидрантов. А перед самым пожаром прибыли специалисты из Москвы и обрабатывали чем-то крышу завода дизельных двигателей. Сразу после этого и случился пожар! Как мне рассказывал двоюродный брат, весь КАМАЗ тогда говорил о том, что это именно Москва подожгла этот завод. Это я рассказываю с чужих слов, как в таких случаях говорят: "За что купил – за то и продаю". Не считаю эту версию совсем уж невозможной, если исходить из древнеримского принципа *cui prodest* (кому выгодно), то этот пожар был выгоден именно Москве. После этого двигатели для автомобилей пришлось закупать в Ярославле и республиканское руководство вынужденно пошло на компромиссы по КАМАЗу с Москвой.

Этнический вопрос и сепаратизм

Следует учесть то, что в Татарстане проживало и проживает около 40 % русских. Кстати говоря, татар там примерно столько же или немногим больше, остальные – люди других национальностей. Важным, хотя и своеобразным показателем толерантности можно считать то, что здесь не было в "лихие 90-е" так называемых национальных криминальных группировок, банд из числа коренного населения. Все местные криминальные группировки (их обычно называли "казанские"), когда-то прогремевшие на всю страну, интернациональные. Я прочитал как-то в то время одну статью, где автор приводил статистику национального состава таких банд. По его данным, здесь в среднем 60 % составляли русские, 30 % татары и 10 % другие национальности.

Как отмечает В.В. Михайлов, замечательной особенностью Татарстана является многовековой опыт совместного проживания двух этносов, татар и русских, научивший тех и других не реагировать моментально на возможные проявления отрицательного отношения к "твоему" этносу, предвидеть возможные последствия. Именно поэтому ТОЦ (татарский общественный центр) и его идеология не получили большой поддержки среди татар. Русские в ещё меньшей степени были склонны участвовать в "русских" политических организациях, например, таких как казачество, дабы не создавать дополнительные основания для межнациональной напряженности [4, с. 34]. Проблемы же в этом плане, по его мнению, создавали имеющие свои интересы элиты, которые чувствовали угрозу со стороны демократизации и стремились сохранить политический контроль. Для них национализм являлся лучшим возможным орудием. Он позволял им править "от имени народа", претендуя на легитимность, избегая в то же время "правления народа". Это утверждение вполне применимо к элитам многих российских республик. Поэтому ясно, что факт насильственного присоединения территории 450 лет назад становится удобным аргументом для тех, кто правит "от имени народа", но не для самого народа [4, с. 23]. Одни полагают, что движущей силой процесса в Татарстане было стихийное национальное движение, другие же – что элита в течение всего периода контролировала инициативы снизу. Направляла их в нужное для себя русло и была умелым игроком, сумевшим монополизировать не только государственную власть, но и в значительной степени подчинить себе общественные процессы [4, с. 22]. В.В. Михайлов, приводя эти два мнения, в своей диссертации придерживается именно последнего.

Такого же мнения придерживался, к сожалению, ныне покойный, профессор из Казани Александр Леонидович Салагаев. Он рассказывал в своём докладе на одной конференции в Йошкар-Оле, что руководство Татарстана довольно жестко выторговывало себе особые условия с центральной властью. Все выступления "националистов" (мнимых и настоящих) в Казани за отделение от России, по его словам, были организованы руководством республики с целью напугать Москву и выторговать себе особые преференции. Он рассказывал, что из районов Татарстана были собраны маргиналы, их поили водкой, бесплотно кормили, договаривались со столовыми. Москва реально испугалась и пошла на уступки, т.е. разрешила некоторую часть доходов республики оставлять у себя. Они были не очень-то и большими, но позволили ей хоть как-то свести концы с концами и начать обустроиваться. Как здесь опять не вспомнить знаменитое выражение: политика – это концентрированное вы-

ражение экономики! Сейчас Татарстан именно благодаря этому стал процветающей республикой, а Казань просто не узнать по сравнению с советским периодом, который я очень хорошо помню. И здесь я не согласен с мнением В.В. Михайлова, который считает ошибочным распространённое мнение, что возможность распоряжаться в течение многих лет экономическими привилегиями, которых не имел ни один другой субъект федерации за частичным исключением Башкортостана, Якутии и Ингушетии, привела к повышению уровня жизни широких масс в республике. По социально-экономическим показателям, по его мнению, Татарстан не является лидером даже в Приволжской зоне (позднее – в Приволжском федеральном округе), уступая это место другим субъектам Федерации [4, с. 47].

С этим не согласились бы и сами жители Татарстана, и жители соседних с ним регионов. Его мнение несправедливо для времени написания им диссертации в 2005 г. и даже для предшествующего периода. Мне родственники, живущие в Марий Эл, рассказывали, что в Татарстане в 1990-х и начале нулевых годов при наступившей безработице по всей стране работа была, и зарплаты были гораздо выше, чем в соседних регионах. Они вынуждены были ездить туда на заработки. При этом их – татар – часто не брали на работу ввиду отсутствия татарстанской прописки, что развенчивает миф о татарском национализме. Об этом мне рассказывали родственники, проживающие в Марий Эл – соседней республике. Ситуация очень схожая с тем, как люди с других регионов на заработки приезжали в Москву и не могли устроиться по этой же причине! Приведу ещё один пример, касающийся данной темы. В самом начале 1990-х годов, когда после "либерализации цен" они резко взлетели, оказалось, что продукты в Татарстане стоят в два раза дешевле, чем в Марий Эл. Многие из Волжска ездили за продуктами в соседний Зеленодольск, благо до него было 12 км. Тогда же в Волжске, прошли митинги за присоединение довольно большого по размеру Волжского района Марий Эл к Татарстану. В Волжске живет много татар, но не они были причиной таких митингов. Как только цены в Татарстане и Марий Эл выровнялись, митинги сразу же прекратились. Любопытно, что даже при той открытости, свободе СМИ, отсутствии цензуры, никакой информации про эти митинги не было! Это говорит о том, что некая цензура в стране все-таки была. Коротенькое упоминание об этих митингах я встретил в прессе много позднее, когда они уже давно ушли в прошлое и утратили актуальность.

Получив некоторые уступки, руководство тут же прижало националистов, которых в реальности было не так уж много, а многих выслало из Казани. Конечно, нельзя сказать, что все митингующие были сплошь заплаченные маргиналы, но, возможно, составляли основное его ядро и словам уважаемого профессора А.Л. Салагаева можно верить. Этими митингами руководство Татарстана не только добилося уступок из Москвы, но и выпустило пар у националистически настроенных людей, точнее – сепаратистски. Среди митингующих были не только татары. Он же рассказывал мне, что в Татарстане, по его словам, есть два вида татар – городские и деревенские. Первые вполне толерантны, терпимы, а вторые – более националистически настроены и нетерпимы. И у власти теперь, по его словам, находятся именно "деревенские" татары. Это опять же я говорю только с чужих слов – человека, очень мною уважаемого, с которым я фактически сдружился и приезжал потом к нему в Казань на конференции.

Ситуация с Татарстаном была настолько острой, что туда собирались вводить войска в 1992 г. Об этом если не говорили прямо, то намекали в СМИ. Писали, например, что вокруг Татарстана сосредоточили воздушно-десантные дивизии, посланные на "уборку картофеля". Но от этой идеи благо разумно отказались. Бог уберет Россию от такой трагедии! От войны в самом центре страны. По какому сценарию она бы пошла, сейчас трудно судить, выдвигаются разные версии. Но тогда ощущение собственной страны, патриотизма у людей было на низком уровне. Приведу лишь один пример. В то время я сказал двум парням, своим коллегам по работе, оба русские (один из Москвы, другой из Московской области), что наши на Чемпионате мира по хоккею в четвертьфинале проиграли финнам. Оба злобно мне ответили: "Нашел наших!". Один из них потом всерьез обсуждал намерение поехать воевать в Чечню на стороне Дудаева, поскольку он якобы платит в день 1000 долларов. На мой

вопрос: "И что ты будешь в своих стрелять?", он на меня посмотрел так, как будто я что-то "не догоняю". Эта война могла быть гораздо кровопролитней и выйти за пределы Татарстана, превратившись в гражданскую, учитывая, что татары по численности населения на втором месте после русских. Кстати говоря, многих из них внешне совсем не отличить от русских! Потом, учитывая тогдашнюю ситуацию в стране, на стороне Татарстана воевало бы немало русских, в первую очередь проживающих в Татарстане. Многие русские там тогда поддерживали сепаратизм, но было немало татар, которые были против сепаратизма. Вспоминаю разговор в поезде Казань – Москва, который произошел у меня тогда с одним татариним. Я в Татарстане не проживал, но тоже был за сепаратизм и, случись война, тоже воевал бы на стороне Татарстана. Этот татарин был старше и гораздо тогда умнее и образованнее меня – молодого. У нас завязался спор, в котором он меня прямо спросил: "Как ты себе Татарстан без России представляешь?". И буквально на пальцах, пункт за пунктом убедил меня, что сепаратизм нам не выгоден и выйдет боком самому Татарстану, не смотря на наличие богатых природных ресурсов. Сейчас много говорят о причинах, которые заставили Б.Н. Ельцина отменить своё решение о вводе войск в Татарстан. Например, по мнению Рашида Ахметова, издателя "Звезды Поволжья", на него неизгладимое впечатление произвёл довод советника, что в армии России служат много татар, в том числе и на ответственных должностях. И оккупация Татарстана произведет на них нехорошее впечатление. Это может негативно отразиться на обороноспособности и даже на лояльности вооруженных сил [7].

В 1990-х было принято сравнивать Татарстан и Чечню. Оба региона отказались подписывать Федеративный договор, оба региона предпочли требовать у ослабевшего центра прав, а не выжидать политически благоприятной ситуации. Однако у Татарстана перед Чечнёй был ряд преимуществ, которые в итоге и позволили Ельцину и Шаймиеву договориться. В первую очередь, на местах у власти в Татарстане оставались бывшие партийные функционеры, включённые в обсуждение переговоров и уступок. Каждый пытался просчитать малейшую выгоду от любого сценария. Шаймиеву не была выгодна ситуация, разворачивающаяся в Чечне. К моменту подписания итогового договора, закрепившего шаткое положение РТ, в Чечне полным ходом шёл конфликт Дудаева и чеченского парламента, который привел к его роспуску и вооруженному захвату власти Дудаевым. Шаймиев не был готов потерять власть из-за "перегретого" народа. "Чечня выбрала свой путь, к сожалению, тушиковый, – писал позднее Шаймиев. – Я предупреждал Дудаева, что встать под знамя полной независимости невозможно. Этим самым он закрыл себе возможности для переговоров, выбрал путь вооруженной борьбы, чтобы добиться независимости. К сожалению, случилось то, что случилось". 15 февраля 1994 г. Москва и Казань подписали двусторонний договор "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан". Татарстан по этому договору оказался "объединен" с РФ. Что это означало – равноправную позицию автономии с делегированием внешнеполитических полномочий или вхождение в состав РФ на правах других субъектов – неясно даже профессиональным юристам. Тем более что дальше в Конституции Татарстана появится формулировка "в составе Российской Федерации". В таком подвешенном, но стабильном состоянии Татарстан просуществовал до 2007 г. Это позволяло Татарстану принимать независимые внутривнутриполитические решения: первым из регионов газифицировать свои негородские поселения, поддержать энергетическую реформу А. Чубайса (вопреки мнению глав других частей Федерации), вырастить собственную спецслужбу госбезопасности, которая носила название КГБ вплоть до 2002 г., и сделать много других преобразований. В 2007 г. был принят спорный с точки зрения разных политических сил в Москве договор о разграничении полномочий с Татарстаном. Он фактически подтвердил культурную и политическую независимость Татарстана от Москвы, хотя один раз отклонялся Советом Федерации (против голосовало 93 человека). Впрочем, сейчас этот договор уже не действует. В 2017 г. его просто не стали продлевать. Фактически для Татарстана ничего не изменилось – уже продолжительное время республика живет в среде верховенства российского права [7].

Вообще, право наций на самоопределение вплоть до отделения было заложено в СССР еще В.И. Лениным. Правда, оно было декларативным, и в реальности никто в руководстве страны соблюдать его не собирався. При сильном центре никаких особых проблем с этим не было, при слабеющим же центре, во время и после Перестройки, это создало стране большие проблемы. Союзные республики тут же отделились при полном согласии и даже поощрении центра, а вот с автономными возникли проблемы, некоторые из которых и описаны в статье. Известно, что ликвидировать построение СССР по национальному принципу планировал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, видимо намереваясь упредить возможные проблемы в будущем. Об этом в своих воспоминаниях писал его помощник А.И. Вольский. По его словам, Андропов, уже будучи Генсеком, однажды его вызвал и сказал: "Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе штатов на основе численности населения, производственной целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР". Проект разделения страны на 41 штат был подготовлен, однако Андропов не успел его утвердить из-за тяжёлой болезни и последовавшей смерти. По мнению Вольского, если бы проект был осуществлён, СССР бы избежал распада. В современной России наиболее известным политиком, продвигающим идею ликвидации национальных автономий, является лидер ЛДПР В.В. Жириновский. Об этой идее он, в частности, заявлял на XI съезде ЛДПР, проходившем в мае 2001 г. По мнению Жириновского, Россия может развиваться нормально только будучи унитарным государством, а принцип национально-территориального устройства опасен, поскольку приводит к эскалации межнациональных конфликтов и разрушению страны [3].

Исторический опыт показывает, что федерации, созданные на основе конституции (США, ФРГ) как правило, более стабильны и эффективны, чем федерации, образованные по договору. Последние часто бывают асимметричными (их субъекты имеют разные статус и права), и постоянно идет борьба между регионами и центром за пересмотр условий договоров. И тем не менее при определенных условиях и такие федерации жизнеспособны. Смещение же этих двух принципов ведет к полной путанице в правовой сфере и, как следствие, к внутренней нестабильности подобной федерации. Именно такая ошибка и была допущена в России. Сначала был заключен Федеративный договор 31 марта 1992 г., провозгласивший договорной принцип формирования федерации (Татарстан и Чечня не подписали его). В договоре республики были названы государствами и представлены как суверенные республики в составе РФ. В договоре, по сути дела, утверждалось, что субъекты РФ являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей [5, с. 107–109].

С точки зрения международного права, РФ относится к сложным федеративным государствам, В таких случаях отношения между центром и субъектами федерации регламентируются конституцией и/или договорами между ними. В соответствии с Конституцией РФ (ст. 71, п. к, л, м, н), большинство вопросов внешней и оборонной политики отнесено к сфере исключительного ведения федерального центра: внешняя политика и международные отношения, международные договоры, вопросы войны и мира, внешнеэкономические отношения, оборона и безопасность и т.д. К сфере совместного ведения отнесены координация международных и внешнеэкономических связей субъектов федерации и выполнение международных договоров РФ (ст. 72, п. 1, о). В п. 2 той же статьи особо подчеркнута, что эти положения в равной мере распространяются на все виды субъектов федерации – республики, края, области, города федерального значения, автономную область и автономные округа. Иными словами, все субъекты федерации имеют равные права и статус в сфере международных связей. В ст. 76, п. 4 указывается, что вне пределов ведения РФ её субъекты могут осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных актов. Некоторые специалисты и региональные лидеры интерпретировали это положение Конституции как право субъектов федерации на принятие собственных нормативных актов и в области международной деятельности. Оценивая значение Конституции РФ для регулирования международной деятельности регионов, необходимо

отметить, что этот документ не содержит детального описания полномочий субъектов федерации. Использованный в нем язык не всегда ясен, что создает основание для возникновения разногласий при интерпретации текста Конституции [5, с. 104–105].

М.Г. Муртазин объясняет возросшую активность регионов на международной арене, в том числе Татарстана, тем, что региональные элиты пытаются избавиться от патронажа центра и получить в свои руки собственные каналы внешней коммуникации для привлечения иностранных инвестиций и иных форм экономического сотрудничества. Чем выше международная репутация региона, тем больше у него шансов получить конкретные результаты от взаимодействия с иностранными партнерами. Этим объясняются попытки нескольких регионов выйти на международный рынок финансовых облигаций со своими "евробондами", а также стремление ведущих регионов попасть в рейтинги инвестиционной надежности. Международные банки, компании и фирмы ищут партнеров прежде всего в регионах с надежными и стабильными международными контактами, поскольку это облегчает проблему обмена персоналом и понимания во властных структурах "правил игры", принятых в мировой практике [5, с. 126].

Вопрос об участии субъектов федерации в международных отношениях остается дискуссионным в политической и правовой науках. Те, кто сомневается в целесообразности такого участия, исходят главным образом из двух соображений. Во-первых, высказывается опасение, что самостоятельный выход субъектов федерации на международную авансцену подорвет суверенитет федерального государства как единого целого, который выражается, в частности, в праве национального государства на исключительное представительство интересов соответствующего общества в международном общении и проведение единой, независимой внешней политики. Во-вторых, немаловажное опасение, кстати, подтвержденное некоторыми случаями из практики американских штатов и канадских провинций, заключается в том, что одновременное и нескоординированное выступление на международной арене федерального государства и субъектов федерации может вызвать нежелательное для страны "разноголосье" во внешнеполитических и внешнеэкономических акциях. Оно может быть использовано другой стороной в переговорном процессе, партнерами-конкурентами в борьбе, например, за привлечение иностранных инвестиций или рынки сбыта и, словом, подорвать позиции государства [5, с. 69–70].

Например, в США по Конституции 1787 г. "ни один штат не может без согласия Конгресса входить в соглашения или заключать договор с другим штатом или с иностранным государством" (статья I, раздел 10). Ни один штат не может также вступать в договоры, союзы и конфедерации. Приведенные положения нередко используются для обоснования отсутствия международной правосубъектности у штатов США. Из этого следует возможность договорных отношений штата при согласии Конгресса. Схожая по смысловой нагрузке формулировка содержится и в Основном законе ФРГ 1949 г. "В той мере, в какой земли обладают законодательной компетенцией, они могут с согласия федерального правительства заключать договоры с иностранными государствами" (статья 32, часть 3). В то же время договорная правоспособность земель определена здесь гораздо конкретнее, путем позитивного указания на предметы их конституционного ведения. Целый ряд положений, посвященных международной правоспособности государств-членов, содержится в Конституции Швейцарской Конфедерации. Все сношения между кантонами и иностранными правительствами или их представителями должны осуществляться, согласно статье 10, через посредство Федерального совета – Правительства Швейцарии. Данное правило не распространяется, однако, на международные отношения субъектов, осуществляемые в пределах их компетенции "с низшими властями и чиновниками иностранного государства". Отсюда можно заключить, что, во-первых, Конституция Швейцарии не запрещает установления и иных (кроме договорных) отношений кантонов с иностранными государствами, во-вторых, что их официальные внешние отношения устанавливаются не с разрешения, а при посредничестве Федерации (да и то по вопросам, затрагивающим её интересы) [5, с. 103–104].

В настоящее время международное и межрегиональное сотрудничество Республики Татарстан осуществляется в тесном взаимодействии с федеральными органами власти, в рамках единой внешней политики Российской Федерации. Экономика Татарстана интегрирована в систему мировых хозяйственных связей. Около половины промышленной продукции республики идет на экспорт. Объем внешнеторгового товарооборота республики в 2019 г. составил более 15,5 млрд. долл. США. С 2010 г. в Татарстан привлечено 11,4 млрд. долл. США иностранных инвестиций. В 2019 г. объем поступивших инвестиций из-за рубежа составил 1,7 млрд. долл. США. Из них около 76% составили прямые инвестиции. Республика участвует в евразийских интеграционных процессах, развивает стратегическое партнерство со странами СНГ, БРИКС, ШОС. На восточном направлении укрепляются имеющие многолетнюю историю связи Татарстана с Организацией Исламского сотрудничества. По поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина под председательством Президента Татарстана Р.Н. Минниханова в 2015 г. возобновилась деятельность Группы стратегического видения "Россия – исламский мир". Она направлена на объединение усилий различных стран, общественных институтов для противодействия растущим угрозам международной безопасности, базирующимся на искажении основных постулатов ислама, а также на расширение экономического, культурного, образовательного сотрудничества России со странами исламского мира, взаимодействия на уровне молодежных организаций. В рамках плана мероприятий Группы ежегодно проводятся десятки общественных, научных, религиозных форумов и мероприятий в Российской Федерации и за ее пределами [2].

Конфессиональные проблемы

Помимо указанных выше проблем, для Татарстана довольно острой остается проблема религиозного экстремизма, как и для всей страны. В 1990-е годы и в начале нулевых здесь было раздолье для исламских миссионеров из-за рубежа, особенно активно проявили себя ваххабиты. Некоторые из них были крайне агрессивными. Например, они спрашивали жителей Татарстана и Башкортостана: "Если вы мусульмане, то почему не собираете оружие и не поднимаете восстание?", чем вызывали крайнее недоумение у местных мусульман, для которых характерна толерантность к людям иной веры и лояльность к центральной власти. Ваххабиты основали в Казани Исламский университет, приняли участие в строительстве мечети Кул-Шариф на территории казанского Кремля. Это не могло не вызывать у местных мусульман уважения. Кстати говоря, ваххабиты ввели обязательное ношение хиджаба для местных мусульманок, хотя этот головной убор никогда не был в традициях Татарстана. На старых фотографиях еще дореволюционной России все женщины-мусульманки без хиджаба, некоторые в платках точно таких же, как у русских женщин, а некоторые вообще с непокрытой головой. Отдельно следует упомянуть учебу татарской молодежи в зарубежных исламских университетах, прежде всего в университете аль-Азхар в Каире (Египет). Туда сначала очень активно посылали на обучение, даже финансировали это из республиканского бюджета, но потом такую практику прекратили. Потому что возвратившаяся молодежь в большинстве своем оказывалась проникнутой ваххабитскими экстремистскими идеями, начинала указывать старшим как "правильно" молиться, принимать пищу, носить одежду и соблюдать ритуалы. Они буквально стали ломать устоявшиеся религиозные традиции! В итоге решили, что "У вас свой Ислам, а у нас свой". Мне один студент-таджик рассказывал, что в Таджикистане запрещено его гражданам учиться в университете аль-Азхар. Если же кто-то самостоятельно туда поедет и выучиться, то въезд обратно ему запрещен, он становится персоной *non grata*. В итоге из Татарстана всех ваххабитов выгнали. Это было в интересах Москвы, местного руководства, да и простых жителей тоже. Создание "революционной ситуации", превращение республики в "бочку с порохом" не нужно никому.

Хотя, конечно, некоторый отклик у молодежи экстремистские идеи находят. Подогреваются историей взятия Казани Иваном Грозным, жестокой кровавой расправы над уже сдавшимися жителями-защитниками города, надругательствами над женщинами, дальнейшими притеснениями татар. Но в целом в большинстве своем народ толерантен и дружелюбен. Особенно

если сравнивать с Украиной. Интересный момент: казанские татары за свою историю пострадали от Москвы гораздо больше, чем украинцы, при этом у них нет той злобы, и даже обиды на русских, которая давно господствует на Украине! Здесь, наверное, играет роль не только официальная пропаганда, во всех бедах страны обвиняющая "клятых москалей", но и особенности национального менталитета. Татары и русские обречены жить вместе, так же как русские и украинцы, которых внешним силам рассорить всё же удалось. Для того же, чтобы рассорить татар и русских, придётся приложить гораздо более огромные усилия! Если лично мне, как казанскому татарину, например, скажут, призовут: "Нужно отомстить русским за взятие Казани в 1552 г. и последующую кровавую резню уже сдавшихся мирных жителей". Я отвечу: "Кому мстить? Мы давно уже одно государство. Много моих двоюродных сестер вышло замуж за русских, их дети считают себя русскими". Но молодежь к таким словам может прислушаться, в силу своего максимализма.

Заключение

В отношениях "центр – регион" невозможно избежать противоречий и конфликта интересов. Но необходимо соблюдать "золотую середину", равновесие, некую гармонию в конфликте таких интересов. Крен в любую сторону (слабый центр или, наоборот, подавленный бесправный регион) чреват потрясениями, угрожающими самому существованию государства. Татарстан и Чечню при всей разнице истории и значения этих регионов объединяет то, что эти республики выторговали себе особые отношения, некоторые преференции жестким путем, создав центру некоторые проблемы. Татарстан, правда, при этом избежал военного противостояния, что, к сожалению, не избежала Чечня. Это подает нехороший пример другим регионам и создает нежелательный для центра прецедент. Поэтому федеральному руководству важно не доводить проблемы регионов до крайности, а решать их превентивно, насколько возможно заранее погашая недовольство их населения.

В качестве итога, насколько успешно или неуспешно руководству Татарстана удалось выторговать себе особые условия, преференции мне, простому гражданину РФ, трудно судить. Если исходить из ожиданий руководителей республики. Наверняка была острая подковёрная борьба, секретные соглашения, взаимные компромиссы. Могу судить только внешне, да ещё по публикациям в СМИ. Когда я приезжаю на свою малую родину – Марий Эл, город Волжск, который фактически находится на границе с Татарстаном, примерно в 50 км от Казани, то явно вижу разницу в благоустройстве, например, по сравнению с соседним Зеленодольском (РТ). Сравнение явно не в пользу Волжска! Сразу чувствуется разница в наличии средств в местных бюджетах на развитие и благоустройство города.

При этом, конечно, можно иметь большие собственные средства в регионе, дотации, но деньги разворовывать, что, к сожалению, для России не редкость. Коррупция характерна для многих регионов, в том числе и для Татарстана, можно говорить только о более или менее высоком ее уровне. В этой связи вспоминаю один разговор, произошедший в кулуарах одной конференции в Казани примерно 10 лет назад. Там выступал местный авторитетный экономист Вадим Васильевич Хоменко, говоря важные актуальные вещи. Когда во время перерыва он выходил из зала, я с ним разговорился, но его у меня тут же буквально "отбили" студенты. Они окружили его плотной толпой и напоребой задавали вопросы, глядя на него с большим уважением. Мне запомнился вопрос одной девушки, она буквально спросила: "Скажите, а почему в Татарстане гораздо меньше коррупции и больше порядка, чем в России?". Экономист задумался на 3-4 секунды, потом ответил: "Ну, наверно, потому, что Татарстаном более взрослые люди управляют, чем Россией".

Литература

1. Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить (Автор не указан) // Циклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Берите_суверенитета_столько,_сколько_сможете_проглотить (дата обращения: 25.06.2012).
2. Внешние связи Республики Татарстан (Автор не указан) // Портал "Официальный Татарстан". [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarstan.ru/about/vs.htm> (дата обращения: 04.05.2012 г.).
3. Ликвидация национальных автономий в России (Автор не указан) // Циклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Ликвидация_национальных_автономий_в_России#cite_note-1 (дата обращения: 19.05.2012).
4. Михайлов В.В. Становление федеративных отношений в Российской Федерации в 1990-2002 гг. (на примере Республики Татарстан): Диссертация... доктора исторических наук, Москва, 2005. 446 с.
5. Муртазин М.Г. Влияние глобализации на роль и место субъектов федеративных государств в системе международных отношений: Диссертация... кандидата политических наук: Казань, 2006. 186 с.
6. Парад суверенитетов (Автор не указан) // Циклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Парад_суверенитетов (дата обращения: 27.06.2012).
7. Харламов С. Суверенитета – сколько хочешь: как Ельцин и Шаймиев удержали Татарстан // Ruposters. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruposters.ru/news/19-12-2017/kak-eltsin-shaimiev-yerzhali-tatarstan> (дата обращения: 20.06.2012).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berite suvereniteta stol'ko, skol'ko smozhete proglotit' (Avtor ne ukazan) // TSiklopediya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Berite_suvereniteta_stol'ko,_skol'ko_smozhete_proglotit' (data obrashheniya: 25.06.2012).
2. Vneshnie svyazi Respubliki Tatarstan (Avtor ne ukazan) // Portal "Ofitsial'nyj Tatarstan". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tatarstan.ru/about/vs.htm> (data obrashheniya: 04.05.2012 g.).
3. Likvidatsiya natsional'nykh avtonomij v Rossii (Avtor ne ukazan) // TSiklopediya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Likvidatsiya_natsional'nykh_avtonomij_v_Rossii#cite_note-1 (data obrashheniya: 19.05.2012).
4. Mikhajlov V.V. Stanovlenie federativnykh otnoshenij v Rossijskoj Federatsii v 1990-2002 gg. (na primere Respubliki Tatarstan): Dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk, Moskva, 2005. 446 s.
5. Murtazin M.G. Vliyanie globalizatsii na rol' i mesto sub"ektov federativnykh gosudarstv v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij: Dissertatsiya... kandidata politicheskikh nauk: Kazan', 2006. 186 s.
6. Parad suverenitetov (Avtor ne ukazan) // TSiklopediya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Parad_suverenitetov (data obrashheniya: 27.06.2012).
7. KHarlamov S. Suvereniteta – skol'ko khochesh': kak El'tsin i SHajmiev uderzhali Tatarstan // Ruposters. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ruposters.ru/news/19-12-2017/kak-eltsin-shaimiev-yerzhali-tatarstan> (data obrashheniya: 20.06.2012).

Информация об авторе

Ринат Махмутович Зиганшин, канд. филос. наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: rinatzigan@mail.ru

Information about the author

Rinat M. Ziganshin, Candidate of Philosophy, Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, e-mail: rinatzigan@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 09.11.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 17.02.2022

Научная статья
УДК 336.018(045)
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/108-119

Развитие международного туризма в Приморском крае: китайское направление

Андрей Михайлович Сазыкин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sazykin.am@dvfu.ru
Анастасия Владимировна Широкова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, shirokova.av@dvfu.ru

Аннотация. В дореволюционной России и в первые годы Советской власти Приморье имело тесные контакты с Китаем, в том числе и по линии туризма. Сложные политические взаимоотношения с соседом обусловили практически полное прекращение туристских контактов вплоть до 1992 г. Политическая либерализация российского общества и открытие Владивостока для посещения иностранных туристов и определили возрождение международного туризма Приморья. Международный туризм Приморского края прошел путь от полустихийного развития до правового оформления и государственной поддержки. Он характеризуется преобладанием выездного туризма над въездным и до сих пор недостаточностью развития туристской инфраструктуры в качественном и количественном отношении. Интенсивное её развитие в последнее десятилетие уже дало результаты в сокращении диспропорции въездного и выездного турпотоков и позволяет оптимистично смотреть на этот вопрос в ближайшем будущем.

Ключевые слова: *Приморский край, Китай, выездной туризм, въездной туризм, история туризма, трансграничное сотрудничество*

Для цитирования: Сазыкин А. М., Широкова А. В. Развитие международного туризма в Приморском крае: китайское направление // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 108–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/108-119

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/108-119

Development of international tourism in Primorsky Krai: Chinese direction

Andrej M. Sazykin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, shirokova.av@dvfu.ru
Anastasiya V. SHirokova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, shirokova.av@dvfu.ru

Abstract. In pre-revolutionary Russia and in the first years of Soviet power, Primorye had close contacts with China, including through tourism. Complicated political relations with the neighbor led to the almost complete cessation of tourist contacts until 1992. The political liberalization of Russian society and the opening of Vladivostok to foreign tourists determined the revival of international tourism in Primorye. International tourism in Primorsky Krai has gone from semi-spontaneous development to legal registration and state support. It is characterized by the predominance of outbound tourism over inbound tourism and still insufficient development of tourism infrastructure in qualitative and quantitative terms. Its intensive development in the last decade has already resulted in reduction of the disproportion of inbound and outbound tourist flows and makes it possible to look optimistically at this issue in the near future.

Key words: *Primorsky Krai, China, outbound tourism, inbound tourism, history of tourism, cross-border cooperation*
For citation: Sazykin A. M., Shirokova A. V. Development of international tourism in Primorsky Krai: Chinese direction // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 108–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/108-119

Международный туризм Приморского края отмечает свое 30-летие (1992–2022 гг.).

Предыстория туристских взаимоотношений Китая и русского Приморья. Развитие международного туризма между КНР и Россией определяется благоприятным рекреационно-географическим положением: наличием протяжённой общей границы (1162 км). При этом только в Приморском крае она не осложнена гидро- и орографическими препятствиями. Неслучайно именно здесь прошла, построенная еще в 1903 г., Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД).

Интерес Китая к территории Приморья обусловлен исторической общностью начального этапа его освоения. С середины XIX в. до начала советского времени китайцы и маньчжуры активно заселяли нашу территорию. В летнее время ежегодно сюда приходили отходники и хунхузы, промышленяющие грабежом, добычей морепродуктов, женьшеня, других даров живой природы, а также золота. В начале XX в. численность приходящего в летнее время населения достигала нескольких сотен тысяч человек. Широко трактуя понятие "туризм", их можно условно считать первыми иностранными туристами При-

морского края. Кроме того, уже через два года после основания пост Владивосток был объявлен порто-франко, что сделало его крайне привлекательным для захода иностранных торговых и промысловых судов, большая часть которых, опять же, были китайские. В период существования порто-франко (1862–1909) [18]. Владивосток посещали многие известные иностранцы и россияне, а его жители совершали индивидуальные и групповые поездки за границу, в том числе в Китай (до 1912 г. маньчжурская империя Цин). Были тесные контакты с полурусским Харбином, а также Шанхаем, Гонконгом и Пекином [2], до 1905 г. и с военной крепостью Порт-Артур. Туристские взаимоотношения Дальнего Востока с Китаем происходили через Владивосток и КВЖД [20]. В начале советского периода граница между странами оставалась в значительной степени прозрачной. Военное обустройство границы, борьба с хунхузами, контрабандистами и нелегальным проникновением китайцев на территорию Приморья активно началась в 1920-30-х гг. Это привело к сокращению временного пребывания, а следом и оседлого китайского населения. Провокации на КВЖД, позже ее потеря, военные пограничные инциденты с японцами (особенно Хасанский конфликт 1938 г.) при в целом враждебном отношении прояпонского марионеточного государства Маньчжоу-Го к Советской России обусловили почти полное прекращение контактов. Разгром Квантунской армии, поражение армии Гоминдан, превращение Китая в социалистическую страну способствовали возобновлению контактов двух соседних стран (1949–1959). Однако после осуждения в СССР культа личности Сталина отношения между ними ухудшились. Экономическая политика "большого скачка", голод начала 1960-х гг., идеологическая кампания "культурной революции" развернули КНР от братских отношений с СССР на путь самоизоляции и даже вражды с Советским Союзом, апогеем чего стал вооруженный конфликт на о. Даманский.

С 1979 г. внешний курс Китая резко меняется: объявляется политика "открытых дверей". С этого времени начинается стремительное развитие въездного туризма Китая, которому отводилась роль катализатора экономического роста и источника иностранной валюты. В то же время выезд за пределы КНР на этом этапе строго ограничивался и осуществлялся только в рамках официальных визитов. Поворотным стал 1983 г. когда китайцам впервые разрешили выезжать за рубеж для бизнеса и посещения родственников (первоначально в Гонконг и Макао, затем в страны Юго-Восточной Азии). Это создало условия для получения частными лицами загранпаспортов, валюты и виз, способствовало появлению туризма с целью отдыха, пока еще нелегального. С конца 1980-х гг. для ускорения экономического роста в приграничных районах был разрешен выезд в сопредельные государства (Мьянму, Лаос, Вьетнам, Россию). Главными стимулами для развития выездного туризма в Китае становятся снижение административных барьеров и рост внутреннего спроса на путешествия, вызванный повышением уровня жизни населения, появлением финансовых возможностей для туризма [8; 14].

Некоторое улучшение отношений СССР с КНР в 1980-х гг. Приморья не особо коснулось. В советское время территория Приморского края, как и значительная часть Дальнего Востока, была закрытой для посещения иностранными туристами. Редкие приезды иностранцев осуществлялись в форме официальных делегаций. Выезд за рубеж также был незначителен из-за удаленности от основных стран посещения – социалистических стран Европы, а также высокой доли военнослужащих и населения, занятых на объектах ВПК и секретных предприятиях. Однако для моряков рыболовного и торгового флота была возможность посещения стран АТР. Таким образом, в советский период из-за сложных политических взаимоотношений с Китаем международный туризм в Приморском крае на китайском направлении практически отсутствовал.

Новый этап соседских туристских взаимоотношений начинается с 1 января 1992 г., когда в условиях либерализации российского общества Владивосток был открыт для посещения и проживания иностранцев. Однако Приморский край и его столица были не готовы к приему иностранных туристов. Отсутствовали пункты пропуска, международные транспортные линии, инфраструктура туризма и гостеприимства (размещение, развлечения).

Развитие международного туризма шло преимущественно по линии приграничного туризма. Еще в марте 1991 г. между МИД КНР и Посольством СССР в КНР была заключена договоренность о безвизовых групповых поездках на приграничных территориях (Приморский и Хабаровский край, Амурская и Читинская области в России, в Китае – Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь) [10; 19; 22]. В мае 1993 г. вступило в силу Соглашение между правительствами двух государств "О безвизовых групповых туристских поездках граждан", которое внесло изменения в процесс организации турпоездок. Соглашение предусматривало возможность поездок туристских групп по территории другой стороны без виз, въезжая и выезжая через пограничные пункты пропуска. Основанием для въезда служили согласованные списки группы и общегражданские заграничные паспорта [10; 22].

Первым пунктом пропуска на границе с Китаем стал железнодорожный переход Пограничный–Суйфыньхэ. Упрощенный режим выезда/въезда, наличие дешевых услуг и товаров способствовали быстрому росту взаимных туристских потоков. Основной мотивацией поездок в обоих направлениях долгое время был шопинг и "челночный" бизнес. По китайским оценкам, на рубеже веков объем "народной торговли" провинции Хэйлунцзян с Россией варьировался в пределах от 500 до 750 млн. долл. [7]. В значительной степени социальная напряженность в Приморском крае в 1990-е гг. была погашена за счет насыщения вещевого и продовольственного рынков дешевыми китайскими товарами [22]. В 1990-е гг. доля железнодорожного погранперехода в туристских миграциях была подавляющей. В дальнейшем в убытках она снизилась до ок. 20% (здесь и далее все относительные туристские показатели рассчитаны авторами по данным Агентства по туризму Приморского края, статистики Ростуризма [16] и Росстата [17]), однако во въездном турпотоке высокая доля железнодорожного транспорта сохраняется – треть всех поездок.

Появились автомобильные переходы: Пограничный, Полтавка, Турий Рог, Гродеково, Марково. В последние годы после модернизации и введения электронных виз возросло значение Владивостокского аэропорта, куда прибывают туристы из центральных и южных районов Китая. Морские портовые пункты для туристских контактов с Китаем существенного значения не имеют.

Выездной туризм. В рекреационном отношении Северо-Восточные провинции Китая не обладают выдающимися природными и культурно-историческими ресурсами. Однако на протяжении уже 30 лет благодаря грамотному использованию преимуществ приграничного положения они успешно развивают иностранный туризм и формируют международные турпотоки в своем направлении. Бесспорное лидерство в этом процессе сохраняет провинция Хэйлунцзян, имеющая самую протяжённую границу с Россией и наибольшее количество переходов (28 на российском Дальнем Востоке). По данным китайской стороны, во второй половине 1990-х гг. поток туристов в Хэйлунцзян и доходы от туризма увеличивались ежегодно на треть, что превышало средние темпы роста в КНР и аналогичные показатели для Пекина и Шанхая. В 2000 г. чистая прибыль от туризма составила 4,2% ВРП провинции, что также превышало среднекитайский показатель. В 2000 г. 77% иностранных туристов провинции Хэйлунцзян составляли россияне [8].

Провинция Цзилинь, имеющая один переход, уступала по всем туристским показателям. В начале 2000-х гг. доля провинции в выездном туризме Приморского края (по наземным пунктам пропуска) составляла от 2,1% до 10,8%. Развитие туристской инфраструктуры в г. Хунчунь и других центрах провинции, а также обустройство российского погранперехода и автодороги Владивосток–Краскино (хотя качественно сильно уступающим китайской стороне) позволили значительно увеличить туристский поток – ныне это 1/3 убытий из Приморья в Китай. В турпотоке провинции доля россиян также выросла и к 2012 г. составила около 32% [15].

Подписание договоров между Приморским краем и китайскими провинциями о туристском приграничном обмене сделало китайское направление для жителей нашего региона ведущим. Уже в 1993 г. доля Китая в выездном потоке из Приморья составила 67,4%, с 1999 г. по 2010 г. ее значение не опускалось ниже 90%, достигнув максимума в 2001 г. – 97,4% [13]. Со временем активная туристская политика Южной Кореи в отношении российских тури-

стов и диверсификация приморского турпотока по дестинациям, привели к снижению доли китайского направления до 74% (до пандемии COVID-19).

Приграничное положение способствовало очень высокой доле региона в общероссийском туристском потоке в КНР. При этом преимущества рекреационно-географического положения особенно сильно проявились на начальном этапе туристского взаимодействия между РФ и КНР. Доля Приморского края в общероссийском туристском потоке в Китай в 1994–95 гг. составляла 51% [13]. Высокая пропускная способность железнодорожного перехода, появление вскоре нескольких автомобильных переходов обусловили активное туристское пересечение границы не только жителями Приморья и Дальнего Востока, но и туристами из западных районов России. Несмотря на появление многочисленных речных переходов, развитие воздушного сообщения с Китаем в других субъектах Дальнего Востока и центра России, доля Приморского края остается очень высокой, составляя примерно треть российского турпотока в Китай (32,1% в 2019 г., минимум – в 2010 г. – 19,5%). Причинами быстрого роста выездного приграничного туризма стали дешевизна товаров и услуг на китайской стороне, упрощенный режим таможенных и пограничных формальностей и, главное, резкое падение доходов российского населения в связи с обвальным переходом от плановой экономики к рыночной. Следствием этого стало удорожание транспортных расходов, что сделало туристские поездки в европейскую часть России недоступными. Была разрушена система социального дотирования туристской сферы, что для населения СССР реализовалось через профсоюзы и искусственное ценообразование.

Выезд туристов из Приморского края всегда превышал въезд, однако динамика убытий была очень нестабильна (рис. 1). Сокращение турпотока в отдельные годы обусловлены преимущественно борьбой с "челночным" бизнесом, что проявлялось чаще всего в введении ограничений на количество груза, ввозимого туристами из Китая. Кроме того, в 1994 г. в межгосударственной торговле произошел обвал, как результат политики КНР по макрорегулированию, в ходе чего спрос на сырье и оборудование из России снизились; также был введен единый валютный курс и усилена система квотирования и лицензирования. Со стороны России было проведено повышение таможенных пошлин. Все это негативно отразилось на межрегиональных бизнес-связях и на размерах делового туризма.

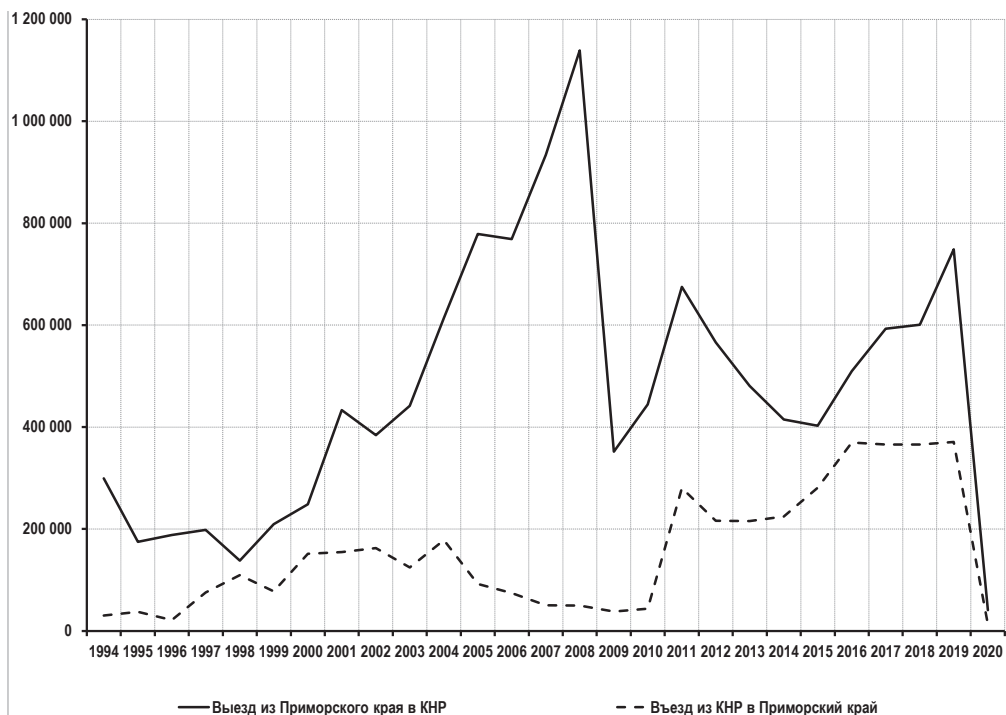
Самые низкие значения выезда (138 тыс. чел.) связаны с дефолтом 1998 г., когда инфляционные процессы и девальвация рубля сделали курс иностранных валют спекулятивно высоким, что привело к резкому удорожанию поездок и вывозимого товара. При этом внешние причины (валютный кризис в странах АТР в 1997–1999 г., теракт в США в 2011 г., эпидемии "куриного" гриппа, атипичной пневмонии, обвал доллара в 2003 г., экономические санкции против России) существенно на поездки из Приморья в Китай не сказывались [13]. Повышение уровня жизни российского населения в 2000-е гг. и стабильный курс доллара по отношению к рублю привели к быстрому росту выездного туризма, размер которого в 2008 г. впервые превысил миллионный рубеж – 1,14 млн. убытий (36% от российского турпотока в КНР). Мировой валютный экономический кризис 2009 г. обрушил выезд более чем в 3 раза. Хотя в дальнейшем выездной поток восстановился, прежних отметок не достиг.

Въездной туризм. В 1990-х гг. в КНР впервые официально были разрешены поездки для широкого круга граждан с целью отдыха. Однако география направлений для таких поездок была ограничена перечнем стран, заключившими с КНР соответствующие соглашения; Россия подобного соглашения не имела. Туризм между РФ и КНР продолжал развиваться в рамках действующих договоренностей о развитии приграничного туризма [8].

Основной целью въезда китайцев в Приморье первоначально было приобретение товаров. Насыщение китайского рынка дешевыми товарами собственного производства изменило цели поездок: китайцы стали приезжать в Приморье для продажи своих товаров и работы. По оценкам, доля таких "туристов" достигала 90%. Подобные цели требовали более длительных поездок. Массовым становится несвоевременное возвращение китайцев из турпоездок и нелегальная иммиграция. Поэтому стали вводиться ограничения на въезд китайцев, что приводило к нестабильности туристских прибытий из КНР. Дефолт 1998 г. сказался на росте прибытий из Поднебесной несущественно, т.к.

Рисунок 1. Динамика международных туристских поездок Приморского края по китайскому направлению
Figure 1. Dynamics of international tourist trips of Primorsky Krai to China.

Составлено авторами по данным Агентства по туризму Правительства Приморского края (ранее – Департамента по туризму Администрации Приморского края)

Compiled by the authors according to the Tourism Agency of the Primorsky Territory Government (formerly the Tourism Department of the Primorsky Territory Administration)

рост цен на китайские товары в рублях нивелировался при конвертации высоким курсом иностранных валют.

В начале XXI в. туристский поток из Китая стал более дифференцированным по целям и структуре. Организацией поездок во Владивосток занялись китайские профсоюзы. "Профсоюзные" туристы не отличались высокими доходами, основная цель этих бюджетных поездок была познавательной. Появились поездки для игры в казино (запрещено в КНР). К началу XXI в. география прибытий в Приморье из Китая существенно расширилась: значительную часть туристов стали составлять жители неприграничных провинций и крупных городов (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу) с более высокими доходами.

Затем во въездном туризме Приморья наступает кризис. В 2008 г. в край прибыло всего около 50 тыс. туристов из КНР. Доля Приморья в китайском турпотоке в Россию упала с 21,9% до 6,1%. Причина – туристская политика обеих стран. Под знаком борьбы с нелегальной иммиграцией, многие фирмы Приморья были лишены прав приглашать и принимать китайских туристов в рамках приграничного туризма по соглашению о безвизовых групповых поездках. Это привело к лоббированию интересов турфирм Москвы и Санкт-Петербурга. В это же время в КНР Россия получила статус одобренного туристского направления (Approved Destination Status – ADS), благодаря чему китайские туристы получили возможность по упрощенным визам посещать не только приграничные территории, но западные районы России. Это переориентировало турпотоки из приграничных территорий на центральные [8]. Кроме того, в КНР началась замена загранпаспортов для жителей приграничных районов и борьба с азартными играми. Все это снизило туристскую привлекательность приграничных районов.

Новый толчок в развитии въездного туризма из КНР получил в 2011 г., когда в связи с подготовкой и проведением Восточного экономического фо-

Таблица 1. Структура турпотоков между Приморским краем и Китаем в 2019–2020 гг.
Table 1. Structure of tourist flows between Primorsky Krai and China in 2019–2020

Цели поездки	Туризм					обслуживающий персонал	работа	Всего	В том числе туризм
	деловая	чистый туризм	частная	учеба	транзит				
Въезд в 2020 г., чел.	4115	6264	2204	403	3	27325	1929	42245	12988
%	9,7	14,8	5,2	1,0	0	64,7	4,6	100,0	30,7
Въезд в 2019 г., чел.	69294	251135	48420	1881	30	64933	20602	456295	370730
%	15,2	55,0	10,6	0,4	0	14,2	4,5	100,0	81,2
Выезд в 2020 г., чел.	563	12460	27974	0		83006	14	104017	40997
%	0,5	12,0	26,9	0	0	79,8	0,01	100,0	39,4
Выезд в 2019 г., чел.	10013	292775	445555	131		86040	1691	836205	749474
%	1,2	35,0	53,3	0,02	0	10,3	0,2	100,0	89,6

Составлено авторами по данным Агентства по туризму Правительства Приморского края.

Compiled by the authors according to the Tourism Agency of the Primorsky Territory Government.

рума была значительно улучшена городская инфраструктура Владивостока. Возведение нового аэропорта, мостов через б. Золотой Рог и пр. Босфор Восточный, гостиниц, океанариума, театра оперы и балета, университетского кампуса, улучшение дорожной инфраструктуры повысило привлекательность города. Особую роль имело открытие в пригороде Владивостока интегрированного развлекательного комплекса "Приморье" с самым крупным в России казино Tigre de Cristal. С 2010 г. по 2019 г. количество туристских прибытий выросло в 8,5 раз (с 43,7 тыс. до 370,7 тыс. прибытий).

Доля Китая в приморском въездном туризме в 1990-е – начале 2000-х гг. также была высока, достигнув максимума (94,4%) в год российского дефолта (1998 г.). В 2005 г. это значение упало до 65,4%, в дальнейшем удельный вес Китая в въездном турпотоке Приморья был немногим выше 70%. Но в 2018–2020 гг. шло неуклонное сокращение доли китайского турпотока (2018 г. – 56,1%, 2019 – 48,6%) на фоне роста доли туристов из Республики Корея.

В 2020–2021 гг. ситуацию определила пандемия COVID-19. В отношении туристских миграций Китай проводит очень жесткую политику. В итоге КНР в структуре туристских прибытий Приморского края впервые занимает второе место, уступив Республике Корея (22,3 тыс. чел., 50% турпотока). Туристские прибытия из КНР составили всего 13 тыс., что в 28,5 раз меньше, чем в 2019 г. при сокращении общего потока в 11 раз (табл. 1). Максимальное снижение потока (40 раз) коснулось "чистого туризма" – организованных групп китайских туристов. В меньшей степени сократился выездной туристский поток – соответственно в 18 и 23,5 раза.

Судя по относительно благополучному 2019 г., 55% китайских туристов прибывает в Приморье в составе туристских групп. При этом в целом для китайского рынка выездного туризма эта категория путешественников невелика и имеет тенденцию к сокращению. Доля частных поездок в Приморье составляет 10,6%; в целом по выездному туризму Китая – более 40% [14]. Согласно исследованию туристского рынка крупных городов КНР, 2/3 китайцев планируют самостоятельные зарубежные путешествия [23]. Это свидетельствует о высоком потенциале сектора индивидуальных (не групповых) поездок из Китая. Можно заключить, что в Приморье приезжают преимущественно китайцы с небогатым туристским опытом, предпочтя организованный туризм

самостоятельной поездке. Турпоток из Приморья в КНР – доля групповых туристов 35%, индивидуальных 53% (табл. 1).

Развитие российско-китайского сотрудничества в области туризма в Приморье не лишено ряда проблем. Наиболее выраженной является асимметрия потоков: туристский выезд из Приморья в Китай всегда существенно превышал аналогичный поток из КНР. Это выглядит довольно противоречиво, учитывая, что численность населения китайских провинций, а следовательно, и рынок потребителей туристских услуг существенно превышают российский. Кроме того, Китай с 2012 г. является абсолютным лидером по туристским убыткам (154,5 млн) и расходам на туризм (255 млрд долл.), генерируя в 2019 г. 10,6% мирового туристского потока и 17,2% туристских расходов [14]. Длительное время асимметрия потоков была связана с разницей курсов валют и тем, что расходы на туристские поездки из регионов Дальнего Востока в Китай меньше, чем на курортное лечение и отдых внутри России. Более короткие расстояния поездок, сравнительно невысокие расходы и выгодные покупки делали Китай предпочтительным для населения азиатской части России.

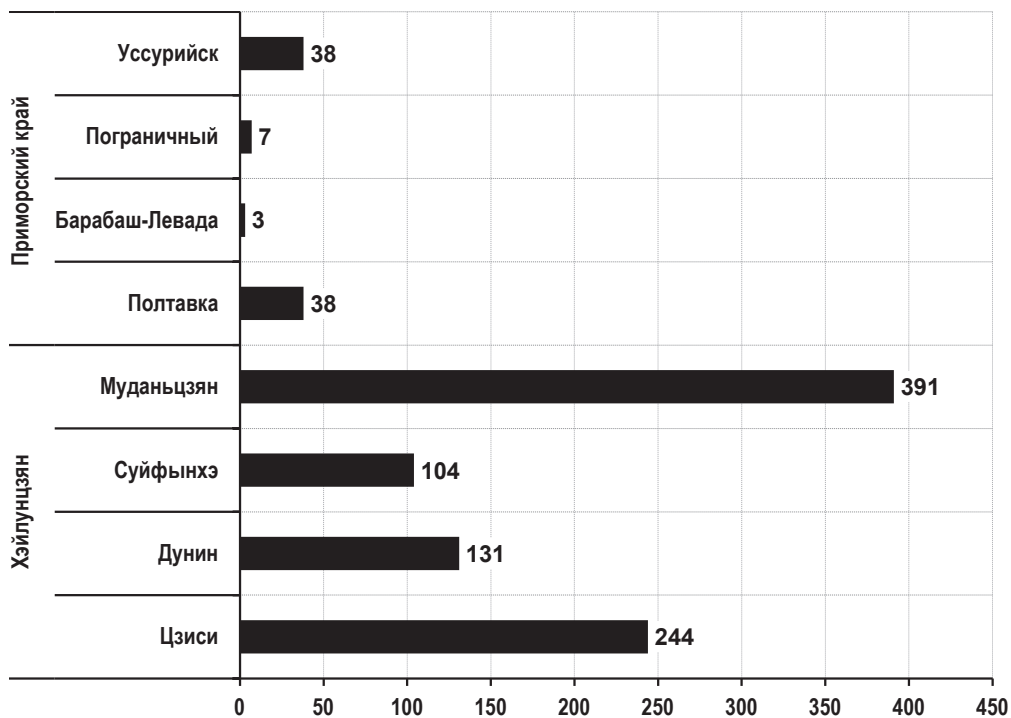
В 2008 г. в Северо-Восточном Китае темпы роста доходов от туризма превысили средние по стране. Доходы от туризма провинций Цзилинь, Ляонин, Хэйлунцзян составили 275,5 млрд. юаней; провинции приняли 5,0 млн. чел., доход достиг 2,61 млрд. юаней. По сравнению с 2004 г. значения данных показателей увеличились на 174%, 136%, 160% соответственно [4]. Как отмечала китайская сторона, развитие туризма в стране вступило в фазу более глубокого освоения туристских ресурсов [4].

Изменение валютного курса в сторону резкого снижения рубля в 2014 г. сделало Россию куда более привлекательным направлением, чем прежде. Китайский въездной поток в Приморье снова начал расти, однако он по-прежнему не соответствует туристскому потенциалу территории. Одной из проблем остается недостаточное развитие как общей, так и специальной туристской инфраструктуры края: отсутствие современных пограничных переходов, скоростных трасс от границы до населенных пунктов, оборудованных точек показа, турцентров и др. объектов туристской инфраструктуры на пути следования туристов. Недостаточно или слабо развиты номерной фонд в городах, международное и внутрирегиональное авиасообщение, практически отсутствует сеть водного транспорта и т.д. Данная проблема типична для российских регионов, что не раз отмечалось и в правительственных документах [1, 11, 12].

На этом фоне резко контрастирует уровень развития инфраструктуры китайских городов. На всем протяжении российско-китайской границы в крупные туристские трансграничные центры трансформировались города: Хэйхэ, Суйфыньхэ, Дуннин, Мишань, Фуюань, Тунцзян, Лобэй, Жаохэ, Хунчунь. Здесь получили развитие торговля, индустрия гостеприимства и досуга. В то время как приграничные города Приморского края находятся в депрессивном состоянии и используются только для транзита туристов [11]. В Китае импульс к быстрому развитию получили не только центры, связанные с пограничными переходами, но и расположенные в глубинке провинций: Цзиси, Муданьцзян, Яньцзи, Ябули, Удалянчи. С российской стороны из-за отсутствия обустроенной приграничной инфраструктуры автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска возможности увеличения въездного турпотока на китайском направлении ограничены. Так, по китайским данным, эффективность таможенного оформления и пропускная способность российского КПП "Пограничный–Суйфыньхэ" из-за устаревшего оборудования и инфраструктуры крайне низка. Пункт пропуска "Краскино", где за 8 часов могут быть оформлены около 2 тыс. человек, сильно уступает китайскому пункту "Хунчунь", пропускная способность которого составляет 10 тыс. человек за 8 часов и 600 тыс. т товаров за год [12]. Такие населенные пункты в Приморье, как Уссурийск, Пограничный, Полтавка, Барабаш не имеют своих аэропортов, в то время как в Муданьцзяне, Цзиси и Суйфыньхэ они есть. В китайских городах хорошо развито железнодорожное сообщение. Китай сохраняет лидерство по количеству и качеству средств размещения [6] (рис. 2).

Отставание в инфраструктуре, приводит к тому, что при наличии богатых ресурсов Приморье отличает скромный спектр туристского предложения. Туризм в Приморском крае характеризуется высокой моноцентрично-

Рисунок 2. Количество средств размещения в приграничных населённых пунктах Хэйлунцзяна и Приморского края
 Figure 2. The number of accommodation facilities in the border settlements of Heilongjiang and Primorsky Krai.

Составлено авторами по [6].

Compiled by the authors according to [6].

стью: подавляющая часть туристов направляется во Владивосток. Туризм в приграничном Китае, напротив, полицентричен и диверсифицирован. Он представлен однодневными и многодневными программами экскурсионных, образовательных, лечебных, спортивных, природных и экологических туров, полным спектром туристских услуг – от торговли и шоппинга до высокотехнологичных курортных и лечебных услуг [5]. На территории Приморья большая часть китайских путешественников предпочитают шоппинг или деловой туризм. Туристы, планирующие посещение культурно-исторических и природных достопримечательностей, предпочитают поездки в Москву, Санкт-Петербург, Сочи, другие города западной части России, а также на Байкал.

Китайское правительство продолжает прилагать усилия по привлечению туристских потоков на свою территорию. Повышается узнаваемость брендов зимнего, приграничного, степного и лесного экологического туризма, быстро развиваются "красный", промышленный и сельскохозяйственный виды туризма [4]. С 2016 г. в провинции Хэйлунцзян введена процедура возврата налогов с покупок иностранных граждан (11%) при выезде из КНР [11]. В августе 2019 г. была создана Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли, основной целью которой является формирование центра регионального сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией. Медицинский туризм, особенно в провинции Хэйлунцзян, рассматривается как основное направление для туристов из России. Народная больница г. Суйфынхэ стала одной из первых в Китае начавших экспорт услуг китайской традиционной медицины. Предполагается расширить ассортимент услуг: медицинская помощь, обучение и подготовка персонала, научные исследования [12, 21]. Китай стремится развивать автомобильный туризм, в том числе джипинг. В 2015 г. в Суйфынхэ был официально запущен автомобильный "Китайско-российский транснациональный самостоятельный тур" [21].

Рост турпотоков с китайской стороны в Приморье в значительной степени обеспечивается деловыми интересами, повышением инвестиционной привлекательности Приморского края (на долю Китая приходится 80% всех иностранных инвестиций на Дальнем Востоке [12]), ростом числа международных мероприятий (Тихоокеанский туристский форум, Восточный экономический форум и др.), интересом к игорному туризму. Упрощение визового оформления (электронная виза) сделало деловые поездки китайских бизнесменов в Приморский край РФ более привлекательными. Следует отметить скромную роль Приморья в транзитных международных поездках. Исключение – туристские поездки южнокорейцев на священную г. Пэктусан (кит. Байтоушань) в национальном парке Чанбайшань (пров. Цзилинь) популярные в 1990-е – начале 2000 гг.

Острой проблемой остаётся низкая финансовая эффективность китайского группового въездного потока. Китайский турбизнес везде, где это возможно, стремится создать полный цикл обслуживания соотечественников и замкнуть его на себя, что стало проще делать в эпоху развития электронных платежей. Поэтому основными получателями выгоды с российской стороны становятся транспортные компании (в основном авиаперевозчики и РЖД) и частично предприятия розничной торговли. Существенная часть китайского туристского потока продолжает обслуживаться теневым сектором, значительную часть прибыли получают китайские предприниматели, контролирующие гостиницы, рестораны, автобусные перевозки и сувенирные магазины [19]. Низкое качество оказываемых услуг в рамках таких туров снижает мотивацию китайских туристов к повторному отдыху в России и Приморье. Нелегальные китайские гиды нередко дают о России недостоверные сведения, в то время как российские гиды повсеместно отстраняются от работы с китайскими туристами. С 1 января 2022 г. ситуация должна измениться в связи с внесением изменений в ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации", где обозначено правовое регулирование деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников [2]. Отметим, что в Китае в соответствии с Законом КНР "О туризме" гидом-переводчиком может работать только гражданин КНР, а туристские группы от 15 человек не имеют права передвигаться по территории КНР без местного сопровождающего [12].

Вывод. За 30 лет существования международный туризм в Приморском крае прошел сложный путь от "полустихийного" в период зарождения до "цивилизационных" и правовых форм на современном этапе. По объемам туристских потоков Приморье занимает одно из лидирующих мест в России. В то же время сохраняется отставание в развитии индустрии гостеприимства, как в сравнении с регионами центральной России, так и соседними территориями Китая. При хорошей обеспеченности рекреационными ресурсами для Приморья характерна асимметрия туристских потоков: превышение выездного потока над въездным международным туризмом. Интенсивное развитие туристской инфраструктуры на юге Приморского края в последнее десятилетие, а также планы по ее дальнейшей модернизации, формируют условия для сбалансированного развития международного туризма в регионе, что выражается в сближении размеров выездного и въездного турпотоков. Значительное негативное воздействие на развитие международного туризма оказала пандемия COVID-19. Преодоление ограничений, вызванных пандемией, откроет новый этап в развитии международного туризма Приморского края.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации "Развитие культуры и туризма на 2012–2020 гг." (утверждена Правительством РФ от 27.12.2012 № 2567-р). [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70291902/> (дата обращения: 05.01.2022).
2. Федеральный закон от 20.04.2021 N 93-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников". [Электронный ресурс]. URL: <https://ipbd.ru/doc/0001202104200044/> (дата обращения: 05.01.2022).
3. Андреева М.И. Из истории туризма Владивостока: середина XIX в. – конец XX в. // Записки ОИАК. Т. 46. Туризм в Приморском крае и сопредельных территориях. 2020. С. 6–17.
4. Вэнь Ли. Китайско-российское сотрудничество в области туризма // Россия в АТР. 2011. № 3. С. 151–158.
5. Долгалёва Л.М., Гатаулина С.М. Перспективы развития приграничного туризма между провинцией Хэйлуцзян (КНР) и Приморским краем (Россия) // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия. Вып. 22. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 24–31.
6. Долгалёва Л.М., Шумакова Е.В., Лю М.С. К вопросу об устойчивости в трансграничном туризме (на примере провинции Хэйлуцзян (КНР) и Приморья (Россия) // Сервис в России и за рубежом. 2019. № 4(86). С. 30–41.
7. Ларин В.Л. Межрегиональные отношения России и Китая в начале XXI века. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке, № 3(44) 2008 С. 22–39.
8. Нечаева А.В. Пространственная дифференциация выездного туризма Китайской Народной Республики: Дисс. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. Владивосток, 2009. 184 с.
9. Нечаева А.В. Этапы развития и особенности китайского выездного туризма // Проблемы Дальнего Востока 2008. № 4. С. 120–132.
10. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1. Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / под. ред. А.П.Клемешева, Я.А.Ворожейной, И.С.Гуменюка, Федорова Г.М. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.
11. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 167 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> (дата обращения: 05.01.2022).
12. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 254 с. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/file/d/1Q35qXq5nadt2l8SeVneA1-Z_T_AdGay3/view (дата обращения: 05.01.2022).
13. Сазыкин А.М. Развитие международного туризма в Приморском крае в постсоветское время // Экономика. Сервис. Туризм. Культура (ЭСТК-2009): сборник статей. Барнаул: изд-во АлтГТУ, 2009. С. 178–181.
14. Сазыкин А.М., Широкова А.В. Тенденции развития китайского выездного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 18–31.
15. Ставров И.В. Политика по развитию туристской отрасли Северо-Восточного Китая как фактор экономического роста // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2(11). Ч.1. С. 57–64.
16. Статистика // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russtourism.ru/contents/statistika/> (дата обращения: 25.12.2021).
17. Статистика // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 25.12.2021).
18. Фисенко А.И. Хамаза Е.А. Порто-франко Владивосток: исторический опыт и современные задачи // Фундаментальные исследования. 2015. № 6 (часть 3). С. 637–642.
19. Чернов В.А. Бескультурье китайских туристов или наша неготовность их принять? // Россия и Китай: вектор развития. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2020. С. 269–272.
20. Чернов В. А. Очерки истории туризма Хабаровского края: Учебное пособие / В.А. Чернов. Хабаровск: ДВГУПС, 2019. 88 с.
21. Чжан М. Перспективы сотрудничества в области туризма между провинцией Хэйлуцзян Китая и Россией // Вестник АмГУ. 2019. № 84. С. 130–135.
22. Шлапек Е.А., Степанова С.В. Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 1. С. 130–139.
23. Market Research Report on Chinese Outbound Tourist (City) Consumption 2015-2018) // World Tourism Cities Federation (WTCF). [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wtcf.org.cn/Reaserch/WTCFReports/2018091315941.html> (дата обращения: 05.06.2021).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federatsii "Razvitie kul'tury i turizma na 2012–2020 gg." (utverzhdena Pravitel'stvom RF ot 27.12.2012 № 2567-r). [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/70291902/> (data obrashheniya: 05.01.2022).
2. Federal'nyj zakon ot 20.04.2021 N 93-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob osnovakh turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federatsii" v chasti pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti ehkskursovodov (gidov), gidov-perevodchikov i instruktorov-provodnikov". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ipbd.ru/doc/0001202104200044/> (data obrashheniya: 05.01.2022)
3. Andreeva M.I. Iz istorii turizma Vladivostoka: seredina XIX v. – konets KHKH v. // Zapiski OIAK. T. 46. Turizm v Primorskom krae i sopredel'nykh territoriyakh. 2020. S. 6–17.
4. Vehn' Li. Kitajsko-rossijskoe sotrudnichestvo v oblasti turizma // Rossiya v ATR. 2011. № 3. S. 151–158.
5. Dolgalyova L.M., Gataullina S.M. Perspektivy razvitiya prigranichnogo turizma mezhdru provintsiej KHehjluntszyan (KNR) i Primorskim kraem (Rossiya) // Rossiya i Kitaj: Problemy strategicheskogo vzaimodejstviya. Vyp. 22. CHita: ZabGU, 2019. S. 24–31.
6. Dolgaleva L.M., SHumakova E.V., Lyu M.S. K voprosu ob ustojchivosti v transgranichnom turizme (na primere provintsii KHajlutszyan (KNR) i Primor'ya (Rossiya) // Servis v Rossii i za rubezhom. 2019. № 4(86). S. 30–41.
7. Larin V.L. Mezhtregional'nye otnosheniya Rossii i Kitaya v nachale XXI veka. // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke, № 3(44) 2008 S. 22–39.
8. Nechaeva A.V. Prostranstvennaya differentsiatsiya vyezdnogo turizma Kitajskoj Narodnoj Respubliki: Diss. ... kand. geogr. nauk : 25.00.24. Vladivostok, 2009. 184 s.
9. Nechaeva A.V. EHtapy razvitiya i osobennosti kitajskogo vyezdnogo turizma // Problemy Dal'nego Vostoka 2008. № 4 . S. 120–132.
10. Prigranichnoe sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoj granitsy Rossii. CHast' 1. Regiony Dal'nego Vostoka, Sibiri, Urala i Povolzh'ya: monografiya / pod. red. A.P.Klemesheva, YA.A Vorozheinoj., I.S. Gumenyuka, Fedorova G.M. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2021. 213 s.
11. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2017: doklad № 33/2017 / [S.G. Luzyanin (ruk.) i dr.; KH. CHzhao (ruk.) i dr.]; [gl. red. I.S. Ivanov]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: NP RSMD, 2017. 167 s. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> (data obrashheniya: 05.01.2022).
12. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2020: doklad № 58/2020 / [S.G. Luzyanin (ruk.) i dr.; KH. CHzhao (ruk.) i dr.]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: NP RSMD, 2020. 254 s. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://drive.google.com/file/d/1Q35qXq5nadt2l8SeVneA1-Z_T_AdGay3/view (data obrashheniya: 05.01.2022).
13. Sazykin A.M. Razvitie mezhdunarodnogo turizma v Primorskom krae v postsovetskoe vremya // EHkonomika. Servis. Turizm. Kul'tura (EHSTK-2009): sbornik statej. Barnaul: izd-vo AltGTU, 2009. S. 178–181.
14. Sazykin A.M., SHirokova A.V. Tendentsii razvitiya kitajskogo vyezdnogo turizma // Servis v Rossii i za rubezhom. 2021. № 4. S.18–31.
15. Stavrov I.V. Politika po razvitiyu turistskoj otrasli Severo-Vostochnogo Kitaya kak faktor ehknomicheskogo rosta // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2013. № 2(11). CH.1. S. 57–64.
16. Statistika // Federal'noe agentstvo po turizmu [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.russia-tourism.ru/contents/statistika/> (data obrashheniya: 25.12.2021).
17. Statistika // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [EHlektronnyj resurs]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (data obrashheniya: 25.12.2021).
18. Fisenko A.I. KHamaza E.A. Porto-franko Vladivostok: istoricheskij opyt i sovremennye zadachi // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 6 (chast' 3). S. 637–642.
19. CHernov V.A. Beskul'tur'e kitajskikh turistov ili nasha negotovnost' ikh prinyat'? // Rossiya i Kitaj: vektor razvitiya. Blagoveshensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 269–272.
20. CHernov V. A. Ocherki istorii turizma KHabarovskogo kraja: Uchebnoe posobie / V.A. CHernov. KHabarovsk: DVGUPS, 2019. 88 c.
21. CHzhan M. Perspektivy sotrudnichestva v oblasti turizma mezhdru provintsiej KHehjluntszyan Kitaya i Rossiej // Vestnik AmGU. 2019. № 84. S. 130–135.
22. SHlapeko E.A., Stepanova S.V. Razvitie prigranichnoj torgovli v Rossii: obshhie tendentsii i osobennosti // Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 23. № 1. S. 130–139.
23. Market Research Report on Chinese Outbound Tourist (City) Consumption 2015-2018 // World Tourism Cities Federation (WTCF). [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://en.wtcf.org.cn/Reaserch/WTCF-Reports/2018091315941.html> (data obrashheniya: 05.06.2021).

Информация об авторах

Андрей Михайлович Сазыкин, канд. геогр. наук, доцент департамента наук о Земле Дальневосточного федерального университета, e-mail: sazykin.am@dvfu.ru

Анастасия Владимировна Широкова, канд. геогр. наук, доцент департамента наук о Земле Дальневосточного федерального университета, e-mail: shirokova.av@dvfu.ru

Information about the authors

Andrei M. Sazykin, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Earth Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sazykin.am@dvfu.ru

Anastasiya V. Shirokova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Earth Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: shirokova.av@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.01.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 04.02.2021

Принята к публикации

(Accepted) 20.02.2022

Научная статья
УДК 336.018(045)
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/120-133

Региональная политика по развитию международных инвестиционных проектов в Приморском крае: условия, перспективы, инструменты

Роман Игоревич Гриванов,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, roman.grivanov@vvsu.ru
Елена Викторовна Красова,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, elena_krasova@rambler.ru
Владислав Валерьевич Врублевский,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, vrublevskivv@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает особенности региональной политики, проводимой Правительством Приморского края, в части развития международных инвестиционных проектов. Отмечается, что нормативно-правовые и институциональные условия инвестиционной деятельности за последние годы заметно улучшились, развиваются инструменты административной поддержки инвесторов и предпринимателей. Однако проектный потенциал в крае реализуется далеко не в полной мере. В качестве основного механизма, направленного на повышение инвестиционной привлекательности и снижения рисков для иностранных инвесторов, рассматривается государственно-частное партнерство.

Ключевые слова: региональная политика, Приморский край, международный инвестиционный проект, нормативно-правовые условия, институциональная структура, административная поддержка инвесторов, инструменты инвестиционной политики, государственно-частное партнерство

Для цитирования: Гриванов Р. И., Красова Е. В., Врублевский В. В. Региональная политика по развитию международных инвестиционных проектов в Приморском крае: условия, перспективы, инструменты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 120–133. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/120-133

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/120-133

Regional policy of international investment projects development in Primorsky Territory: conditions, prospects, tools

Roman I. Grivanov,
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, roman.grivanov@vvsu.ru
Elena V. Krasova,
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, elena_krasova@rambler.ru
Vladislav V. Vrublevskii,
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, vrublevskivv@gmail.com

Abstract. The article considers features of regional policy implemented by Primorsky Government in terms of international investment projects development. It has been concluded that the regulatory and institutional conditions for investment activities have been significantly improved for some recent years. Administrative tools to support investors and entrepreneurs are being developed. However, the project potential in the region is far from being fully realized. Public-private partnership is considered as a main mechanism aimed at increasing investment attractiveness and reducing risks for foreign investors.

Key words: regional policy, Primorsky Region, international investment project, regulatory environment, institutional structure, administrative support for investors, investment policy instruments, public-private partnership

For citation: Grivanov R. I., Krasova E. V., Vrublevsky V. V. Regional policy of international investment projects development in Primorsky Territory: conditions, prospects, tools // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 120–133. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/120-133

Обеспечение хозяйственной деятельности населения инвестиционными ресурсами является одной из основных задач управления территориями. Динамизм развития общественных процессов, углубление интеграционных связей между административно-хозяйственными единицами создают различные эффективные форматы инвестирования и открывают новые возможности как для инвесторов, так для тех, кто нуждается в финансировании. В этом контексте в научной литературе широко обсуждаются подходы к региональной политике и определению набора эффективных инструментов. С точки зрения как экономической эффективности, так и социальной ответственности наиболее востребованным форматом организации бизнеса сегодня является

государственно-частное партнерство. Рост предпринимательской инициативы в сочетании с решением актуальных социальных проблем территорий становится основополагающим принципом региональной политики [8; 1; 28; 26].

Одной из наиболее востребованных форм инвестирования является международный инвестиционный проект (МИП), представляющий собой разработку и поэтапную реализацию комплексного плана мероприятий по созданию нового или модернизации действующего производства за счет иностранного капитала. Преимуществом МИП для национального производителя является возможность привлечь значительные финансовые средства и выйти на мировой рынок. Однако для того, чтобы воспользоваться данным преимуществом, необходимо обеспечить как экономическую привлекательность самого проекта, так и достаточную конкурентоспособность территории, на которой будет осуществляться проект. В этом плане российские регионы находятся на острие инвестиционных интересов: с одной стороны, они могут использовать природно-географическую, сырьевую и инфраструктурную специфику своих территорий для формирования конкурентных преимуществ, с другой стороны, стремятся воспользоваться возможностями международного финансового рынка для реализации наиболее эффективных направлений развития и продвижения своей продукции на мировой рынок. Инвестиции, привлекаемые посредством МИП, существенно расширяют финансовую базу развития регионов в условиях хронического дефицита бюджетных средств и служат значимым индикатором уровня социально-экономического развития территории.

Среди других субъектов Дальневосточного федерального округа Приморский край является одним из лидеров по количеству осуществляемых инвестиционных проектов и по объему привлекаемых инвестиций. С одной стороны, это обусловлено богатыми природно-ресурсными запасами и выгодным географическим положением в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С другой стороны, активная позиция нынешнего правительства края в части улучшения инвестиционного климата и поддержки частных инвесторов способствует формированию условий для эффективных и безопасных инвестиций в независимости от их масштабов, источников, отраслевой направленности и форматов осуществления. Все это в итоге работает на прирост количества проектов, расширение перечня инвесторов, модернизацию производственной базы, рост объемов производства, создание рабочих мест, развитие экспортного потенциала и емкости внутреннего рынка региона. Так, общий объем инвестиций в основной капитал за 6 месяцев 2021 г. составил 68,7 млрд. руб., а индекс производства в регионе вырос на 33,4% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., при этом основной прирост обеспечили предприятия обрабатывающего сектора [5].

Вместе с тем объемы иностранных инвестиций имеют очень неустойчивую и непредсказуемую динамику из-за непрерывного воздействия разнонаправленных конъюнктурообразующих факторов и наличия внутренних проблем в регионе, тормозящих инвестиционный процесс. Колебания мирового спроса циклической и нециклической природы не способствуют стабильному функционированию рынка международных капиталов. Кроме того, при малейшем сомнении в выгодности или безопасности проекта инвесторы перенаправляют средства в другие объекты или территории вложения. В силу этого российские регионы среди всех источников инвестирования имеют наименьшие гарантии в привлечении частных инвестиций из-за рубежа при том, что последние требуют создания максимального режима благоприятствования и самых современных, гибких методов управления проектами. Приморье уже имеет опыт неуспешных МИП, который до сих пор изучается на предмет выяснения причин их провалов [3]. Несмотря на лидерство по общему количеству реализуемых проектов, Приморье – далеко не самый капиталоемкий регион в части иностранных инвестиций: по данным за 2019 и 2020 г., на край пришлось чуть более 6% всех ПИИ, поступивших в Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Лишь 53% ПИИ реально участвует в капитале приморских предприятий, в то время как в целом по ДФО данный показатель составляет 92% (преимущественно за счет Сахалинской области) [16].

Целью настоящего исследования является рассмотрение условий, перспектив и инструментов развития МИП на территории Приморского края.

Одной из важных задач исследования выступает изучение проблем использования механизма государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций из-за рубежа.

Материалы и методы исследования

Высокая значимость указанной проблематики для развития Приморского края объясняет актуальность ее изучения в научной литературе. Среди многочисленных научных трудов можно выделить следующие основные направления исследований.

1. *Концептуальные проблемы развития международных проектов на территории российских регионов и привлечения иностранных инвестиций.* На фоне международной интеграции российское правительство и ученые рассматривают Дальний Восток как важнейшую геополитическую компоненту стратегического развития страны, предполагающую лидерство России в АТР в обеспечении азиатского рынка продуктами из дальневосточных ресурсов [23; 13; 2; 14].

2. *Улучшение условий ведения бизнеса и повышение инвестиционной привлекательности Приморского края.* Специалисты широко обсуждают недостатки администрирования, разделения полномочий, правового регулирования, репутационные риски и другие проблемы, которые объективно сокращают эффективность региональной политики и ведут к снижению потенциала развития территории в целом [9; 10].

3. *Совершенствование инструментов развития МИП в Приморском крае.* Среди наиболее многообещающих инструментов выделяют введение специальных режимов (территории опережающего развития (ТОР), Свободный порт Владивосток (СПВ)), а также механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) [4; 11].

Методологической основой статьи являются современные положения теории региональной политики и экономики, концепции устойчивого развития территорий, теории государственного управления. Исследование базируется на общих методах научного анализа, включая систематизацию, обобщение, абстрагирование, аналогию, анализ и синтез, опирается на понятийный аппарат, используемый современной наукой в контексте таких категорий, как региональная политика, региональная экономика, инвестиции, международный инвестиционный проект, эффективность и другие.

Нормативно-правовые и институциональные условия развития международных инвестиционных проектов в Приморском крае

Правительство края сосредотачивает свои усилия на создании условий, благоприятствующих привлечению прямых инвестиций из-за рубежа посредством развития нормативно-правовой базы, инвестиционной инфраструктуры и консультационной деятельности.

Среди нормативных документов, имеющих приоритетное значение для развития МИП, можно выделить следующие региональные нормативные акты [17]:

1) постановление администрации края № 668-па от 28.12.2018 г. "Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года". Стратегия является базовым документом региональной политики на долгосрочную перспективу, определяет цели, приоритеты и основные направления развития края;

2) постановление администрации края № 495-па от 23.12.2013 г. "Об утверждении Инвестиционной стратегии Приморского края на период до 2030 года". Стратегия определяет направления государственной инвестиционной политики, указывает территории, отрасли и технологии опережающего развития;

3) постановление губернатора Приморского края № 54-пг от 16.04.2013 г. "О создании Совета по привлечению инвестиций в экономику Приморского края при губернаторе Приморского края". Совет создан для обеспечения качественного и своевременного рассмотрения на правительственном уровне широкого круга вопросов, связанных с реализацией инвестиционных проектов;

4) Стандарт деятельности органов исполнительной власти Приморского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата. Стандарт за-

крепляет комплекс мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона, защиту прав инвесторов и повышение прозрачности системы поддержки предпринимателей;

5) постановление администрации края № 373-па от 8.09.2017 г. "Об утверждении порядка заключения Приморским краем специальных инвестиционных контрактов". Данный порядок регулирует отношения между инвестором и субъектом РФ по вопросам внедрения или разработки современных технологий в целях освоения серийного производства промышленной продукции в регионе;

6) постановление администрации края № 560-па от 29.08.2019 г. "Об отборе инвестиционных проектов в целях признания их приоритетными инвестиционными проектами Приморского края";

7) постановление администрации края № 437-па от 14.09.2018 г. "Об установлении значений целевых показателей критериев оценки приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов на территории Приморского края";

8) постановление администрации края № 501-па от 24.12.2013 г. "Об утверждении единого регламента сопровождения инвестиционных проектов по принципу "одного окна";

9) закон Приморского края № 354-КЗ от 10.05.2006 г. "О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Приморском крае";

10) закон Приморского края № 195-КЗ от 15.02.2008 г. "Об инновационной деятельности на территории Приморского края".

Региональная нормативно-правовая база, рассматриваемая с точки зрения поддержки МИП, соответствует целям, принципам и приоритетам российского государства по развитию ДФО, по эффективной политической и экономической интеграции России в АТР. Инвестиционная стратегия Приморского края сопряжена с целым рядом государственных программ по социально-экономическому развитию края, локализует МИП преимущественно в зонах ТОР и СПВ и предусматривает следующие основные механизмы государственной поддержки их реализации:

- развитие трансграничной инфраструктуры и повышение эффективности работы таможенных служб;
- привлечение финансирования от международных институтов;
- сфокусированное привлечение иностранных инвесторов, оказание поддержки резидентам ТОР и СПВ в режиме одного окна;
- развитие сервисов сопровождения и поддержки инвесторов на базе созданной в Приморье соответствующей институциональной структуры;
- развитие государственно-частного партнерства как механизма содействия реализации проектов.

На практике поддержку инвесторам оказывают целый ряд созданных правительством края некоммерческих структур, выполняющих широкий ряд организационных, посреднических, консультационных функций. Основными элементами такой структуры сегодня являются Инвестиционное агентство Приморского края и Корпорация развития Приморского края, базовый функционал которых представлен на *рисунке 1*.

Представленная институциональная структура сложилась сравнительно недавно путем совершенствования организации деятельности руководства края по содействию привлечения инвестиций в экономику региона из всех источников. Как видно из *рисунка 1*, отличительными чертами такой структуры являются:

- *комплексность поддержки*, т.е. сочетание прямой (непосредственной), в том числе через систему "единого окна" и косвенной (опосредованной, через элементы организационно-управленческой системы) систем поддержки инвесторов и предпринимателей;

- *высокая степень вовлеченности государства* и его административного ресурса в процесс создания благоприятных условий для инвестиций. Вовлеченность предусматривает активный диалог бизнеса и власти, участие государства в решении административных вопросов и продвижении МИП;

- *системность работы с инвесторами*, начиная от обычной разъяснительной работы до цифровизации целого ряда административных операций и процедур, традиционно требующих больших затрат времени и усилий. В част-

Рисунок 1. Институционально-функциональная структура поддержки реализации международных инвестиционных проектов в Приморском крае
 Figure 1. Institutional and functional structure of support for the implementation of international investment projects in Primorsky Krai.

Составлено авторами по данным порталов Правительства Приморского края, Инвестиционного портала Приморского края и Корпорации развития Приморского края.

Compiled by the authors according to the portals of the Government of the Primorsky Territory, the Investment Portal of the Primorsky Territory and the Primorsky Territory Development Corporation.

ности, потенциальные инвесторы могут рассчитывать на конкретную помощь в получении разрешений на строительство, регистрации прав собственности, подключении к инженерным сетям, получении поручительств по кредитам, а также на поддержку в случае нарушения прав предпринимателей. В российских бюрократических условиях ускорение и облегчение прохождения административных процедур является важным элементом системы поддержки инвесторов;

- *информативность поддержки.* В условиях расширяющегося информационного пространства потенциальным инвесторам достаточно легко получить всю необходимую информацию через Инвестиционный портал Приморского края¹, сайты Корпорации развития Приморского края² и Центра оказания услуг "Мой бизнес"³. Информационные ресурсы представлены также в социальных сетях Facebook, Instagram, Telegram-канале "Приморье для бизнеса".

Расширение институциональной поддержки позволило достичь определенных результатов в работе с инвесторами. Несмотря на сокращение деловой активности в 2020 г. в целом по миру из-за пандемии, объем привлеченных в край инвестиций удалось сохранить на уровне 2018 г. и продолжить наращивать численность резидентов СПВ и ТОР (таблица 1).

¹ URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/>.

² URL: <https://cdprim.ru/corporation>.

³ URL: <https://mb.primorsky.ru/mybusiness-center>.

Таблица 1. Некоторые показатели результативности работы с инвесторами в Приморском крае за 2018-2020 гг.

Table 1. Some performance indicators of work with investors in Primorsky Krai for 2018-2020

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 к 2018
Общий объем привлеченных в край инвестиций, млрд. руб.	2,1	2,9	2,1	100%
Доля обращений о нарушениях прав предпринимателей, поддержанных в пользу бизнеса	-	67,5%	87,0%	+ 19,5 п.п.
Количество резидентов СПВ, ед. на конец года	1072	1782	2264	2,1 раза
Количество резидентов TOP, ед. на конец года	351	471	558	1,6 раза
Место края в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата	76	55	34	+42 позиции

Источник: [18; 19].

Source: [18; 19].

За 2021 г. количество резидентов СПВ и TOP увеличилось еще на 5,5% и 19,2% соответственно, а рейтинг Приморья по условиям ведения бизнеса передвинулся с 34-го на 14-е место по России. На презентации результатов Национального рейтинга председатель Правительства Приморья В. Щербина отметила, что "мы продвинулись в вопросах строительства, подключения к электроэнергии. Приморский край – один из лучших регионов страны по лицензированию, инвестиционному порталу, поддержке бизнеса" [7]. Всё это позволяет говорить об улучшении нормативно-правовых и институциональных условий привлечения инвестиций и о в целом правильном подходе правительства края к региональной инвестиционной политике.

Перспективные международные инвестиционные проекты в Приморском крае и потенциал их реализации

К настоящему моменту в крае сложился определенный круг проектов, реализуемых либо планируемых к реализации в ближайшем будущем. Их осуществление способно внести большой вклад в ускоренное развитие Дальнего Востока России, а их потенциал во многом определит отраслевую и промышленную специфику края, уровень инфраструктурного развития дальневосточных территорий, технологический статус и, конечно, социальную привлекательность региона, обеспечивающую рост качества жизни, сокращение оттока населения и повышение его экономической и предпринимательской активности. Среди таких проектов можно выделить следующие⁴.

1. *Развитие игровой зоны "Приморье"*, входящей в состав туристического кластера в бухте Муравьиная. Реализация первого этапа проекта предполагает строительство на 263 гектарах территории 12-ти разноуровневых гостиничных комплексов с казино и центрами семейного и молодежного отдыха. На октябрь 2021 г. объем частных средств, вложенных в объекты игровой зоны, составил 75,3 млрд. руб., что является примером крупнейшего проектного финансирования туристической отрасли на Дальнем Востоке России. Главными зарубежными инвесторами выступают компании Summit Ascent Holdings Ltd. (Гонконг), Naga Corporation Ltd. (Камбоджа), потенциальным инвестором является Plgen Holdings Co. Ltd. (Республика Корея). Участие в финансировании принимают и российские компании: ЗАО "Шамбала", ООО "Даймонд Форчун" и ООО "Гейминг Групп Приморье".

2. *Строительство профессионального поля для гольфа* на территории туристического кластера в бухте Муравьиная, вблизи игровой зоны "Приморье". Данный проект предполагает создание уникальной туристско-развлека-

⁴ Информация по проектам представлена на основе анализа данных Инвестиционного портала Приморского края. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru>.

тельной инфраструктуры, включающей не только поле, но и клубный дом, гостиницу, ландшафтный парк с уникальными растениями, территории отдыха. Планируемый объем инвестиций составляет порядка 6 млрд. руб. Зарубежным инвестором проекта является южнокорейская компания "Хэчжунг Дивелоперс".

В целом в рамках формируемого туристического кластера в будущем предполагается привлекать в край до 8 млн. туристов в год. Совокупный объем инвестиций в развитие кластера может превысить 120 млрд. руб.

3. *Производство мяса, молока, овощей, бобовых и зерновых культур* на территориях опережающего развития. Так, в рамках ТОР "Михайловский" планируется создание российско-китайского агрохолдинга для выращивания риса, кукурузы и переработки сои мощностью 240 тыс. тонн в год. Зарубежной инвестиционной платформой для развития агробизнеса в Приморье выступают китайские компании Joyvio Group и Beidahuang Group. К региональному агропромышленному комплексу проявляют интерес и крупные южнокорейские компании Lotte International Co. и LH Corporation Co., а также компании из Вьетнама, Австралии и Новой Зеландии. Объем уже осуществленных инвестиций в агропромышленный комплекс Приморья в рамках ТОР составил почти 1 млрд. руб.

4. *Производство диагностических тестов нового поколения по оперативному и безопасному выявлению туберкулеза у населения.* Планируемый объем инвестиций составляет порядка 350 млн. руб., а зарубежным инвестором выступает LG Chem – крупнейшая химическая компания Республики Корея, входящая в состав LG Group.

5. *Строительство Владивостокской кольцевой автодороги* вдоль Амурского залива с мостом через пролив Босфор Восточный. ВКАД позволит разгрузить дороги города и создать оптимальную дорожную инфраструктуру. Данный крупномасштабный проект предполагается реализовать с инвестиционной и технологической поддержкой крупной китайской компании China Railway Construction Corporation.

6. *Создание интеллектуальной парковки в Матросском сквере г. Владивостока.* "Умная" парковка с использованием искусственного интеллекта может распознавать номерные знаки, обеспечивает управление парковкой, контролирует доступ транспортных средств и соблюдение правил дорожного движения, а также позволяет зарезервировать место на стоянке с помощью мобильного приложения. Проект выполнен при финансовой поддержке компании КТ (Korea Telecom) – крупнейшего провайдера телекоммуникационных услуг в Республике Корея.

7. *Разработка самого крупного на Дальнем Востоке России проекта типа "умный город",* планируемого к реализации на базе судостроительного комплекса "Звезда" на территории промышленного парка "Большой Камень". Данный проект ориентирован на развитие социально-экономической инфраструктуры, создание комфортных условий для жизни и, как следствие, приток населения в городской округ Большой Камень. Общая площадь "умной" территории составляет 900 гектаров. "Умный город" разработан южнокорейской компанией LH при поддержке Министерства земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта Республики Корея специально для Правительства Приморского края за счет средств международного гранта на сумму 600 тыс. долл. Для реализации проекта на практике в настоящее время ведется поиск инвесторов.

8. *Строительство семейного центра "Аквапарадаиз" (г. Владивосток).* Создание центра предполагает возведение крытого аквапарка, отеля, торгово-развлекательной зоны, спортивного комплекса, парковой зоны с велодорожками и площадками для занятий спортом. Это первый крупномасштабный проект по созданию инфраструктуры для всесезонного отдыха в черте города Владивостока. Планируемый объем инвестиций составляет 5,1 млрд. руб. Инвестором выступает крупнейший международный гостиничный оператор – компания Accor (Франция), уже имеющая опыт реализации проектов в Приморье: первым объектом Accor стал четырехзвездочный отель Novotel Vladivostok, открытый для гостей края в мае 2021 г. и расположенный в самом центре Владивостока.

9. *Строительство Центра ядерной медицины (г. Владивосток)*. За счет создания центра планируется обеспечить потребности в диагностике и лечении онкологических заболеваний на всем Дальнем Востоке, включая соседние страны. Корпорация General Electric Healthcare является одним из поставщиков современной медицинской техники. Данный проект, реализуемый за счет средств российских инвесторов, тем не менее имеет статус значимого международного проекта, учитывая его экспортоориентированность.

10. *Модернизация и расширение портовых мощностей Владивостокского морского торгового порта*. Совершенствование системы обработки грузов будет способствовать расширению деятельности порта и росту его доходности. В качестве зарубежного инвестора рассматривается компания DP World (ОАЭ), которая до 2012 г. являлась акционером крупнейшего контейнерного терминала на Дальнем Востоке России – "Восточной стивидорной компании".

Вышеперечисленным не исчерпывается перечень региональных бизнес-инициатив, привлекательных для иностранных инвесторов. Следует отметить стремление компаний из Италии, Австрии, Германии, Индии установить долгосрочное комплексное сотрудничество с Приморьем в финансовой, торговой, транспортной сферах, а также в угольной, алмазогранительной отраслях, сельском хозяйстве. Приморская медицина, сфера услуг, включая цифровую экономику, являются инвестиционно интересными и для новых, и для традиционных партнеров края.

Следует отметить, однако, что не все рассматриваемые проекты на сегодняшний день имеют точную стоимостную оценку, установленные сроки реализации и четкий механизм финансирования. Работа по активизации частных инициатив и поиску инвесторов ведется достаточно медленно и тяжело в силу инертности многих организационных процессов. С точки зрения региональной политики есть целый ряд проблем, решение которых необходимо для развития МИП. В первую очередь речь идет об использовании механизма государственно-частного партнерства в проектах с участием иностранного капитала.

Государственно-частное партнерство как инструмент развития международных инвестиционных проектов в регионе

По мнению бизнеса, наиболее существенными факторами, сдерживающими развитие МИП в Приморском крае, являются "административные барьеры, с которыми бизнесмены теряют чувство безопасности", "низкий уровень административной комфортности", "чрезмерное административное давление со стороны таможенных органов" [9, с. 116–117; 30], "неумение бизнеса и власти эффективно взаимодействовать" [12, с. 4]. Такая "ненадежность" или "небезопасность" родом из 1990-х гг. [25] постепенно сменяется четким перечнем инфраструктурных проблем [31; 27] и конкретными направлениями их решения [24; 29]. Слабые места российского административного регулирования могут быть в значительной степени устранены посредством механизма государственно-частного партнерства (ГЧП) – одного из наиболее популярных во всем мире инструментов взаимодействия власти и бизнеса, который подразумевает привлечение частных инвестиций в государственную зону ответственности. ГЧП позволяет объединить инвестиции и распределить риски в соответствии с потенциалом каждой из сторон. При этом реализация проектов на основе ГЧП, как правило, направлена на достижение какого-либо очень значимого для экономики и общества результата.

Безусловно, административные барьеры характерны не только для Приморья как региона, привлекающего инвестиции, но и для всей страны в целом. Однако именно Приморский край на протяжении многих лет фигурировал как наиболее отстающий регион по уровню эффективности взаимодействия государства и бизнеса. В 2015–2016 гг. край занимал 74-е место среди всех субъектов Федерации по уровню развития ГЧП, в то время как Дальневосточный федеральный округ находился на втором месте по количеству проектов ГЧП, а соседний с Приморским Хабаровский край стал лидером в округе по темпам роста реализации проектов ГЧП. К сожалению, несмотря на развитие нормативной базы, совершенствование институциональной структуры и

Таблица 2. Место Приморского края в национальном рейтинге по уровню развития государственного-частного партнерства, 2016–2020 гг.
Table 2. Place of Primorsky Krai in the national ranking in terms of the level of development of public-private partnership, 2016–2020

Год	2016	2017	2018	2019	2020
Приморский край	74	52	47	53	64
Для сравнения: Хабаровский край	21	16	11	32	17

Источник: [20; 21].

Source: [20; 21].

улучшение условий ведения бизнеса, к 2021 г. край так и не смог существенно продвинуться вперед в части применения механизма ГЧП (таблица 2).

Как отмечали составители рейтинга в 2017 г., Приморье имело хорошую обеспеченность специалистами в области ГЧП и доступность перечня объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений. В то же время фиксировалось отсутствие межведомственного органа, ответственного за рассмотрение инициируемых проектов ГЧП, и недостаточный учет ГЧП при планировании развития региона [21]. В настоящее время уполномоченным органом, ответственным за поддержку проектов ГЧП, является Инвестиционное агентство Приморского края, которое осуществляет масштабное информирование инвесторов о преимуществах механизма ГЧП. Со стороны регионального правительства действуют различные формы поддержки частных инвесторов и концессионеров, в частности, инвестиционные налоговые вычеты, предоставление государственных гарантий и субсидий, предоставление земельных участков в аренду на льготных условиях и другие. Инвесторы получают поддержку и со стороны специальных режимов – СПВ и ТОРов, например, налоговые, административные, таможенные преференции, а также комфортный на сегодняшний день минимальный размер инвестиций (500 тыс. рублей). Однако состояние нормативно-институциональной среды края в области ГЧП всё ещё рассматривается как слабое.

Согласно перечню проектов, реализуемых на территории Приморского края на принципах ГЧП, на начало 2022 г. в крае реализуется 19 проектов. В перечне планируемых к реализации проектов (в отношении объектов, по которым планировалось в 2021 г. заключить соответствующие соглашения) фигурирует 124 объекта. Почти 70% общего числа объектов в данных проектах – это объекты в сфере жилищно-коммунального хозяйства и 29% – в сфере образования, культуры, спорта и здравоохранения [19].

С позиций международных инвесторов проекты в области социального развития и снабжения за редким исключением не являются привлекательными, поскольку не приносят ощутимой прибыли при существенных затратах. Для Приморья в рамках активизации работы по внедрению механизмов ГЧП целесообразным является усиление международной инвестиционной составляющей этой работы в таких отраслях, как транспорт, дорожное строительство, портовая инфраструктура, здравоохранение, обрабатывающие производства, образование, отдых и т.д.

В настоящее время в крае нет реализуемых проектов на принципах ГЧП с участием иностранных партнеров. Одни специалисты связывают это с недостаточной конкурентоспособностью российского Дальнего Востока [10], другие – с ослаблением конкурентных преимуществ самих иностранных инвесторов, которых вытесняют крупные российские компании [6]. Рассматриваются возможности частных концессионных инициатив из Республики Корея, Японии и Китая. Например, строительство современного завода по утилизации мусора при участии иностранных компаний WELLE Environmental Group из Китая и EUWELLE GmbH из Германии с объемом предполагаемых инвестиций в размере 12 млрд. руб., а также идеи по созданию реабилитационного центра

Таблица 3. Параметры реализации проекта строительства Владивостокской кольцевой автодороги, с участием иностранного капитала
Table 3. Parameters of the implementation of the Vladivostok ring road construction project, with the participation of foreign capital

Параметр	Характеристика
Формат реализации	Концессия
Срок концессии	29 лет, в том числе 4 года – инвестиционный период
Концедент	Правительство Приморского края
Инвестор	China Railway Construction Corporation (CRCC), Китай
Платежный механизм	Комбинированный: сочетание бюджетных платежей в виде капитального гранта на финансирование строительства с операционным платежом. Сбор платы с пользователей (тарифная выручка) поступает в распоряжение концедента
Общий объем инвестиций (без НДС, в ценах соответствующих лет)	93,2 млрд. руб.
Объем капитальных затрат (без НДС, в ценах соответствующих лет)	85,36 млрд. руб.
Доля бюджетного финансирования (капитального гранта)	80% (федеральная и региональная части 50% и 30% соответственно)
Доля внебюджетного финансирования (инвестора)	20%
Расчетный индекс рентабельности инвестиций	1,17
Оценочный срок окупаемости (дисконтированный)	17,1 лет

Источники: [15; 19].

Sources: [15; 19].

в Приморье, обустройству парковок, строительству медицинского центра во Владивостоке и некоторые другие.

Наиболее многообещающим в этом направлении является проект строительства Владивостокской кольцевой автодороги, входящий в "Национальный перечень перспективных проектов 2021 года" и реализуемый в рамках Государственной программы "Развитие транспортного комплекса Приморского края" на 2020–2027 годы. Согласно замыслу, четырехполосная ВКАД соединит Владивосток с островом Русский и закольцует движение вокруг центральной части города. Дорога общей длиной 18,2 км пройдет вдоль Амурского залива, при этом, предусматривается сооружение двух мостов: через Морской канал и через пролив Босфор Восточный [15; 22]. Основные параметры проекта отражены в *таблице 3*.

На сегодняшний день Россия имеет достаточный опыт реализации транспортных проектов, аналогичных строительству ВКАД, посредством механизма ГЧП: всего осуществляется 192 проекта, из них 56% - на основе концессионных соглашений. При этом, 63% общего числа проектов и 53% задействованных инвестиций реализуются именно в регионах [15]. Привлекательность выбранного платежного механизма строительства ВКАД для инвестора заключается, прежде всего, в гарантии возврата инвестиций, а для государства – в снижении финансовой нагрузки на бюджет, учитывая масштабность затрат. Согласно оценкам экспертов, совершенствование транспортного сообщения во Владивостоке и повышение транспортной доступности острова Русский за счет ВКАД приведет к комплексному освоению территории городского округа, что позволит создать порядка 7 тысяч новых рабочих мест и нарастить туристский поток до 1,2 млн. посещений острова в год [19].

Принимая во внимание активное содействие проекту со стороны Правительства Приморского края, можно предположить, что строительство ВКАД – дело ближайшего будущего, поскольку на текущий момент компания-ин-

вестор CRCC уже закончила подготовку концессионного соглашения о строительстве первой очереди Владивостокской кольцевой автодороги. Следует отметить, что ВКАД – это первая частная концессионная инициатива КНР в сфере инфраструктурных проектов в России. CRCC является третьей крупнейшей строительной компанией Китая, осуществляющей проекты по строительству железных, автомобильных дорог, мостов, созданию комплексной транспортной инфраструктуры. Компания имеет большой опыт реализации инвестиционных проектов по всему миру, начиная от прединвестиционной стадии, проектирования и строительства до эксплуатации введенных ею объектов.

Заключение

Несмотря на неблагоприятную мировую экономическую конъюнктуру в последние годы, Приморский край объективно остается привлекательным объектом для зарубежных инвестиций. И нормативно-правовая база, и институциональная структура в регионе за последние годы претерпели существенные изменения к лучшему. Проводимые мероприятия по достижению "административного комфорта" позволяют последовательно повышать инвестиционную привлекательность края, формируя всё более благоприятные условия ведения бизнеса любого масштаба. Всё это в комплексе с теми мерами поддержки инвесторов, которые гарантированы особым статусом приморских территорий (Свободный порт Владивосток, территории опережающего развития), приводит как к активизации диалога с зарубежными инвесторами, так и к росту числа перспективных к реализации международных инвестиционных проектов.

Вместе с тем эффективность региональной политики Приморского края по развитию МИП зависит от решения целого ряда проблем. Одной из таких проблем является слабая проработка механизма государственно-частного партнерства с участием зарубежного капитала. Строительство ВКАД может стать первым значимым шагом на этом пути. Однако для устойчивого развития края и обеспечения достаточно стабильного потока частных инвестиций из-за рубежа необходимо дальнейшее совершенствование условий и инструментов, напряжение административных усилий.

Литература

1. Братющенко С.В., Селиверстов В.Е. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как институт государственно-частного партнерства и эффективной региональной и социальной политики // Регион: Экономика и Социология. 2007. № 4. С. 189–206.
2. Волынчук А.Б. Россия в Евразии: баланс геоэкономических и геополитических инструментов интеграции // Россия и АТР. 2018. № 1 (99). С. 51–64.
3. Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 31–44.
4. Гриванов Р.И., Ван Л. Международные инвестиционные проекты Свободного порта Владивосток как фактор развития региональной экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 79–82.
5. За полгода объем инвестиций в основной капитал составил в Приморье 68,7 миллиарда рублей // Инвестиционный портал Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/news/za-polgod-a-obem-investitsii-v-osnovnoi-kapital-sostavil-v-primore-68-7-milliard-rublei> (дата обращения: 08.12.2021).
6. Зуенко И. Ю., Иванов С. А., Савченко А. Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 108–109.
7. Итоги национального инвестрейтинга в Приморье // Официальный сайт Правительства Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://www.primorsky.ru/news/238851/> (дата обращения: 08.12.2021).
8. Крутиков В.К., Дорожкина Т.В., Алексеева Е.В., Кондрашова И.В. Эффективная модель инновационного развития региона: политика стимулирования предпринимательства // Modern Economy Success. 2019. № 3. С. 95–98.
9. Кутелева А.В., Сальникова П.О., Чернилевская К.Е., Шевчук Е.И. Свободный порт Владивосток: тенденции и перспективы развития // Россия и АТР. 2021. № 1 (111). С. 104–124.
10. Латкин А.П., Суржиков В.И. Оценка инвестиционного климата приграничных районов Дальнего Востока // Научное обозрение: теория и практика. 2017. № 11. С. 49–54.

11. Левченко Т.А. Развитие государственно-частного партнерства в Приморском крае: основные тенденции, факторы и перспективы // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 50–58.
12. Леонов С.Н. Особенности государственно-частного партнерства в развитии Крайнего Севера Дальнего Востока // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 5. С. 1–5.
13. Лузянин С.Г. Связанные одним поясом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 6. С. 41–59.
14. Минакир П.А., Прокапало О.М. Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 39–55.
15. Национальный перечень перспективных проектов // Сайт Ассоциации агентств инвестиций и развития [Электронный ресурс]. URL: <https://naair.ru/articles/details/id/38> (дата обращения: 09.12.2021).
16. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 81–126.
17. Региональное законодательство // Инвестиционный портал Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/guide/laws> (дата обращения: 08.12.2021).
18. Реестр резидентов свободного порта Владивосток. Корпорация развития Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения: 11.02.2022 г.).
19. Результаты за 2020 год // Инвестиционный портал Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/> (дата обращения: 09.12.2021).
20. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d22/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/rejting_regionov_po_urovnyu_razvitiya_gchp/ (дата обращения: 09.12.2021).
21. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП 2017-2018 // Сайт Национального центра государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfra.ru/digest/rating/views/> (дата обращения: 09.12.2021).
22. Строительство ВКАД и арендного жилья вошло в стратегию развития Владивостока до 2050 года // Официальный сайт Информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11861975> (дата обращения: 09.12.2021).
23. Чернышов М.М., Усманов Д.И., Юрьева А.А. Новые подходы к разработке стратегий устойчивого и сбалансированного развития регионов и макрорегионов, определению эффективности государственной региональной политики российской федерации // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 62–97.
24. Чжао Ч., Гордячкова О.В. Прямые инвестиции Китая в экономику Дальнего Востока России // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5. № 2. С. 101–109.
25. Bradshaw M.J., Lynn N.J. Resource-based development in the Russian Far East: Problems and prospects. // Geoforum. 1998. Vol. 29. No. 4. P. 375–392.
26. Buso M., Moretto M., Zormpas D. Excess returns in public-private partnerships: do governments pay too much? // Economic Modelling. 2021. Vol. 102, article 105586.
27. Ershova N. Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The case of Japanese companies. // Journal of Eurasian Studies. 2017. Vol. 8. No. 2. PP. 151–160.
28. Fuest C., Huber B. Can regional policy in a federation improve economic efficiency? // Journal of Public Economics. 2006. Vol. 90. No. 3. P. 499–511.
29. Kichanov V., Kichanova V. Problems of the Development of the Infrastructure of the Far East (Russia). // IERI Procedia. 2014. Vol. 8. P. 83–86.
30. Lee J-Y. Russian Far East Development from the Korean Perspective. // Valdai Papers. 2019. Vol. 109, P. 51.
31. Lee R. The Russian Far East: opportunities and challenges for Russia's window on the Pacific. // Orbis. 2013. Vol. 57. No. 2. P. 314–324.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bratyushhenko S.V., Seliverstov V.E. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' biznesa kak institut gosudarstvenno-chastnogo partnerstva i ehffektivnoj regional'noj i sotsial'noj politiki // Region: EHkonomika i Sotsiologiya. 2007. № 4. S. 189–206.
2. Volynchuk A.B. Rossiya v Evrazii: balans geoeconomicheskikh i geopoliticheskikh instrumentov integratsii // Rossiya i ATR. 2018. № 1 (99). S. 51–64.
3. Vorontsov N.S. Nerealizovannye proekty svobodnykh ehkonomicheskikh zon v Primor'e: istoricheskij ocherk // Rossiya i ATR. 2018. № 3 (101). S. 31–44.

4. Grivanov R.I., Van L. Mezhdunarodnye investitsionnye proekty Svobodnogo porta Vladivostok kak faktor razvitiya regional'noj ehkonomiki // *Azimut nauchnykh issledovanij: ehkonomika i upravlenie*. 2018. T. 7. № 3 (24). S. 79–82.
5. Za polgoda ob'em investitsij v osnovnoj kapital sostavil v Primor'e 68,7 milliarda rublej // *Investitsionnyj portal Primorskogo kraja* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/news/za-polgoda-obem-investitsii-v-osnovnoi-kapital-sostavil-v-primore-68-7-milliarda-rublei> (data obrashheniya: 08.12.2021).
6. Zuenko I. YU., Ivanov S. A., Savchenko A. E. Kitajskie investitsii na rossijskom Dal'nem Vostoke // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. T. 63. № 11. S. 108–109.
7. Itogi natsional'nogo investirejtinga v Primor'e // *Ofitsial'nyj sayt Pravitel'stva Primorskogo kraja* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.primorsky.ru/news/238851/> (data obrashheniya: 08.12.2021).
8. Krutikov V.K., Dorozhkina T.V., Alekseeva E.V., Kondrashova I.V. EHfektivnaya model' innovatsionnogo razvitiya regiona: politika stimulirovaniya predprinimatel'stva // *Modern Economy Success*. 2019. № 3. S. 95–98.
9. Kuteleva A.V., Sal'nikova P.O., CHernilevskaya K.E., SHEvchuk E.I. Svobodnyj port Vladivostok: tendentsii i perspektivy razvitiya // *Rossiya i ATR*. 2021. № 1 (111). S. 104–124.
10. Latkin A.P., Surzhikov V.I. Otsenka investitsionnogo klimata prigranichnykh rajonov Dal'nego Vostoka // *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika*. 2017. № 11. S. 49–54.
11. Levchenko T.A. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Primorskom krae: osnovnye tendentsii, factory i perspektivy // *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Seriya: EHkonomika. 2020. № 3. S. 50–58.
12. Leonov S.N. Osobennosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v razvitiu Krajnego Severa Dal'nego Vostoka // *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ehkonomiki i prava)*. 2012. № 5. S. 1–5.
13. Luzyanin S.G. Svyazannye odnim pojasom // *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ehkonomika, pravo*. 2016. T. 9. № 6. S. 41–59.
14. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Natsional'nye proekty na Dal'nem Vostoke: problemy i perspektivy razvitiya // *Regionalistika*. 2021. T. 8. № 1. S. 39–55.
15. Natsional'nyj perechen' perspektivnykh proektov // *Sajt Assotsiatsii agentstv investitsij i razvitiya* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://naair.ru/articles/details/id/38> (data obrashheniya: 09.12.2021).
16. Prokapalo O.M., Bardal' A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. EHkonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2020 g. // *Prostranstvennaya ehkonomika*. 2021. T. 17. № 2. S. 81–126.
17. Regional'noe zakonodatel'stvo // *Investitsionnyj portal Primorskogo kraja* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/guide/laws> (data obrashheniya: 08.12.2021).
18. Reestr rezidentov svobodnogo porta Vladivostok. Korporatsiya razvitiya Dal'nego Vostoka [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (data obrashheniya: 11.02.2022 g.).
19. Rezul'taty za 2020 god // *Investitsionnyj portal Primorskogo kraja* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/> (data obrashheniya: 09.12.2021).
20. Rejting regionov po urovnyu razvitiya GCHP // *Sajt Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federatsii* [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d22/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/rejting_regionov_po_urovnyu_razvitiya_gchp/ (data obrashheniya: 09.12.2021).
21. Rejting regionov po urovnyu razvitiya GCHP 2017-2018 // *Sajt Natsional'nogo tsentra gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://rosinfra.ru/digest/rating/views/> (data obrashheniya: 09.12.2021).
22. Stroitel'stvo VKAD i arendnogo zhil'ya voshlo v strategiyu razvitiya Vladivostoka do 2050 goda // *Ofitsial'nyj sayt Informatsionnogo agentstva TASS* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11861975> (data obrashheniya: 09.12.2021).
23. CHernyshov M.M., Usmanov D.I., YUr'eva A.A. Novye podkhody k razrabotke strategij ustojchivogo i sbalansirovannogo razvitiya regionov i makroregionov, opredeleniyu ehffektivnosti gosudarstvennoj regional'noj politiki rossijskoj federatsii // *Problemy rynochnoj ehkonomiki*. 2021. № 3. S. 62–97.
24. CHzhao CH., Gordyachkova O.V. Pryamyje investitsii Kitaya v ehkonomiku Dal'nego Vostoka Rossii // *Rossijsko-kitajskie issledovaniya*. 2021. T. 5. № 2. S. 101–109.
25. Bradshaw M.J., Lynn N.J. Resource-based development in the Russian Far East: Problems and prospects. // *Geoforum*. 1998. Vol. 29. No. 4. P. 375–392.
26. Buso M., Moretto M., Zormpas D. Excess returns in public-private partnerships: do governments pay too much? // *Economic Modelling*. 2021. Vol. 102, article 105586.
27. Ershova N. Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The case of Japanese companies. // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. No. 2. PP. 151–160.
28. Fuest C., Huber B. Can regional policy in a federation improve economic efficiency? // *Journal of Public Economics*. 2006. Vol. 90. No. 3. P. 499–511.
29. Kichanov V., Kichanov V. Problems of the Development of the Infrastructure of the Far East (Russia). // *IERI Procedia*. 2014. Vol. 8. P. 83–86.
30. Lee J-Y. Russian Far East Development from the Korean Perspective. // *Valdai Papers*. 2019. Vol. 109, P. 51.

31. Lee R. The Russian Far East: opportunities and challenges for Russia's window on the Pacific. // *Orbis*. 2013. Vol. 57. No.2. P. 314–324.

Информация об авторах

Роман Игоревич Гриванов, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: roman.grivanov@vvsu.ru

Елена Викторовна Красова, канд. экон. наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: elena_krasova@rambler.ru

Владислав Валерьевич Врублевский, магистр по направлению "Международные отношения", Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: vrublevskivv@gmail.com

Information about the authors

Roman I. Grivanov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: roman.grivanov@vvsu.ru

Elena V. Krasova, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: elena_krasova@rambler.ru

Vladislav V. Vrublevskii, Master in International Relations, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: vrublevskivv@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 14.12.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 19.02.2022

Научная статья
УДК 336.018(045)
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/134-147

Роль приграничного сотрудничества в российско-китайском стратегическом партнёрстве

Андрей Владимирович Губин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия gubin.av@dvfu.ru

Аннотация. Несмотря на многообещающие заявления о перспективах сопряжения интеграции по линии Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Пояс и путь» практическая сторона вопроса выглядит отнюдь не безукоризненно. Усилия по соразвитию Дальнего Востока России и китайских северо-восточных провинций наталкиваются на бюрократические и инфраструктурные сложности. Российское руководство принимает меры поддержки отечественного и зарубежного бизнеса на Дальнем Востоке в интересах ускоренного развития территории, а также защиты своих политических, экономических и оборонных интересов. Вместе с тем доля участия КНР в инвестиционных проектах в регионе всё ещё невысока, несмотря на существующий между нашими странами режим стратегического партнёрства. Более того, Пекин не озвучил намерений по включению Дальнего Востока России в инициативу «Пояс и путь». В этой связи для местных властей, центральных министерств и ведомств, а также коммерческих структур имеется необходимость в объективном анализе причин возникших проблем и путях совместного решения.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, инициатива "Пояс и путь", российско-китайское сотрудничество, Большое евразийское партнёрство, интеграция, соразвитие*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии"

Для цитирования: Губин А. В. Роль приграничного сотрудничества в российско-китайском стратегическом партнёрстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 134–147. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/134-147

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/134-147

Trans-border cooperation within Russia-China strategic partnership

Andrey V. Gubin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gubin.av@dvfu.ru

Abstract. Besides all the declarations on the conjugation of Russia-led Eurasian European Union integration with the Chinese Belt and Road Initiative the practical side isn't flawless so far. Joint development of the Russian Far Eastern regions and Chinese North-East provinces faced bureaucratic and infrastructure issues. Recently Russia demonstrated measures of support for national and foreign companies on the Far East aimed to assist the comprehensive development of the lagged territory and enhance its contribution into national strategic economic, defense and foreign policy plans. However China's share in regional projects is still quite low despite the regime of the strategic partnership. There are also no manifested intentions of engaging the Russian Far East in Belt and Road Initiative which would give a feasible impetus to the region. Analyzing the impediments for developing trade, economic and investment cooperation on the Far East would be helpful for local authorities, central governmental agencies as well as for business in shaping their further joint efforts.

Key words: *Russian Far East, Belt and Road Initiative; Sino-Russian cooperation; Grand Eurasian Partnership; integration; joint development*

The reported study was funded by RFBR, project number 20-511-93005 (Development of Russia-China strategic cooperation in East Asia)

For citation: Gubin A. V. Trans-border cooperation within Russia-China strategic partnership // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 134–147. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/134-147

Введение

Российский Дальний Восток (РДВ) неизменно привлекает внимание официальных лиц и экспертов в контексте сопряжения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и реализации китайской инициативы "Пояс и путь" (ИПП). Актуальность исследования значения РДВ в двустороннем взаимодействии РФ и КНР определяется, прежде всего, потенциалом региона. Среди факторов, способствующих развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, можно выделить географическую близость, накопленный опыт, а также специфику экономики региона,

отличающуюся значительными возможностями по вложению в первичный сектор (добыча и переработка сырья) и базовую инфраструктуру.

Приоритетной целью исследования является выявление ключевых проблем и разногласий, возникающих между российской и китайской сторонами в ходе реализации программ соразвития приграничных территорий в общем контексте стратегического партнёрства. Среди задач стоит выделить анализ количественной и качественной составляющих инвестиционной деятельности КНР на РДВ; определение отраслей, в которых сотрудничество идёт более успешно и в которых терпит неудачу, и выдвижение предположения о причинах затруднений; предложение ряда мер, способных улучшить ситуацию в целом, и раскрыть потенциал Дальнего Востока в частности.

Новизна представленной работы видится автором в аккумулировании существующих российских и китайских данных о торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве двух стран с учётом роли РДВ в нём. Особый акцент сделан на объединении планов развития и официальной позиции сторон с фактической стороной, которая представлена как статистикой, так и свидетельствами непосредственных участников коммерческой деятельности. Некоторая эклектика объясняется чрезвычайной разнородностью суждений и экспертных мнений, отсутствием единого информационного массива и "запутанностью" самого явления приграничного сотрудничества.

Общая оценка роли КНР в развитии российского Дальнего Востока

На пленарном заседании IV Восточного экономического форума в сентябре 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что "Китай всегда был и остаётся активным сторонником и участником развития Дальнего Востока. Мы располагаем уникальными географическими возможностями для этого, поскольку Китай и Россия являются близкими соседями" [15]. Как полагают китайские исследователи, КНР сможет перенаправить через РДВ часть трансконтинентальных транзитных потоков, в том числе используя Северный морской путь (СМП), а также сформировать устойчивую ресурсную базу в своих интересах безопасности и развития [36]. Для Пекина это представляется особенно важным в свете обострения напряженности в его отношениях с Вашингтоном, а также ухудшением обстановки в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, сопряженной с риском нарушения морских коммуникаций.

Вместе с тем, несмотря на поощрение зарубежной деловой активности в восточных районах России на федеральном уровне, в том числе за счет внедрения механизмов территории опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ), в регионах существуют некоторые опасения на этот счет. Так, в Программе развития приграничных районов Хабаровского края говорится о рисках, связанных с продвижением китайского капитала на север и северо-восток КНР в приграничные провинции [25]. Стратегия развития ЕАО содержит тезис о повышении зависимости от китайских вложений, а также угрозе агрессивной миграции и экономической политики со стороны сопредельных китайских регионов [27]. Однако комплексных исследований, которые бы подтверждали справедливость такого рода тезисов, пока не проводилось.

Более того, Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. по большей части осталась нереализованной [24]. Одной из главных причин этого можно назвать ориентацию документа преимущественно на китайские интересы, в частности добычу природных ископаемых на российской территории и их последующую переработку в КНР. Сегодня такой односторонний подход не соответствует общественным ожиданиям, формируя негативное мнение в российском обществе по вопросам сотрудничества с Китаем. Российское центральное руководство и власти приграничных регионов также стараются выработать меры по снижению зависимости от экспорта сырьевой продукции в КНР и изменения структуры товарооборота в более выгодную сторону для нашей страны. Следует учитывать и то, что, несмотря на провозглашённый Москвой и Пекином курс на стратегическое партнёрство, взаимное доверие граждан двух стран ещё не так сильно. По обе стороны границы крайне болезненно воспринимают, например, события на о. Даманский в 1969 г. В Китае встречаются

упоминания о Пекинском договоре 1860 г. как о "неравноправном". В России же помнят период враждебных отношений с КНР в 1960–1980-х гг. в разгар холодной войны. Тезис о "жёлтой угрозе" до сих пор встречается в некоторых СМИ и в общественном мнении и, вероятно, ещё влияет на умы некоторых лиц, принимающих решения. По этой причине, искоренение предрассудков, затрудняющих двустороннее сотрудничество, также является важной задачей для руководителей России и Китая.

В настоящее время базовым документом для определения направлений приграничного сотрудничества между двумя странами является Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018–2024 гг. [23]. В ней содержится описание ресурсной базы и транспортного потенциала сотрудничества, также в нём содержится перечень объектов на РДВ, рекомендованных китайским инвесторам для вложений, указаны условия предоставления льгот. Вместе с тем, по мнению ряда отечественных учёных, в программе не раскрываются конкретные механизмы реализации совместных инициатив и не содержится детальная проработка партнёрами инвестиционных проектов до уровня, позволяющего рассмотреть возможность выделения на них финансирования из бюджетных или частных источников. На их взгляд, полезным было бы доработать программу, уделив особое внимание достижению проектами банковского уровня проработки еще на стадии ТЭО и разработав прозрачные критерии бюджетной поддержки [9].

Одной из мер продвижения Дальнего Востока среди потенциальных инвесторов можно признать Восточный экономический форум (ВЭФ), который проводится во Владивостоке с 2015 г. (только в 2020 г. мероприятие не состоялось ввиду карантинных ограничений). До 2020 г. дальневосточные регионы посещало ежегодно не менее 100 делегаций из КНР различного уровня. В числе обсуждаемых вопросов наибольшее внимание уделялось вопросам модернизации приграничной инфраструктуры, развития международных транспортных коридоров, увеличения объемов интернет-торговли и взаимодействия в сельскохозяйственной отрасли.

Как представляется, концентрация на анализе причин затруднений во взаимодействии с партнёрами из КНР на Дальнем Востоке и существования слабых мест, где интересы РФ остались нереализованными, будет служить отправной точкой при строительстве "Большого Евразийского партнёрства", провозглашённого президентом В. Путиным. Данная идея является отображением незападного вектора интеграции, который может быть привлекателен для тех стран, которые стремятся снизить свою зависимость от США и Евросоюза. "Большое Евразийское партнёрство" имеет значительный потенциал соединения и с инициативой "Пояс и путь", которая реализуется Китаем в рамках философии "сообщества единой судьбы для всего человечества", озвученной председателем КПК Си Цзиньпином.

Сложности учёта китайских инвестиций на Дальнем Востоке

Одной из сложностей является учет реально поступающих средств из КНР в экономику дальневосточных регионов при их относительно небольшом объеме. Так, по данным Центрального банка России, в общем объеме прямых иностранных инвестиций в РДВ на Китай в 2019 г. приходилось до 1 % или порядка 550 млн долл.¹ Такой результат отчасти объясняется методологией расчетов, которая в этом объеме не учитывает инвестиции малого бизнеса, совместные предприятия и офшорные схемы. На последние вообще приходится основная масса капиталовложений, поступающих на Дальний Восток, что, согласно данным ЦБ РФ, выводит на первые места в качестве инвесторов Кипр, Багамские, Виргинские, Бермудские и Каймановы острова, Гонконг, Сингапур, Нидерланды. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики оперировало суммами китайских инвестиций, вложенных в РДВ, в разное время колеблящимися от 2,3 до 4,2 млрд долл. [17]. Исходя из статистики ведомства вне зависимости от реальной суммы вложений Китай нельзя

¹ Посчитано автором на основе данных статистики внешнего сектора Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 10.05.2021).

считать ведущим партнером, так как на него приходится порядка 7 % всех инвестиций в регион, включая российские [13].

В июне 2019 г. В. Путин во время государственного визита Си Цзиньпина в Россию отметил, что китайские партнеры приняли участие примерно в 30 проектах на сумму 22 млрд долл., а китайские инвестиции в проекты на РДВ составили 3,5 млрд [7]. В Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. указано, что с 2014 по 2019 г. в развитие экономики региона привлечено 34,3 млрд долл. прямых зарубежных инвестиций без подразделения по странам [19].

Заявления китайской стороны также не позволяют составить единой картины экономического присутствия КНР в экономике РДВ. По словам бывшего посла КНР в России Ли Хуэя, китайские компании были намерены вложить в Дальний Восток более 30 млрд долл., а объем их инвестиций в территории опережающего развития (ТОР) и свободный порт Владивосток (СПВ) мог превысить 3 млрд долл. [14]. Ранее, в 2016–2017 гг., представители Министерства торговли КНР оперировали суммами накопленных инвестиций в Россию от 10 до 42 млрд долл., никак не выделяя особо Дальний Восток.

В ряде случаев можно говорить об откровенных фальсификациях с китайской стороны данных об инвестициях на РДВ. В частности, по данным только городского округа Муданьцзян, местные компании создали в ЕАО, Приморском и Хабаровском краях, 13 зон торгово-экономического сотрудничества, куда вложили 918 млн долл. [37]. Достоверных сведений о характере, результате деятельности и стоимости этих объектов нет, что, по-видимому, свидетельствует о практике китайских местных властей приукрашивать масштабы сотрудничества с российскими партнерами для отчета вышестоящему руководству. Власти провинции Хэйлунцзян заявляли о создании на Дальнем Востоке России 18 "технопарков", где работают 146 предприятий [38], однако подтверждающей это информации также не существует. На Восточном экономическом форуме во Владивостоке в 2019 г. китайская компания "Чжундин" заключила соглашение с АФК "Система" о поставках коровьего молока на завод под г. Муданьцзян. Вместе с тем данное предприятие до сих пор не построено, а о реальных поставках ничего не известно.

В Стратегии развития провинции Цзилинь, представленной в декабре 2019 г., содержится описание 30 приоритетных инвестиционных проектов, реализуемых на российском Дальнем Востоке [35]. Однако, по данным российской стороны, сегодня можно говорить о том, что реально действуют не более пяти из них. При этом все они существуют в виде микропредприятий в сельском и лесном хозяйствах и испытывают проблемы с обеспечением сырьем. Большая часть запланированных намерений не была реализована, образованные компании в настоящий момент, исходя из данных ЕГРЮЛ, ликвидированы.

Стоит отметить, что манипулирование китайцами инвестиционной тематикой в ряде случаев приводит к срыву реальных проектов в силу роста в российском обществе антикитайских настроений и разворачивания массовых кампаний в СМИ и интернет-пространстве против деятельности фирм из КНР. Например, так и не состоялась запланированная в 2015 г. передача 115 или 150 тыс. га земель (по разным источникам) в Забайкальском крае в аренду на 49 лет китайской компании "Чжунцзе". Инвестпроект оценивался в 320 млн долл. и предусматривал создание масштабного лесоперерабатывающего комплекса и завода по производству целлюлозы. В 2018 г. власти Забайкальского края опровергли информацию о существовании подобного меморандума о намерениях. Также в ряде российских СМИ появилась информация о недобросовестности компании, специализирующейся на производстве швейных машинок и другого оборудования для текстильной промышленности (то есть не имевшей никакого отношения к лесопереработке), который якобы использовал данный проект для дополнительной эмиссии акций и спекуляции [2].

Широкою известность получил и сюжет с намерениями китайских инвесторов по строительству завода по бутилированию воды из озера Байкал в пос. Култук Иркутской области. В настоящее время вся подготовительная работа свернута, территория приводится в первоначальное состояние по решению суда [18].

По мнению некоторых отечественных ученых, подобная неразбериха в учете средств, поступающих в РДВ из Китая и реально реализуемых проектов говорит об отсутствии единой методологии у китайской стороны, а также её опоре на различные цифры в зависимости от конкретных политических целей [11; 28]. Также следует учитывать сокращение объема китайских инвестиций в экономике РФ в 2,5 раза с 2014 г. после введения Западом экономических санкций, что сказывается и на финансировании проектов на РДВ.

Отраслевые приоритеты китайских вложений

Согласно материалам исследований российских экспертов, китайский капитал на РДВ сконцентрирован в Приморском крае, Амурской области и ЕАО. Главным образом это средние и малые компании, работающие в сельском и лесном хозяйстве, строительстве, добыче природных ископаемых, сфере услуг и производстве морепродуктов². Проекты по строительству крупных нефтеперерабатывающих и целлюлозных заводов, обсуждавшиеся с 2016–2017 г., пока остановлены.

Присутствие инвесторов из КНР в сельском хозяйстве Дальнего Востока в последнее время сократилось, прежде всего из-за их переориентации на скупку продукции. По состоянию на 2019 г. в Приморском крае на предприятия с китайским капиталом приходилось около 5 % всех посевных площадей, вместо 25 % в 2015 г. Доминирование китайского капитала наблюдается только в ЕАО, где с учетом неформальной субаренды через российских юридических и физических лиц он контролирует до 80 % всех посевных земель, финансируя производство сои для поставки на китайский же рынок. Эксперты предполагают, что для российских производителей в ситуации монополии (наличия единственного покупателя) высок риск потерять рынок сбыта, оставшись с источенными землями [8]. Положительным примером надзорной деятельности является улучшение в последние несколько лет экологической ситуации в районе озера Ханка в Приморском крае, где китайские фермеры систематически нарушали российские правила и нормы, создавая угрозу для экологии.

В лесной отрасли ДВ сложилась ситуация, когда компании из КНР вкладывают средства преимущественно в экспорт круглого леса и его переработку уже на своей территории. В сферу лесозаготовок китайский капитал, как правило, не допускался местными предпринимателями, имеющими тесные связи с региональными властями. Именно продажа круглого леса дает наибольшую прибыль, и стимулов по глубокой переработке на российской территории для китайцев практически нет, так как они предпочитают обеспечивать работой соотечественников в приграничных районах [26].

Крупным инвестором в лесной отрасли на РДВ является компания Russian Forest Products, на которую приходится 20 % всех переданных в аренду лесных массивов региона. Компания принадлежит Российскому фонду прямых инвестиций, Китайской инвестиционной компании, а также структурам бизнесмена Романа Абрамовича. RFP поставляет главную часть своего объема производства в Китай, в основном необработанный лес (порядка 1,7 млн м³ или 10 % всего российского экспорта леса в КНР). Она представляет собой один из немногих примеров создания мощностей по глубокой переработке древесины на российской территории и выхода на другие азиатские рынки (Япония, Республика Корея) с готовой продукцией (шпон, топливные гранулы, домостроительные элементы). Вместе с тем руководство компании не исключает существенных изменений для её деятельности в связи с ожидаемым с начала 2022 г. запретом на вывоз из РФ круглого леса хвойных и ценных лиственных пород, а Р. Абрамович уже заявил о готовности продать свою долю [4]. Покупателем части компании стала японская корпорация Iida.

Ситуация в лесной отрасли Дальнего Востока неоднократно становилась предметом переговоров между Россией и Китаем. В частности, на 22 встрече глав правительств двух стран в 2017 г. Д. Медведев и Ли Кэцян обсуждали вопросы регулирования коммерческой деятельности и перспективы локализации производства. В Маньчжоули (автономный район Внутренняя

² По данным полевых исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Монголия) был создан Российско-китайский союз лесопромышленных предприятий, который занимался разработкой правил для предпринимателей по соблюдению российского законодательства и сертификации предприятий для работы в РФ, а также выработкой предложений по снижению себестоимости вырубке и обработке леса и оптимизации соответствующих технологий [5]. Вместе с тем всё ещё существует необходимость в ужесточении контроля над деятельностью предприятий лесной отрасли на территории РДВ до фиксации первых свидетельств действительно взаимовыгодного сотрудничества.

Вероятно в силу отсутствия успехов на данном направлении российские власти приняли решение о прекращении экспорта круглого леса в Китай частными предприятиями с 2022 г. и создании на Дальнем Востоке государственной компании, обладающей исключительным правом на данную деятельность. При этом он отметил, что приоритет будет отдаваться российским и "западным" инвестициям, а желание китайской стороны по отмене запретительных пошлин на поставки необработанной древесины удовлетворено не будет [21].

Присутствие китайского капитала в строительной отрасли Дальнего Востока было максимальным в 2015 г. и достигало 8 % от рынка строительных услуг, однако сейчас снижается во многом ввиду введения новых правил долевого строительства в РФ. Так, компании из КНР пока не готовы к соблюдению более жестких финансовых и юридических процедур и открытию депозитов в российских банках. Вероятно, их не устраивает "заморозка" банками средств на специальных эскроу счетах до окончания строительства или объявления компании банкротом [32]. Один из немногих современных проектов в этой сфере – жилой комплекс "Зеленый бульвар" во Владивостоке, в возведение первой очереди которого, сданной в 2021 г., гонконгская компания "Ао тон" инвестировала 1,5 млрд руб.

Незначительна китайская активность и в сфере добычи природных ресурсов. Так, проект разработки Южно-Хинганского железнамарганцевого месторождения в ЕАО осуществляется с 2006 г. Однако он до сих пор находится на начальной стадии: подготовлена проектная документация, построена подъездная дорога и начато вскрытие шахтного поля. Инвестиции официально не зарегистрированы, несмотря на утверждение ООО "Хэмэн – Дальний Восток" о вложении 1 млрд руб.

К сожалению, несмотря на более ранние радужные прогнозы, остаётся практически невостребованным китайскими инвесторами и потенциал Приморского края по развитию марикультуры – производится только 20 тыс. тонн гребешка и трепанга в год. Вместе с тем, по оценкам дальневосточных ученых, в крае возможно достичь результатов не менее 3 млн. тонн в год, что сравнимо с показателями мирового лидера – китайской провинции Шаньдун (5 млн тонн в год) [10].

Часть малого китайского бизнеса в приграничных районах РДВ представлена кафе и гостиницами (до 15% всех предприятий). В основном они ориентированы на обслуживание туристского потока из КНР и зачастую работали по схемам, позволявшим выводить финансы из-под российского контроля, например, через системы онлайн-платежей. В условиях карантинных ограничений почти все они оказались закрыты³.

Сложности в инвестиционной и торговой деятельности

Китай является лидером по объему внешней торговли для большинства районов российского Дальнего Востока. Также Россия традиционно являлась главным торговым партнёром северо-восточных китайских провинций, у остальных регионов КНР доля торговли с РФ довольно скромная, сведения о торговле с ней зачастую даже не отражаются в официальных данных. В 2018 г. сумма торговых операций между ДФО России и Китаем превысила 9,8 млрд долл. или 9 % от общей суммы товарооборота между странами. Половина этого объёма приходится на Приморский край [29]. Основу российского экспорта составляет рыба и морепродукты (40%), топливно-энергетическое сырьё (25%), древесина (15%), металлы и изделия из них (6%). Из Китая ввозились машины, оборудование и транспортные средства (43%), продовольственные товары

³ По данным Правительства Приморского края.

(22%), продукция химической промышленности (11%), текстильные изделия и обувь (6%). По итогам 2019 г. на Китай приходилось 97 % дальневосточного экспорта древесины и сои и до 80 % морепродуктов. Данная ситуация сложилась в силу оторванности дальневосточных компаний от основного российского рынка. Одновременно это стало причиной повышенной уязвимости российских производителей перед ограничительными мерами, вводимыми китайской стороной, волатильностью мировых цен и практикой картельных створов закупок. Негативный эффект, в частности, уже проявил себя на примере срыва поставок минтая и лососевых в Китай из-за введения им дополнительных требований к производству, транспортировке и хранению. По мнению представителей рыбодобывающих предприятий, таким образом китайские предприятия попытались добиться существенного снижения цены на рыбу, которую они в переработанном виде затем поставляют в Европу и США [30].

Режимы территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) пока испытывают затруднения с привлечением инвесторов из КНР. На настоящий момент в них зарегистрировано 53 предприятия с китайским капиталом из общего количества более чем в 2 500 резидентов. Основная часть приходится на микро-предприятия, а треть заявлены государственными органами КНР как проекты зарубежного инвестирования (то есть не могут получать напрямую инвестиции из Китая). Также ряд компаний, позиционирующих себя в качестве предприятий с китайским капиталом, по учредительным документам считаются российскими. Не исключено, что таким образом предприниматели из КНР скрывают свои финансовые источники и деловые схемы. Кроме того, по существующим данным, резидентами стали те компании, которые ранее работали на Дальнем Востоке, а теперь просто решили воспользоваться государственными льготами. По данным исследований Высшей школы экономики, многие резиденты СПВ на самом деле не осуществляют новые виды деятельности, а являются дополнительными юридическими лицами давно действующих фирм, указав сопутствующую специализацию для соблюдения формальных требований [16].

Заявленный объем инвестиций от китайских резидентов ТОР и СПВ по 70 проектам, по официальным российским данным, составляет 4,5 млрд долл., однако на 2020 г. запущено только семь из них на сумму всего лишь 49 млн долл. Бывший посол КНР в России Ли Хуэй в 2019 г. озвучивал, что на условиях преференциальных режимов китайские инвесторы вложили 2,7 млрд долл. в 49 проектов. Столь существенный разрыв может свидетельствовать о неготовности значительной части бизнесменов из китайских приграничных провинций вкладывать значительные средства на российской территории, а также отсутствие интереса у представителей более развитых восточных и южных районов КНР. Какие-либо однозначные выводы из этого делать пока рано ввиду небольшой продолжительности действительно реализуемых проектов, пока невысокой их прозрачности для инвесторов и склонности китайского бизнеса в период эпидемии переводить все активы на родину для получения господдержки.

Фактором, ограничивающим китайское деловое присутствие на РДВ, является желание партнеров привлекать собственную рабочую силу. Например, в 2019 г. в Приморский край треть всех рабочих из КНР была ввезена китайскими же компаниями (2 тыс. чел.). Помимо ситуации с COVID-19 увеличение квот ограничено принципиальной позицией властей дальневосточных регионов, а также ростом доходов в самой КНР. Так, Амурская область и Приморский край почти до нуля сократили лимиты на иностранцев в сельское и лесное хозяйство еще до эпидемии [22].

Усиление Пекином контроля над зарубежной деятельностью китайских государственных и частных компаний сделало инвесторов из КНР более осторожными и избирательными при выборе направлений работы, что не способствовало увеличению числа резидентов ТОР и СПВ. Российские ученые ещё в 2018 г. предполагали, что ситуация могла быть улучшена в случае отхода китайских партнеров от ориентации исключительно на собственный рынок и

выработке предложений по производству продукции, которая могла бы выйти на азиатский и мировой рынок [3, с. 15].

Транспортная составляющая приграничного сотрудничества

Китайскими партнёрами зачастую высказывается идея об использовании РДВ в качестве "моста в Европу" в рамках инициативы "Пояс и путь". Так, ещё в 2015 г. открыто движение международных контейнерных поездов по направлениям Харбин – Европа, Чанчунь – Маньчжурия – Европа и Шэньян – Маньчжурия – Европа. В настоящий момент все три маршрута транзитом идут через пункт пропуска Маньчжоули – Забайкальск по Транссибирской магистрали и далее из Москвы до Гамбурга (ФРГ). В то же время китайская станция уже серьёзно перегружена, что требует строительства дополнительных веток. Так, провинция Цзилинь планирует открыть новую линию Чанчунь – Хуньчунь/Махалино – Европа, в начале 2019 г. уже состоялись тестовые перевозки [39].

В декабре 2016 г. началось долгожданное строительство автомобильного моста Благовещенск – Хэйхэ через реку Амур, а в декабре 2019 г. открыто движение грузового и пассажирского автомобильного транспорта в обе стороны. Также строится железнодорожный мост Нижнеленинское (Еврейская автономная область) – Тунцзян (провинция Хэйлунцзян). Строительство было инициировано ещё в 2007 г. компанией "Петропавловск" для вывоза продукции Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината. Соглашение было подписано в 2013 г., через три года китайская часть была завершена, тогда как российский участок был пристыкован только в марте 2019 г. Объём перевозок по переходу должен достигать 21 млн. тонн в год, в основном железная руда и древесина в китайском направлении. Однако до сих пор работы на нашей территории не закончены, требуется создание подъездных путей, обеспечивающей инфраструктуры [9].

В декабре 2016 г. Правительство РФ утвердило Концепцию развития международных транспортных коридоров (МТК) "Приморье-1" и "Приморье-2". Первый планируется по линиям Харбин, Муданьцзян, Суйфэньхэ/Пограничный (ж.д. Гродеково) и Дуннин/Полтавка, Уссурийск, порты Владивосток/Восточный/Находка с выходом на морские маршруты. Второй коридор – Чанчунь (провинция Цзилинь), Хуньчунь/Краскино (ж.д. Махалино, Камышовая), порт Зарубино и также выход на морские маршруты. К 2030 г. по данным направлениям предполагается транспортировать до 45 млн тонн в год продовольствия и контейнерных грузов [20]. По китайским оценкам, развитие МТК является стратегическим проектом двустороннего сотрудничества на РДВ, который будет содействовать сопряжению интеграции в ЕАЭС с реализацией китайской инициативы "Пояс и путь" [23].

Вместе с тем существенную проблему представляет отсутствие современных автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска на российской стороне, несмотря на ранее принятые решения по их строительству. В частности, предполагалось, что модернизация многостороннего автомобильного пункта пропуска "Пограничный" будет произведена к 2012 г., а ПП "Краскино" – к 2016 г., однако работы всё ещё далеки от завершения. К настоящему моменту видимые успехи в строительстве отсутствуют, часть ранее построенной инфраструктуры уже начала разрушаться, а декларируемый новым ответственным ведомством – Росгранстроем срок сдачи основных объектов – 2024 г.

Также имеются сложности с запуском проекта Большого порта "Зарубино", которым ранее занималась российская компания "Сумма", испытывающая сегодня серьёзные затруднения [1]. Предложенный российскими предпринимателями альтернативный проект строительства порта в районе бухты Нерпа (пгт. Славянка, Хасанский район) пока не заинтересовал китайских инвесторов, так как никакой базовой инфраструктуры и коммуникаций в этом месте нет, строительство нужно будет вести "с нуля". Кроме того, провинции Цзилинь и Хэйлунцзян пока не могут найти инвесторов для капиталовложений в маршруты из числа местных компаний, которые не обладают достаточным объемом собственных средств и, как правило, не заинтересованы в долгосрочных вложениях. Представители деловых кругов из восточного и южного Китая, вероятно, не обладают достоверными данными о прибыльности инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры в Приморском крае. В

свою очередь, российская сторона предварительно не проработала возможности сотрудничества в сфере развития МТК с другими зарубежными партнёрами, неудачно видно сделав ставку только на внутрикитайские грузопотоки [6].

Китайские ученые и официальные лица в последнее время снова начали будировать тематику создания "российско-китайских зон приграничного взаимодействия", отмечая, что эта инициатива "вошла в ускоренную фазу". Речь идет о наращивании торгово-выставочной, рекреационной, производственной и логистической инфраструктуры вокруг существующих пунктов пропуска через государственную границу, что обсуждается властями приграничных районов двух стран, а также на межведомственном и межправительственном уровнях уже более 20 лет. С 2017 г. стороны проводят переговоры о трансграничных зонах экономического сотрудничества "Суйфэньхэ – Пограничный", "Дуннин – Октябрьский район" (оба российских участка в Приморском крае), "Хэйхэ – Благовещенск", "Тунцзян – Еврейская автономная область" и "Большой Уссурийский остров". Вместе с тем пока не удалось разработать отдельного правового режима функционирования данных объектов и привлечения в них средств [31].

Как представляется, основные сложности в практической реализации проектов МТК с китайской стороны связаны с неготовностью российской части объектов (прежде всего, пунктов пропуска), отсутствием преференций для китайских участников ВЭД, нежеланием допускать компании из КНР в управление и владение инфраструктурой на нашей территории (в т.ч. по инициативе "дальневосточная концессия") и изменчивостью нормативной составляющей сотрудничества. Отсутствие четкой позиции официального Пекина по МТК может также объясняться приоритетностью самостоятельных проектов создания "экономических коридоров" и транспортных маршрутов в контексте инициативы "Пояс и путь", где не всегда находится место российским предложениям, а ряд проектов – прямые конкуренты.

***

По замечанию некоторых российских исследователей, основным ограничителем китайских инвестиций на РДВ является позиция региональных и центральных властей КНР к ведению дел в России. Крупные инвесторы исходят при рассмотрении российского региона из соображений стоимости рабочей силы, транспортных издержек, доступа к рынкам сбыта и предсказуемости бюрократии. Нерешенность этих важных для них вопросов и практическое отсутствие в регионе крупных "историй успеха" в итоге заставляет их искать другие варианты [34].

Тем не менее вытеснение с Дальнего Востока небольших китайских фирм, использовавших преимущественно "серые схемы", крупными российскими игроками и ужесточение контроля над использованием природных и земельных ресурсов может быть оценено положительно с точки зрения реализации российских интересов. Это создает и возможности для увеличения активности инвесторов из Японии и Республики Корея, которые имеют существенно лучший имидж у российской общественности и местных властей.

Увеличение масштаба китайского делового присутствия на РДВ и улучшение его качества возможно за счет системного привлечения ведущих корпораций КНР, заинтересованных в реализации долгосрочных проектов на российской территории. Условия и детали могут быть выработаны с использованием механизма Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики. Стимулированию активности китайских компаний может способствовать привлечение средств совместных финансовых институтов, образованных, в частности, Российским фондом прямых инвестиций с партнёрами из КНР (например, Российско-китайский инвестиционный фонд – РКИФ, Российско-китайский научно-технический инновационный фонд, соглашения с фондами провинций КНР). Так, на ВЭФ–2019 уже были отмечены результаты работы РКИФ в содействии созданию предприятий по переработке древесины на российской территории и организации поставок сельхозпродукции в Китай.

Полезным также может оказаться содействие китайским бизнесменам по линии Российского экспортного центра и Торгово-промышленной палаты

для расширения их связей с крупными российскими компаниями, действующими на Дальнем Востоке, с целью организации совместных производств на нашей территории и увеличения объема поставок на национальный и зарубежные рынки. Упор может быть сделан на малый и средний бизнес из КНР через развитие прямого диалога с их потенциальными российскими партнерами. Мотивация крупных частных китайских инвесторов может быть повышена за счёт проведения для них российскими организациями комплексных исследований делового климата на РДВ и конкурентных преимуществ региона, с учётом используемой той или иной компанией бизнес-модели.

Исходя из тенденции сокращения масштабов делового присутствия КНР в России и сокращения объемов инвестиций оправданным представляется содействие раскрытию потенциала китайских регионов, прежде всего северо-восточных провинций, нуждающихся в дополнительных средствах. Подобный подход, направленный на достижение взаимной выгоды и содействующий процессу сопряжения ИПП и ЕАЭС, позволит также "отсеять" неблагонадежных и неквалифицированных инвесторов, ориентированных на быстрое извлечение прибыли, и удовлетворить конкретные нужды приграничных территорий двух стран.

Литература

1. Владельцев группы "Сумма" Магомедовых заподозрили в хищении 2,5 млрд рублей // РИА Новости. 2018. 31 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180331/1517680366.html> (дата обращения: 15.05.2021).
2. Власти Забайкалья опровергли сдачу китайцам в аренду 115 тыс. га земли // Интерфакс. 2018. 26.02. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/601439> (дата обращения: 15.05.2021).
3. Восточные районы России в координатах внешней политики и международных отношений в Тихоокеанской Азии // У карты Тихого океана: информационно-аналитический бюллетень ДВО РАН. 2018. № 2(250).
4. Глава RF Group – в лесу нет хозяина // RBC Pro, Август 2021, [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/60f69b619a7947e8c86e44c2f> (дата обращения: 19.09.2021).
5. Дальний Восток привлекает китайские инвестиции в лесную промышленность // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 2017. 02.11. [Электронный ресурс]. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/9580/?sphrase_id=196485 (дата обращения: 20.05.2021).
6. Дробышева И. Масштабы сотрудничества расширяются // "Российская газета". Спецвыпуск № 248(8006). 2019. 04.11.
7. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Президент России. 2019. 05.06. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60672> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Зуенко И. Сможет ли Россия накормить Китай дальневосточной соей // Московский центр Карнеги. 2018. 10.09. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77167> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточного Китая 2009-2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3 (251). С. 1–26.
10. Зуенко И., Иванов С., Савченко А. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2019, том 63, № 11, С. 105–113.
11. Кашин В. Много ли Китай инвестирует в Россию? // Валдай: международный дискуссионный клуб. 2017. 09.06. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-likitay-investiruuet-v-rossiyu/> (дата обращения: 15.05.2021).
12. Китайские инвесторы бегут из России // Finanz.RU. 2021. 08.04. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktii/kitayskie-investory-begut-iz-rossii-1030285975> (дата обращения: 04.09.2021).
13. Китайские инвесторы по-новому открывают для себя Дальний Восток // ТАСС. 2018. 24.08. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5486435> (дата обращения: 15.05.2021).
14. Китайские компании намерены реализовать на Дальнем Востоке проекты на \$30 млрд // Интерфакс. 2018. 07.03. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/602706> (дата обращения: 15.05.2021).
15. Китай поддержит Дальний Восток // Российская газета. 2018. 12.09. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/09/12/reg-dfo/kitaj-podderzhit-dalnij-vostok.html> (дата обращения: 15.05.2021).

16. Кутелева А., Сальникова П., Чернилевская К., Шевчук Е. Свободный порт Владивосток: тенденции и перспективы развития // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 104–124.
17. Материалы второго заседания Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. 2018. 22.08. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/33726/> (дата обращения: 15.05.2021).
18. На Байкале сносят китайский завод по розливу воды // REGNUM. 2021. 25.02. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3199676.html> (дата обращения: 04.09.2021).
19. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 2464-р. 2020. 24.09. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74587526/> (дата обращения: 19.09.2021).
20. Об утверждении Концепции развития международных транспортных коридоров "Приморье-1" и "Приморье-2" // Правительство России, 2016. 30 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/25953/> (дата обращения: 19.09.2021).
21. Правительство задумалось о создании госкомпании с правом на экспорт леса // Интерфакс. 2021. 11.02. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/750364> (дата обращения: 19.09.2021).
22. Приморье откажется от иностранной рабочей силы в лесной и сельхозотрасли в 2020 году // ТАСС. 2019. 13.06. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6544311> (дата обращения: 15.05.2021).
23. Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018–2024 гг. // Министерство коммерции КНР: официальный сайт. 2018. 21.11. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 15.05.2021).
24. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. // Министерство иностранных дел КНР: официальный сайт. 2010. 18.06. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjwb/zzjg/dozys/dqzzywt/t709788.shtml> (дата обращения: 15.05.2021).
25. Региональная программа "Развитие приграничных территорий Хабаровского края до 2020 г." Утверждена Распоряжением Правительства Хабаровского края № 746-рп от 26 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/integrated-development-of-territories/2350> (дата обращения: 15.05.2021).
26. Спивак В. Великая китайская вырубка. Что реально угрожает сибирскому лесу // Московский центр Карнеги. 2018. 28.08. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77100> (дата обращения: 15.05.2021).
27. Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области до 2030 г. // официальный портал органов государственной власти Еврейской автономной области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/> (дата обращения: 15.05.2021).
28. Толорая Г. Китайская инициатива: "шелковая удавка" или шанс для России? // Валдай: международный дискуссионный клуб. 2017. 15.05. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskaya-initsiativa-shyelkovaya-udavka/> (дата обращения: 15.05.2021).
29. Углубляется торгово-экономическое сотрудничество между регионами России и Китая // РКДС. 2019. 19 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://rcbc.ru/12932> (дата обращения: 19.09.2021).
30. Усов П. Минтай не уходит в Китай // East Russia. 2021. 20.01. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/mintay-ne-ukhodit-v-kitay/> (дата обращения: 19.09.2021).
31. Цзоу Сютин. Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // Россия и АТР. 2020. № 3. С. 134–150.
32. Чеботарев А. Все без обмана? Как подорожают новостройки // Газета.ру. 2019. 01.07. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/28/12462709.shtml>
33. Юрий Трутнев обратился к китайской стороне о снятии ограничений на экспорт рыбной продукции // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 2020. 30.12. [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/29822/> (дата обращения: 19.09.2021).
34. Spivak V. Why Russia's special economic zones fail to attract Chinese investors // Italian Institute for International Political Studies. 2019. 04.11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/why-russias-special-economic-zones-fail-attract-chinese-investors-24316> (дата обращения: 04.09.2021).
35. The Development and Open Economic Belt along China, Mongolia and Russia. Documents Collection. Department of Commerce of Jilin Province. December 2019.
36. 高际香. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年) 述评 (Гао Цзисян. Обзор Программы развития китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке РФ на 2018-2024 гг.) // 俄罗斯学刊 (Академический журнал России). 2019. № 1. С. 48–61.

37. 我市10个境外园区被认定为省级以上园区 (Десять промышленных парков нашего города признаны объектами высшего уровня) // Официальный сайт Муданьцзянского городского округа. 2018. 06.12. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mdj.gov.cn/shizheng/djyw/201812/t20181206_265839.html (дата обращения: 04.09.2021).

38. 曲静. 黑龙江省打造对俄开放新高地 (Цюй Цзин. Провинция Хэйлунцзян берет новую высоту в работе с Россией) // 黑龙江日报 (Хэйлунцзян жибао). 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://eraper.hljnews.cn/hljrb/20180204/333716.html> (дата обращения: 04.09.2021).

39. 长珲欧启动测试 // 中国新闻网. (Начало испытания "Чанчунь – Хуньчунь – Европа") // Китайские новости) 2019. 29.01. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinanews.com/cj/2019/01-29/8742518.shtml> (дата обращения: 04.09.2021).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vladel'tsev gruppy "Summa" Magomedovykh zapodozrili v khishhenii 2,5 mlrd rublej // RIA Novosti. 2018. 31 marta. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20180331/1517680366.html> (data obrashheniya: 15.05.2021).

2. Vlasti Zabajkal'ya oprovergli sdachu kitajtsam v arendu 115 tys. ga zemli // Interfaks. 2018. 26.02. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/601439> (data obrashheniya: 15.05.2021).

3. Vostochnye rajony Rossii v koordinatakh vneshej politiki i mezhdunarodnykh otnoshenij v Tikhookeanskoj Azii // U karty Tikhogo okeana: informatsionno-analitcheskij byulleten' DVO RAN. 2018. № 2(250).

4. Glava RF Group – v lesu net khozyaina // RBC Pro, Avgust 2021, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/60f69b619a7947e8c6e44c2f> (data obrashheniya: 19.09.2021).

5. Dal'nij Vostok privilekaet kitajskie investitsii v lesnyu promyshlennost' // Ministerstvo Rossijskoj Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki. 2017. 02.11. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/9580/?sphrase_id=196485 (data obrashheniya: 20.05.2021).

6. Drobysheva I. Masshtaby sotrudnichestva rasshirayutsya // "Rossijskaya gazeta". Spetsvy-pusk № 248(8006). 2019. 04.11.

7. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-kitajskikh peregovorov // Prezident Rossii. 2019. 05.06. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60672> (data obrashheniya: 20.05.2021).

8. Zuenko I. Smozhet li Rossiya nakormit' Kitaj dal'nevostochnoj soej // Moskovskij tsentr Karne-gi. 2018. 10.09. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77167> (data obrashheniya: 20.05.2021).

9. Zuenko I.YU., Ivanov S.A., Lun CHankhaj, Ma YUtszyun', Olejnikov I.V., TSin' Dun. Programma sotrudnichestva vostochnykh regionov Rossii i severo-vostochnogo Kitaya 2009-2018: itogi i dal'nejshe perspektivy // U karty Tikhogo okeana. 2018. № 3 (251). S. 1–26.

10. Zuenko I., Ivanov S., Savchenko A. Kitajskie investitsii na rossijskom Dal'nem Vostoke // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019, tom 63, № 11, S. 105–113.

11. Kashin V. Mnogo li Kitaj investiruet v Rossiyu? // Valdaj: mezhdunarodnyj diskussionnyj klub. 2017. 09.06. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitaj-investiruet-v-rossiyu/> (data obrashheniya: 15.05.2021).

12. Kitajskie investory begut iz Rossii // Finanz.RU. 2021. 08.04. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kitajskie-investory-begut-iz-rossii-1030285975> (data obrashheniya: 04.09.2021).

13. Kitajskie investory po-novomu otkryvayut dlya sebya Dal'nij Vostok // TASS. 2018. 24.08. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5486435> (data obrashheniya: 15.05.2021).

14. Kitajskie kompanii namereny realizovat' na Dal'nem Vostoke proekty na \$30 mlrd // Interfaks. 2018. 07.03. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/business/602706> (data obrashheniya: 15.05.2021).

15. Kitaj podderzhit Dal'nij Vostok // Rossijskaya gazeta. 2018. 12.09. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2018/09/12/reg-dfo/kitaj-podderzhit-dalnij-vostok.html> (data obrashheniya: 15.05.2021).

16. Kuteleva A., Sal'nikova P., CHernilevskaya K., SHEvchuk E. Svobodnyj port Vladivostok: tendentsii i perspektivy razvitiya // Rossiya i ATR. 2021. № 1. S. 104–124.

17. Materialy vtorogo zasedaniya Mezhpriavitel'svennoj rossijsko-kitajskoj komissii po sotrudnichestvu i razvitiyu Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona Rossijskoj Federatsii i Severo-Vostoka Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Pravitel'stvo Rossijskoj Federatsii: ofitsial'nyj sayt. 2018. 22.08. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/news/33726/> (data obrashheniya: 15.05.2021).

18. Na Bajkale snosyat kitajskij zavod po rozlivu vody // REGNUM. 2021. 25.02. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3199676.html> (data obrashheniya: 04.09.2021).

19. Natsional'naya programma sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka na period do 2024 g. i na perspektivu do 2035 g. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii № 2464-r. 2020. 24.09. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74587526/> (data obrashheniya: 19.09.2021).

20. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya mezhdunarodnykh transportnykh koridorov "Primor'e-1" i "Primor'e-2" // Pravitel'stvo Rossii, 2016. 30 dekabrya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/news/25953/> (data obrashheniya: 19.09.2021).
21. Pravitel'stvo zadumalos' o sozdanii goskompanii s pravom na ehksport lesa // Interfaks. 2021. 11.02. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/750364> (data obrashheniya: 19.09.2021).
22. Primor'e otkazhetsya ot inostrannoj rabochej sily v lesnoj i sel'khozotrasli v 2020 godu // TASS. 2019. 13.06. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6544311> (data obrashheniya: 15.05.2021).
23. Programma razvitiya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v torgovo-ehkonomicheskoj i investitsionnoj sferakh na Dal'nem Vostoke Rossii na 2018–2024 gg. // Ministerstvo kommertsii KNR: ofitsial'nyj sajt. 2018. 21.11. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (data obrashheniya: 15.05.2021).
24. Programma sotrudnichestva mezhdur regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR na 2009–2018 gg. // Ministerstvo inostrannykh del KNR: ofitsial'nyj sajt. 2010. 18.06. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjbj/zjzg/dozys/dqzzywt/t709788.shtml> (data obrashheniya: 15.05.2021).
25. Regional'naya programma "Razvitie prigranichnykh territorij Khabarovskogo kraja do 2020 g." Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Khabarovskogo kraja № 746-рр от 26 sentyabrya 2016 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/integrated-development-of-territories/2350> (data obrashheniya: 15.05.2021).
26. Spivak V. Velikaya kitajskaya vyrubka. CHto real'no ugrozhaet sibirskomu lesu // Moskovskij tsentr Karnegi. 2018. 28.08. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77100> (data obrashheniya: 15.05.2021).
27. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Evrejskoj avtonomnoj oblasti do 2030 g. // ofitsial'nyj portal organov gosudarstvennoj vlasti Evrejskoj avtonomnoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/> (data obrashheniya: 15.05.2021).
28. Toloraya G. Kitajskaya initsiativa: "shelkovaya udavka" ili shans dlya Rossii? // Valdaj: mezhdunarodnyj diskussionnyj klub. 2017. 15.05. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitajskaya-initsiativa-shyelkovaya-udavka/> (data obrashheniya: 15.05.2021).
29. Uglublyaetsya torgovo-ehkonomicheskoe sotrudnichestvo mezhdur regionami Rossii i Kitaya // RKDS. 2019. 19 aprely. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rcbc.ru/12932> (data obrashheniya: 19.09.2021).
30. Usov P. Mintaj ne ukhodit v Kitaj // East Russia. 2021. 20.01. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/mintay-ne-ukhodit-v-kitaj/> (data obrashheniya: 19.09.2021).
31. TSzou Syutin. Rossijsko-kitajskie zony prigranichnogo sotrudnichestva: perspektivy vzaimodejstviya RF i KNR // Rossiya i ATR. 2020. № 3. S. 134–150.
32. Chebotarev A. Vse bez obmana? Kak podorozhayut novostrojki // Gazeta.ru. 2019. 01.07. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/28/12462709.shtml>
33. YUrij Trutnev obratilsya k kitajskoj storone o snyatii ogranichenij na ehksport rybnoj produktsii // Ministerstvo Rossijskoj Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki. 2020. 30.12. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/29822/> (data obrashheniya: 19.09.2021)
34. Spivak V. Why Russia's special economic zones fail to attract Chinese investors // Italian Institute for International Political Studies. 2019. 04.11. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/why-russias-special-economic-zones-fail-attract-chinese-investors-24316> (data obrashheniya: 04.09.2021).
35. The Development and Open Economic Belt along China, Mongolia and Russia. Documents Collection. Department of Commerce of Jilin Province. December 2019.
36. 高际香. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年) 述评 (Gao TSzisyuan. Obzor Programmy razvitiya kitajsko-rossijskogo sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke RF na 2018-2024 gg.) // 俄罗斯学刊 (Akademicheskij zhurnal Rossii). 2019. № 1. С. 48–61.
37. 我市10个境外园区被认定为省级以上园区 (Desyat' promyshlennykh parkov nashego goroda priznany ob'ektami vysshego urovnya) // Ofitsial'nyj sajt Mudan'tskyanskogo gorodskogo okruga. 2018. 06.12. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.mdj.gov.cn/shizheng/djyw/201812/t20181206_265839.html (data obrashheniya: 04.09.2021).
38. 曲静. 黑龙江省打造对俄开放新高地 (TSyuj TSzin. Provintsiya KHehjluntszyan берет novuyu vy-sotu v rabote s Rossiej) // 黑龙江日报 (KHehjluntszyan zhibao). 2018. № 1. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://epaper.hljnews.cn/hljrb/20180204/333716.html> (data obrashheniya: 04.09.2021).
39. 长珲欧启动测试 // 中国新闻网. (Nachalo ispytaniya "CHanchun' – KHun'chun' – Evropa") // Kitajskie novosti) 2019. 29.01. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.chinanews.com/cj/2019/01-29/8742518.shtml> (data obrashheniya: 04.09.2021).

Информация об авторе

Андрей Владимирович Губин, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: gubin.av@dvfu.ru

Information about the author

Andrey Gubin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gubin.av@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 03.11.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 18.02.2022

Сравнительный анализ эффективности российской и китайской научной дипломатии по вопросам освоения Арктики

Фарица Фархатовна Сабитова
Уханьский университет, Ухань, КНР, sabitova_fariza@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу феномена научной дипломатии в развитии отношений Китая и России в Арктике. На основе сбора информации об исследовательских экспедициях, международных арктических собраниях и открытия международного арктического обмена, проводится сравнение взаимодействия китайской и российской сторон во внесении вклада в исследования, а также результаты двустороннего взаимодействия во благо устойчивого развития арктического региона. Была предпринята попытка анализа типа научной дипломатии отдельных международных арктических организаций и научных институтов.

Ключевые слова: научная дипломатия, научное сотрудничество, Арктика, Китай, Россия

Для цитирования: Сабитова Ф. Ф. Сравнительный анализ эффективности российской и китайской научной дипломатии по вопросам освоения Арктики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 148–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/148-157

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/148-157

Comparative analysis of the effectiveness of Russian and Chinese scientific diplomacy on the development of the Arctic

Fariza F. Sabitova
Wuhan University, Wuhan, China, sabitova_fariza@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the phenomenon of scientific diplomacy in the development of relations between China and Russia in the Arctic. Based on the collection of information about research expeditions, international Arctic meetings and the opening of the international Arctic exchange, the interaction of the Chinese and Russian sides in contributing to research, as well as the results of bilateral cooperation for the benefit of sustainable development of the Arctic region, is compared. An attempt was made to analyze the definition of the type of scientific diplomacy of individual international Arctic organizations and scientific institutions.

Key words: scientific diplomacy, scientific cooperation, Arctic, China, Russia

For citation: Sabitova F. F. Comparative analysis of the effectiveness of Russian and Chinese scientific diplomacy on the development of the Arctic // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 148–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/148-157

Научная дипломатия России и Китая: сущность и развитие

Научная дипломатия является инструментом "мягкой силы", которая сглаживает острые споры и дискуссии между Западными и Восточными странами [6, с. 6]. Понятие "мягкая сила", впервые предложенное профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в конце 1980-х годов, постепенно раскрывалось в его научных трудах. В 2004 году в своей работе "Soft Power: The Means to Success in World Politics" профессор Джозеф Най определяет "мягкую силу" как возможность достижения определённых целей посредством привлечения внимания, иными словами, повышения имиджа страны с использованием культурных и этических методов повышения степени привлекательности [22, с. 6–10].

В январе 2010 года Американская ассоциация содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science) и Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge) дали более чёткое определение научной дипломатии, а также определили три ключевых положения научной дипломатии:

- Наука в дипломатии – разработка советов и рекомендаций учёных для продвижения международной политики.
- Наука для дипломатии – использование научных сообществ, научных объединений в целях улучшения двухстороннего и многостороннего сотрудничества.
- Дипломатия для науки – упрощение дипломатического процесса в международном научном сотрудничестве [21].

В отличие от некоторых стран Европы и Северной Америки, научная дипломатия в России находится на начальных этапах развития, официально

появившись на законодательном уровне только в феврале 2019 года. Согласно оценке текущего состояния и изменений данного феномена, в России основными институтами, имеющими полномочия определять и осуществлять работу в сфере научной дипломатии, являются Министерство иностранных дел России, Министерство науки и образования РФ, а также университетские, академические и экспертные организации. Научная дипломатия как отдельная форма дипломатии стала официально рассматриваться в России в 2019 году в "Концепции международного научно-технического сотрудничества (МНТС) РФ", определяя её как особую форму международного научно-технического сотрудничества, деятельность которой направлена на развитие международных отношений с учётом интересов России. Реализацией данной Концепции занимается Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Для России освоение Арктики имеет огромную значимость. Проводимый с 2010 года Международный арктический форум "Арктика – территория диалога", представляет собой крупнейшую открытую площадку обсуждений с зарубежными партнёрами проблем и перспектив развития Арктического региона. [4] На V Международном арктическом форуме в Санкт-Петербурге министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров заявил "Россия рассматривает Арктику как территорию мира, конструктивного взаимодействия и добрососедства." Что свидетельствует о готовности открытого диалога в разных сферах сотрудничества, включая научные исследования [1].

В 1990-х годах Китай активно начал принимать участие в научно-исследовательских экспедициях на Севере, а также проводить самостоятельную исследовательскую работу по изучению природного ландшафта, ресурсов и развития инфраструктуры. Китай на правах "приарктической страны" выбрал метод низкой политики для завоевания расположения к сотрудничеству, выбрав научные исследования Арктики главным приоритетом [24, с. 281–285]. С китайской стороны научная дипломатия имеет более устойчивую почву. Согласно докладу Наньхайского регионального центра исследований культуры при Хайнаньском педагогическом университете, Китай долгое время придерживался политики "внедрения" новых достижений науки и техники из западных стран, однако на данный момент Китай стремится создать собственную научную платформу с китайской спецификой, что помогло бы нарастить научный потенциал и повысить научный уровень. Несмотря на стратегию нового научного ориентирования, китайские эксперты сохраняют тенденцию сотрудничества с американскими научными институтами [25]. Анализ публикационной активности китайских и американских экспертов за период пандемии Covid-19 был примерно на 2,7 раза больше, чем с экспертами из других стран [20].

Научная дипломатия Китая значительно превышает долю российско-го научного сотрудничества, однако уровень научного взаимодействия между Китаем и Россией также достаточно высок. Согласно статистике Российского научного фонда международное сотрудничество с Национальным фондом естественных наук Китая (National Natural Science Foundation Of China (NSFC)) за 2020 год составляет 180 млн рублей. Учитывая количество проектов и общую сумму финансирования других международных проектов, можно заключить, что проекты с китайской стороны имеют важную составляющую для российской стороны [7]. В связи с усилением противоречий между Соединёнными Штатами и Россией, Китай и Россия усиливают стратегическое партнёрство во многих сферах сотрудничества, в особенности арктическое сотрудничество [13].

Научная дипломатия как "инструмент" сотрудничества в Арктике

Объединение научных сообществ арктических и неарктических стран становится важной частью дипломатического процесса в Арктике. Опираясь на постулаты международного права, историко-географическое положение Арктики, а также стремительные климатические изменения в регионе, следует заключить, что возрастает необходимость в открытом международном научном диалоге, который приведёт к решениям климатических, экономических, социальных и политических проблем арктического региона.

11 мая в 2017 г. во время встречи Арктического совета в городе Фэрбанк (США) было подписано "Соглашение по укреплению международно-

Таблица 1. Институциональные уровни организаций Китая, вовлечённых в работу правительства, в экономику, в научные исследования и образование
Table 1. Institutional levels of Chinese organizations involved in government, economy, research and education

	Взаимодействующие с правительством КНР	Вовлечённые в экономическую сферу	Вовлечённые в научные исследования и образование
Наднациональные	Арктический Совет	Полярный Круг	Международный арктический научный комитет, Университет Арктики, Рамочная конвенция ООН по изменению климата
Международные		Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	Азиатский форум по полярным наукам, Китайско-скандинавский арктический центр, Тихоокеанская арктическая группа
Национальные	Китайское управление по Арктике и Антарктике, Государственное Океаническое управление / Министерство национальных ресурсов	Китайский банк развития	Академия наук Китая, Институт полярных исследований Китая.

Источник: [17].

Source: [17].

го арктического научного сотрудничества", которое вступило в силу 23 мая 2018 г. [12]. В данном документе содержатся пункты, описывающие научный обмен и кооперирование арктических стран. Однако в статье 17 описано сотрудничество подписавших соглашение стран со сторонами, не являющимися участниками данного соглашения. Это позволяет России, как участнику данного соглашения, заключать дальнейшие стратегические планы по научному сотрудничеству со странами неполярного круга. В России на протяжении 5 лет осуществляется программа "Арктика", которая охватывает различные направления: изучение биоразнообразия, вопросы деградации материалов в реальных арктических условиях, проблему адаптации коренных народов Севера к технологическим прорывам, нетривиальные вопросы радиосвязи, развитие когнитивных технологий. Как отметил председатель совета ФГБУ "Российский фонд фундаментальных исследований" В. Панченко, "Вопросы развития Арктики требуют системного подхода, который должен базироваться на больших базах данных". Решением проблем Арктики, по мнению президента НИЦ "Курчатовского института" М. Ковальчука, является расширение международного сотрудничества. При этом, учитывая успешный опыт совместной работы России с зарубежными странами при решении проблем Арктики, стоит отметить готовность России к продолжению ведения открытой научной дипломатии с разными научно-исследовательскими институтами [10].

После 1990-х годов Китай начал принимать активное участие в изучении климатических изменений планеты, в особенности проводить дальнейшие экспедиции на оба полюса земли. Первая пешая экспедиция на Северный полюс Китая была проведена в 1995 году с целью достижения самой северной точки планеты [14, с. 126–134]. В январе 2018 г. была опубликована "Белая книга", в которой Китай чётко определил положение и отношение Китая на Северном полюсе, а также объявил о намерениях расширения арктического сотрудничества с другими арктическими странами. Арктическая политика Китая заключается в трёх основных направлениях:

- углублённом изучении и понимании Арктики;
- защите окружающей среды, решении проблем изменении климата Арктики и рациональном использовании арктических ресурсов;
- активном участии в арктическом сотрудничестве и управлении, а также в содействии миру и стабильности в Арктике [5].

Научные исследования занимают значительную долю участия Китая в Арктике. Научная дипломатия является незаменимым инструментом, способствующим вовлеченности Китая в "арктический диалог". Китай участвует во многих научных организациях в Арктике. Арктическое научное сотрудничество происходит посредством участия научных групп в работе Международного арктического научного комитета (IASC), Университете Арктики (UArctic), Тихоокеанской арктической группе (PAG), Межправительственной группе экспертов по изменению климата (IPCC), Азиатском форуме по полярным наукам (AFPS). Благодаря участию в данных организациях, Китай имеет возможность активного участия в работе над арктическими вопросами. За последние несколько десятилетий Китай активно принимал участие в арктических конференциях, в результате в мае 2019 года организация Полярный Круг провела специальную конференцию в Шанхае "Arctic Circle China Forum", на которой обсуждались вопросы рыболовства в Арктике, Полярного Шёлкового пути, а также методов устойчивого развития [16].

Учитывая факт того, что правительства стран России и Китая стараются создать устойчивую научно-исследовательскую платформу для собственных специалистов-исследователей, обе страны активно проводят совместные научно-исследовательские работы в целях реализации задач соглашения о сотрудничестве по исследованию Северного Ледовитого океана, при поддержке Государственной океанической администрации КНР и Российской академии наук. В 2016 году была проведена первая совместная научная арктическая экспедиция на борту океанического научно-исследовательского судна "Академик М.А. Лаврентьев", в которой участвовали 20 учёных из России и 11 учёных из Китая [8].

В октябре 2018 года завершилась вторая российско-китайская полярная экспедиция, в которой специалисты обеих стран провели исследования в целях ускорения создания Полярного Шёлкового пути. Для китайской стороны Полярный Шёлковый путь поможет поднять уровень торгового обмена между странами Западной Европы с Северо-Восточной Азией. Следует отметить, что после проведения первой совместной полярной экспедиции России и Китая был подписан меморандум об активном сотрудничестве для создания Северного Морского пути [11].

Пандемия Covid-19 привела к негативным последствиям в сфере международных отношений, так как замедлила многие международные процессы, которые являлись своеобразным мостом между странами. Однако пандемия заставила также мировые умы человечества объединиться во благо поиска решений многих научных проблем. Работа над арктическими проектами также была замедлена по причине пандемии Covid-19, но вновь активно возобновилась в 2020 году. В связи с активным ростом количества заболевших и распространением новых видов штаммов коронавируса, арктические проекты, как и многие другие, были переведены в онлайн формат. Арктические организации, работающие под эгидой ООН, а также независимые арктические организации продолжают активную исследовательскую деятельность. Многие институты и школы по изучению Арктики открыли арктические онлайн школы для привлечения молодых учёных и исследователей. 18 ноября 2021 года состоялась встреча старших должностных лиц по координации научных исследований в Арктике в гибридном формате. Одной из ключевых тем было изучение Арктики с использованием комплексного научного подхода, куда вовлечены климатологи, геологи, биологи и многие другие учёные, поэтому Арктика представляет собой зону обширного интереса большого числа государств. Генеральный директор Шведского секретариата полярных исследований Катарина Гардфельд отметила "необходимость мультидисциплинарного подхода к исследованиям, где разные дисциплины могли бы дополнять друг друга и помогать на пути к выработке эффективной политики, поэтому существует необходимость обеспечения доступа к знаниям всем странам" [3].

Участие России и Китая в арктических организациях в рамках научной дипломатии

Научная дипломатия определяется как совокупность процессов, объединяющих учёных, экспертов, правительственные и неправительственные организации, государства, для решения острых и важных вопросов на земле. Дан-

ные единицы являются непосредственными акторами научной дипломатии. В связи с малоизученностью теории научной дипломатии, отнесение организаций к одному определённого типу научной дипломатии является сложной задачей. Согласно высказыванию профессора Дежиной из НИУ ВШЭ, эксперта РСМД, организации, чьи функции имеют узкую тематическую специализацию, следует отнести к типу "дипломатии для науки".

Арктический Совет

Примером "дипломатии для науки" можно назвать Арктический совет, основанный в 1996 году [2]. Многочисленные проекты Совета нацелены на сбор информации и выработку дальнейших рекомендаций для сохранения баланса в управлении и распределении первостепенных арктических задач. Россия, как одна из главных арктических стран, активно принимает участие в международном сотрудничестве с самого создания Совета. Китай в свою очередь получил статус страны наблюдателя в 2013 году на Министерской сессии в Кируне. Он активно участвует в таких проектах, как "Sustaining Arctic observing networks SAON", "Actions for Arctic biodiversity", "Arctic Migratory birds initiative AMBI", "Air pollution with a focus on short-lived climate forcers SLCFS". Профессор Сяо Ян (Xiao Yang) в своей работе указал на несколько проблем в научном сотрудничестве между арктическими и неарктическими странами. В частности, отдельно описал позицию Китая по данному вопросу. Одной из главных проблем является малоизученность арктического региона. Он также указал, что открытость российской стороны помогает учёным проводить расширенные научно-исследовательские работы. Ещё одной проблемой отмеченной профессором Сяо, был документ, составляемый странами-наблюдателями Совета "Arctic Council observer Manual", который подвергается некой сегрегации интересов арктических и неарктических стран, что значительно сдерживает научные исследования и международное сотрудничество в регионе [26, с. 109–112]. В рамках данного сотрудничества, учёные и эксперты Китая и России делают определённый вклад в развитие арктического региона.

Международный Арктический научный комитет

В 1996 году Китай стал членом Международного Арктического научного комитета [27]. Данный вид научной дипломатии можно отнести к типу "дипломатии для науки", так как учёные стараются выработать общую цельную систему знаний в сотрудничестве с учёными из других стран. Одним из крупнейших проектов данного комитета является проект MOSAiC. Проводит исследование климата на круглогодичной дрейфующей станции. В нем принимают участие более 80 научных институтов из 20 стран, включая Россию и Китай [23]. В отличие от Арктического Совета, цель Международного арктического комитета заключается в сборе и обмене научной информацией на международном уровне. Данный проект объединяет учёных, исключается дублирование знаний в поиске решений научных задач, для которых необходимо объединение национальных усилий. Однако данный комитет можно отнести к другому типу дипломатии – "науки для дипломатии". Научные альянсы не только помогают в развитии науки об Арктике, но и создают крупную сеть дипломатических связей для решения климатических изменений в Арктике. К примеру, одной из важных миссий под эгидой Международного Арктического комитета является the Pacific Arctic Group (PAG). В последнем отчёте России за 2020 год указано, что в экспедиции участвовало 69 исследователей из 11 стран. Целью данной миссии является проведение физических, биохимических исследований и геологических изменений, а также деградации вечной мерзлоты на территории Сибирского Арктического шельфа. В рамках научной дипломатии с российской стороны проводится политика открытого научного диалога и сотрудничества, так как совместное исследование местности позволит провести более тщательный анализ данных [18]. Китай проводит исследования под руководством Полярного Исследовательского института Китая (Polar Research Institute of China) на исследовательском судне Xuelong. В марте 2020 года были опубликованные научно-исследовательские результаты миссии Chinare 11, в котором участвовали 13 научных институтов, состоящих из 44 представителей и 34 человек экипажа [17]. Китай использует

большую научную базу для исследования не только Арктики и арктического региона, но и местностей, далеко выходящих за арктический круг. Не обладая статусом арктической страны, Китай стремится внести вклад в науку об Арктике в целом, выполняя поставленные цели и задачи в собственной арктической политике.

Университет Арктики

Международный проект "Университет Арктики", который объединяет университеты, научные институты, а также другие научно-исследовательские организации, играет важнейшую роль в обеспечении научной дипломатии. Цель Университета Арктики заключается в предоставлении возможности обучения, международном сотрудничестве экспертов, учёных и студентов в рамках изучения арктических проблем. Так как Университет Арктики представляет собой масштабный международный проект, то следует отнести данный вид научной дипломатии к "дипломатии для науки". Однако свойства, присущие "науки для дипломатии", также отражаются в деятельности университета. Именно наука, объединяя научные институты арктических и неарктических стран, влияет на отношения между акторами в целом. Университет Арктики, в отличие от более масштабных проектов, таких как Арктический Совет и Международный Арктический Комитет, имеет прямое образовательное предназначение. Открытый арктический диалог ведётся благодаря Университету Арктики. На данный момент сеть, развитая университетом, расширяется. К примеру, Ассоциация технических университетов Китая и России тесно взаимодействует с Университетом Арктики. Образованная в 2011 году, в Ассоциацию на данный момент входят 60 китайских и российских технических высших учебных заведений [15]. 29 марта 2021 года 10-летний юбилей отметила Ассоциация технических университетов России и Китая. Данная ассоциация совместно с Харбинским политехническим институтом и Московским государственным техническим университетом имени Н.Э. Баумана организовали мероприятие. С приветственной речью на данном мероприятии выступили Ларс Куллеруд – президент Университета Арктики, Ганьшин И.Н. – генеральный директор Департамента международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования России, а также Ифань Ли – директор учебного центра UArctic-NIT [9]. В случае симбиоза обеих научных организаций существует вероятность создания совместной устойчивой научно-исследовательской платформы арктических и неарктических стран. В данном случае присоединение китайской стороны в масштабные арктические проекты будет способствовать развитию не только научно-исследовательской работы, а также экономических, политических и социальных связей в Арктике.

Учебный центр UArctic-NIT был создан 29 февраля в 2019 году по инициативе Арктического Совета и является первым региональным центром UArctic за пределами восьми арктических стран в Харбинском техническом институте. Миссия Университета Арктики–NIT–ТС заключается в "укреплении взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между студентами и преподавателями арктических и неарктических университетов путём предоставления уникальной и передовой платформы для совместных образовательных и исследовательских возможностей" [19]. Центр с 2019 года организует летние и зимние школы, в которых выступают ведущие эксперты и профессора университетов арктических стран, включая Россию, а также профессора из Китая. Создания благоприятной научно-исследовательской базы для молодых специалистов является примером ведения дипломатии во благо научного прогресса и, как следствие, относится к виду "дипломатии для науки". Международный научный альянс способствует развитию отношений между арктическими и неарктическими странами. Данный центр является показателем расширенного научного сотрудничества в мире, а также российско-китайских отношений в Арктике. Китайский учебный центр UArctic-NIT представляет собой первый арктический дипломатический мост положительного развития науки в регионе.

Заключение

Взаимодействие российской и китайской сторон в исследовании Арктики и контроле климатического состояния обеими странами играет значительную роль для международного научного общества. Россия на правах арктической страны не препятствует ведению "арктического диалога", напротив, расширяет международное сотрудничество, содействуя новому открытию центров изучения Арктики за её пределами. Китай, утвердив цели и задачи в Арктике, продолжает участвовать в международных и независимых организациях, занимающихся вопросами Арктики. Китай, как страна с сильной экономикой и стремительным научным прогрессом, открыто проводит научные исследования в Арктике, своевременно и основательно предоставляя данные арктических экспедиций. Всё это свидетельствует об активной научной дипломатии и непрерывном научно-исследовательском процессе, несмотря на осложнения, вызванные пандемией во всём мире.

Большинство арктических организаций являются примерами типа "дипломатии для науки". По причине того, что Россия и Китай продвигают собственные научные сообщества на международную научную площадку для способствования расширенного сотрудничества в регионе, научному персоналу смягчаются условия для проведения исследований в составе научно-исследовательских институтов. Феномен "науки в дипломатии" также предполагает использование научных знаний для решения климатических проблем с помощью выработки единого "внешнеполитического фронта".

По мнению экспертов, Арктика и её экосистема нуждаются в постоянном мониторинге, так как экосистема региона остаётся чувствительной к антропогенным воздействиям. В связи с отсутствием основного международного договора регулирования Арктики, научные исследования должны проводиться согласно законам международного права. Научные исследования необходимы для усовершенствования инфраструктуры региона, а также повышения качества жизни.

Россия и Китай поддерживают научно-техническое сотрудничество с 1992 года, более того, были подписаны секторальные договора по изучению и исследованию мирового океана. Создание подобного рамочного соглашения по вопросу освоения Арктики между двумя странами создаст новую устойчивую научно-исследовательскую базу для проведения арктических экспедиций под эгидой развития Арктики. Развитие Арктики требует качественного и тщательного изучения, так как влияние изменения её климата подчёркивается не только ведущими российскими специалистами в области изучения Арктики, но и, в частности, в Белой книге КНР по Арктике. Создание "единого научно-исследовательского арктического фронта России и Китая" повлияет на понимание Арктики, а также вызовет немалую волну мирового обсуждения в области международных отношений и международного права.

Литература

1. Арктика – арена противостояния или сотрудничества? Ключевые цитаты // Росконгресс. [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/arktika-arena-protivostoyaniya-ili-sotrudnichestva/#a660> (дата обращения: 11.12.2021).
2. Дежина И. Деятельность международных организаций в контексте научной дипломатии // РСМД [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/deyatelnost-mezhdunarodnykh-organizatsiy-v-kontekste-nauchnoy-diplomatii/?sphrase_id=85086501 (дата обращения: 11.12.2021).
3. Диалог исследователей Арктики // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/sessions/iaf-2019-dialog-issledovateley-arktiki/discussion/#> (дата обращения: 11.12.2021).
4. История Международного арктического форума. Форум "Арктика – территория диалога" - 2019 // ТАСС, [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/6311191> (дата обращения: 11.12.2021).
5. Китай в Арктике. Политика, стратегии и возможности для Аляски // Росконгресс [Электронный ресурс] URL: <https://roscongress.org/materials/kitay-v-arktike-politika-strategii-i-vozmozhnosti-dlya-alyaski/> (дата обращения: 11.12.2021).
6. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021/Российский совет по международным делам (РСМД). М.:НП РСМД, 2021. С.6 [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf> (дата обращения: 11.12.2021).

7. Краснова Г.А., Райнхардт Р.О., Шакиров О.И., Соловьев Д.Б. Новые горизонты научной дипломатии в России: Доклад № 63/2020 / Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-Diplomacy-Report63.pdf> (дата обращения: 11.12.2021).

8. Первая совместная китайско-российская экспедиция на Северный полюс принесла плодотворные результаты // Russian.China.org.cn. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-10/19/content_39638975.htm (дата обращения: 11.12.2021).

9. Празднование 10-летия Ассоциации технических университетов России и Китая // UArctic [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.uarctic.org/novosti/2021/4/prazdnovanie-10-letiya-assofiafiitekhnikeskikh-universitetov-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 11.12.2021).

10. Природоподобные технологии для нужд Арктики // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/sessions/iaf-2019-prirodopodobnye-tehnologii-dlya-nuzhd-arktiki/discussion/> (дата обращения: 11.12.2021).

11. Россия и Китай провели совместную научную экспедицию в Арктике // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/5743156> (дата обращения: 11.12.2021).

12. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества по Арктике вступило в силу" // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180523/1521147415.html> (дата обращения: 11.12.2021).

13. Тренин Д.В. Россия и Китай в Арктике: сотрудничество, соперничество и последствия для евразийской безопасности // Московский центр Карнеги, [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitay-v-arktike-sotrudnichestvo-sopernichestvo-i-posledstviya-dlya-evraziyskoj-bezopasnost/> (дата обращения: 11.12.2021).

14. Чистякова А.Н. Экспедиция КНР в Арктику. Историческая справка: цели, задачи и итоги. Сборник статей археологии Арктики ГКУ ЯНАУ "Научный центр изучения Арктики" Омск, 2018. С. 126–134.

15. ASRTU Introduction // Association of Sino-Russian Technical Universities [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asrtu.cn/en> (дата обращения: 11.12.2021).

16. Bowman, Liz, Qingchao Xu. 2020. China in the Arctic: Policies, Strategies, and Opportunities for Alaska. Fairbanks: Center for Arctic Policy Studies. [Электронный ресурс]. URL: https://www.uaf.edu/caps/our-work/Bowman%20and%20Xu_2020_China%20in%20the%20Arctic_Final18Feb2020.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

17. Chinare 11 plan Xuelong 2 Arctic cruise [Электронный ресурс]. URL: <https://pag.arcticportal.org/documents/category/54-pag-march-2020> (дата обращения: 11.12.2021).

18. International Siberian Shelf Study (ISSS) Expedition 2020 was organized by Pacific Oceanological Institute (POI) FEBRAS, in collaboration with Institute of Oceanology (IO) RAS and Stockholm University (SU) November 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://pag.arcticportal.org/documents/category/55-pag-november-2020> (дата обращения: 11.12.2021).

19. Introduction to UArctic – HIT Training Centre // UArctic-HIT-TC [Электронный ресурс]. URL: <http://uarctic.hit.edu.cn/international/11686/list.htm> (дата обращения: 11.12.2021).

20. Lee J., Haupt J. Scientific globalism during a global crisis: Research collaboration and open access publications on COVID-19 // Higher Education. 24.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10734-020-00589-0#citeas> (дата обращения: 11.12.2021).

21. New frontiers in science diplomacy. London, The Royal Society, 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

22. Nye S.J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y: Public Affairs, 2004. P.6-10

23. The Expedition in Numbers // MOSAiC [Электронный ресурс]. URL: https://mosaic-expedition.org/wp-content/uploads/2021/02/mosaic_factsheet_expedition-in-numbers_engl.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

24. 北极问题研究编写组织. 北极问题研究 // 北京. (海洋出版社) (Организация арктических исследований). Арктические исследования // Пекин. 2011. С. 281–285).

25. 郑泽民. 新时期中国特色科学外交政策创新 // 学习强国. 中国社会科学报. 18.09.2021 (Чжэн Цзэминь. Научные инновации во внешней политике с китайской спецификой в новой эпохе // Вестник общественных наук Китая) [Электронный ресурс]. URL: https://www.xuexi.cn/lqpage/detail/index.html?id=2750762435918342658&item_id=2750762435918342658 (дата обращения: 11.12.2021).

26. 肖洋. 北极科学合作：制度歧视与垄断生成 // 《国际论坛》2019年1期. DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2019.01.008 (Сяо Ян. Научное сотрудничество в Арктике: институциональная дискриминация и создание монополий // Международный форум, 2019, № 1, С. 109–112).

27. 外交部北极事务特别代表高风：科学外交助力中国参与北极事务// 搜狐(Гао Фэн специальный представитель Министерства иностранных дел по делам Арктики: Научная дипломатия помогает Китаю участвовать в делах Арктики // "Соху" информ.блог) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/221411649_115124 (дата обращения: 11.12.2021).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Арктика – arena protivostoyaniya ili sotrudnichestva? Klyuchevye tsitaty // Roskongress. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://roscongress.org/materials/arktika-arena-protivostoyaniya-ili-sotrudnichestva/#a660> (data obrashheniya:11.12.2021).
2. Dezhina I. Deyatel'nost' mezhdunarodnykh organizatsij v kontekste nauchnoj diplomatii // RSMD [EHlektronnyj resurs]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/deyatelnost-mezhdunarodnykh-organizatsiy-v-kontekste-nauchnoy-diplomatii/?sphrase_id=85086501 (data obrashheniya:11.12.2021).
3. Dialog issledovatelej Arktiki // Roskongress [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://roscongress.org/sessions/iaf-2019-dialog-issledovateley-arktiki/discussion/#> (data obrashheniya:11.12.2021).
4. Istoriya Mezhdunarodnogo arkticheskogo foruma. Forum "Arktika – territoriya dialoga" - 2019 // TASS, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/info/6311191> (data obrashheniya:11.12.2021).
5. Kitaj v Arktike. Politika, strategii i vozmozhnosti dlya Alyaski // Roskongress [EHlektronnyj resurs] URL: <https://roscongress.org/materials/kitaj-v-arktike-politika-strategii-i-vozmozhnosti-dlya-alyaski/> (data obrashhenie:11.12.2021).
6. Krasnova G.A. Nauchnaya diplomatiya v sovremennom mire: ucheb.-metod. materialy № 9/2021/Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.:NP RSMD, 2021. S.6 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf> (data obrashheniya:11.12.2021).
7. Krasnova G.A., Rajnkhart R.O., SHakirov O.I., Solov'ev D.B. Novye gorizonty nauchnoj diplomatii v Rossii: Doklad № 63/2020 / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). – M.: NP RSMD, 2020. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-Diplomacy-Report63.pdf> (data obrashheniya:11.12.2021).
8. Pervaya sovmetnaya kitajsko-rossijskaya ehkspeditsiya na Severnyj polyus prinesla plodotvornye rezul'taty // Russian.China.org.cn. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-10/19/content_39638975.htm (data obrashheniya:11.12.2021).
9. Prazdnovanie 10-letiya Assotsiatsii tekhnicheskikh universitetov Rossii i Kitaya // UArctic [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ru.uarctic.org/novosti/2021/4/prazdnovanie-10-letiya-assofiafii-tekhnicheskikh-universitetov-rossii-i-kitaya/> (data obrashheniya:11.12.2021).
10. Prirodopodobnye tekhnologii dlya nuzhd Arktiki // Roskongress [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://roscongress.org/sessions/iaf-2019-prirodopodobnye-tekhnologii-dlya-nuzhd-arktiki/discussion/> (data obrashheniya:11.12.2021).
11. Rossiya i Kitaj proveli sovmetnuyu nauchnuyu ehkspeditsiyu v Arktike // TASS [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/5743156> (data obrashheniya:11.12.2021).
12. Soglasenie po ukrepleniyu mezhdunarodnogo arkticheskogo nauchnogo sotrudnichestva po Arktike vstupilo v silu // Ria Novosti [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20180523/1521147415.html> (data obrashheniya:11.12.2021).
13. Trenin D.V. Rossiya i Kitaj v Arktike: sotrudnichestvo, sopernichestvo i posledstviya dlya evrazijskoj bezopasnosti // Moskovskij tsentr Karnegi, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitaj-v-arktike-sotrudnichestvo-sopernichestvo-i-posledstviya-dlya-evrazijskoj-bezopasnosti/> (data obrashheniya: 11.12.2021).
14. CHistyakova A.N. EHkspeditsiya KNR v Arktiku. Istoricheskaya spravka: tseli, zadachi i itogi. Sbornik statej arkheologii Arktiki GКУ YANAU "Nauchnyj tsentr izucheniya Arktiki" Omsk, 2018. S. 126–134.
15. ASRTU Introduction // Association of Sino-Russian Technical Universities [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.asrtu.cn/en> (data obrashheniya:11.12.2021).
16. Bowman, Liz, Qingchao Xu. 2020. China in the Arctic: Policies, Strategies, and Opportunities for Alaska. Fairbanks: Center for Arctic Policy Studies. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.uaf.edu/caps/our-work/Bowman%20and%20Xu_2020_China%20in%20the%20Arctic_Final18Feb2020.pdf (data obrashheniya:11.12.2021).
17. Chinare 11 plan Xuelong 2 Arctic cruise [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://pag.arcticportal.org/documents/category/54-pag-march-2020> (data obrashhenie:11.12.2021).
18. International Siberian Shelf Study (ISSS) Expedition 2020 was organized by Pacific Oceanological Institute (POI) FEBRAS, in collaboration with Institute of Oceanology (IO) RAS and Stockholm University (SU) November 2020 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://pag.arcticportal.org/documents/category/55-pag-november-2020> (data obrashheniya:11.12.2021).
19. Introduction to UArctic – HIT Training Centre // UArctic-HIT-TC [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://uarctic.hit.edu.cn/international/11686/list.htm> (data obrashheniya:11.12.2021).
20. Lee J., Haupt J. Scientific globalism during a global crisis: Research collaboration and open access publications on COVID-19 // Higher Education. 24.07.2020. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10734-020-00589-0#citeas> (data obrashheniya:11.12.2021).
21. New frontiers in science diplomacy. London, The Royal Society, 2010. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (data obrashheniya:11.12.2021).

22. Nye S.J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y: Public Affairs, 2004. P.6-10
23. The Expedition in Numbers // MOSAiC [EHlektronnyj resurs]. URL: https://mosaic-expedition.org/wp-content/uploads/2021/02/mosaic_factsheet_expedition-in-numbers_engl.pdf (data obrashheniya:11.12.2021).
24. 北极问题研究编写组织. 北极问题研究 // 北京. (海洋出版社) (Organizatsiya arkticheskikh issledovaniy. Arkticheskie issledovaniya // Pekin. 2011. S. 281–285).
25. 郑泽民. 新时期中国特色科学外交政策创新 // 学习强国 . 中国社会科学报. 18.09.2021 (CHzhehn TSzehmin'. Nauchnye innovatsii vo vneshnej politike s kitajskoj spetsifikoj v novoj ehpoke // Vestnik obshhestvennykh nauk Kitaya) [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.xuexi.cn/lqpage/detail/index.html?id=2750762435918342658&item_id=2750762435918342658 (data obrashheniya:11.12.2021).
26. 肖洋. 北极科学合作：制度歧视与垄断生成 // 《国际论坛》2019年1期。DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2019.01.008 (Syao YAn. Nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike: institutsional'naya diskriminatsiya i sozdanie monopolij // Mezhdunarodnyj forum, 2019, № 1, S. 109–112).
27. 外交部北极事务特别代表高风：科学外交助力中国 参与北极事务 // 搜狐(Gao Fehn spetsial'nyj predstavitel' Ministerstva inostrannykh del po delam Arktiki: Nauchnaya diplomatiya pomogaet Kitayu uchastvovat' v delakh Arktiki // "Sokhu" inform.blog) [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.sohu.com/a/221411649_115124 (data obrashheniya:11.12.2021).

Информация об авторе

Фариза Фархатовна Сабитова, магистрант факультета политологии и государственного управления Уханьского университета, e-mail: sabitova_fariza@mail.ru

Information about the author

Fariza F. Sabitova, Master student of the Department of Political Science and Public Administration, Wuhan University, Wuhan, China, e-mail: sabitova_fariza@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.12.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 18.02.2022

Рецензия на книгу
УДК 336.018(045)
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/158-160

**Рецензия на монографию М.И. Роднова
"Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900–1917 годы"**

Сергей Дмитриевич Батищев,
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, batischew.sergey2015@yandex.ru

Аннотация. Дан краткий обзор и анализ монографии уфимского историка М.И. Роднова "Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900–1917 годы", в которой подводятся итоги многолетнего изучения автором монографии судеб дворянства Уфимского уезда Уфимской губернии второй половины XIX – начала XX в. Указываются особенности авторского стиля работы с источниками. Делается вывод о фактографичности насыщенности в раскрытии поставленной темы.

Ключевые слова: Уфимская губерния, дворяне-помещики, "омужичивание" дворянства

Для цитирования: Батищев С. Д. Рецензия на монографию М.И. Роднова "Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900–1917 годы" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 158–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/158-160

Book review
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/158-160

**Review of the monograph by M.I. Rodnov
"Ufa nobles-landowners at the sunset of the Empire. 1900–1917"**

Sergej D. Batishev
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia,
batischew.sergey2015@yandex.ru

Abstract. A short review and analysis of the monograph of the Ufa historian M.I. Rodnov "Ufa nobles-landowners at the sunset of the Empire. 1900–1917.". Specifies the features of the author's source style. The conclusion is made about the factographic saturation in the disclosure of the set topic.

Key words: Ufa province, noblemen-landowners, "homuzhichation" of the nobility

For citation: Batishev S. D. Review of the monograph by M.I. Rodnov "Ufa nobles-landowners at the sunset of the Empire. 1900–1917" // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 158–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/158-160

Михаил Игоревич Роднов на сегодняшний день является одним из наиболее плодотворно работающих уфимских историков. Что ни год, то очередная монография. 2020 не стал исключением. Монографическое исследование, которое мы вкратце разбираем, посвящено истории уфимских помещиков начала XX в.¹

Эта монография, по словам самого автора, "завершает цикл работ по истории дворянского помещичьего хозяйства Уфимского уезда Уфимской губернии с 1861 по 1917 г." (с. 6).

Дается краткий историографический обзор по истории дворянства и его хозяйственным практикам в последние годы существования Российской империи.

Из источников широко использованы справочники, адрес-календари, метрические книги, памятные книжки Уфимской губернии и другие источники, позволившие автору детализировать свой текст подробными генеалогическими сведениями.

Структура книги выстроена автором на основе изучения им "конкретных имений и их владельцев", производится своеобразная классификация "типажей" уфимских дворян-помещиков в начале XX в. В основу классификации положена хозяйственная деятельность (или ее отсутствие) владельцев дворянских имений.

В первой главе монографии "Дачники, мужики, маргиналы" автор уделяет внимание трансформации сословия уфимских помещиков на рубеже

---

¹ Роднов М.И. Уфимские дворяне-помещики на закате империи. 1900-1917 годы. /М.И. Роднов. Уфа: Альфа-Реклама, 2020. 176 с.

XIX–XX вв. Прежде всего акцент сделан на изменение содержания понятия "дача". Если в период расцвета дворянства под этим термином понималось крупное поместье со слугами, в котором велась активная хозяйственная деятельность, то в период общего упадка сословной группы содержание понятия приближается к современному нашему пониманию, как месту отдыха. М.И. Роднов вводит такой специфический термин как "дачефикация" (с. 13) для обозначения процесса "мельчания" функции "дач" и их размеров. Большинство дворян не имело возможности по тем или иным причинам (образовательным, финансовым и т.д.) успешно продвигаться по карьерной лестнице, но в их собственности продолжали оставаться земельные владения. Хотя в большинстве случаев они были небольшими. По мнению автора монографии, "наличие оставшейся от крепостной эпохи земельной собственности становилось важным фактором социальной ... деградации мелкого дворянства... Неумолимо надвигалось "омужичивание" мелкопоместного уфимского дворянства" (с. 14). Для топографической реконструкции дворянских поместий автор использует разного рода описи имущества, составленных в первые годы после революции на собственность дворян (с. 14–16). Также приводятся большие по объему выдержки из характеристик (опять же составленных уже после революции органами новой власти) на бывших помещиков, которые позволяют автору проследить на примере конкретных биографий судьбы сословия в целом, практики "вживания" в новую социальную реальность. Таким образом, исследователь, используя некоторые источники советского периода, несколько выходит за хронологические рамки своей работы, но определенная логика в этом есть, поскольку такой подход позволил сделать нарратив более ретроспективным. Первая глава насыщена генеалогическими подробностями некоторых семейств уфимских помещиков. Безусловно, эта одна из задач автора – проследить жизненный путь отдельных семейств, но для неподготовленного читателя такое обилие имен может показаться избыточным, поскольку "затемняет" аналитическую часть главы. Уже из этой первой главы видна особенность авторского стиля: обильное цитирование источников. Порой одна цитата занимает целую страницу (а то и больше), что тоже может вызвать некоторые нарекания, поскольку мы "теряем" автора на какое-то время и нужно будет приложить внимание, чтобы увидеть авторскую мысль.

Во второй главе "Цепляясь за прошлое", автор отслеживает изменения ментальности уфимских дворян-помещиков. В главе описаны разные практики обращения помещиков с землей. Многие из них предпочитали становиться рантье и жить за счет сдачи земли в аренду. Другие привыкли жить "по-барски" и вести хозяйство соответствующим образом, то есть традиционными способами, не используя современные технологические новинки, и такие поместья держались, как отмечает автор монографии, "исключительно на любви хозяина к сельскому (барскому) образу жизни" (с. 50). То есть некоторые из помещиков любили "первозданную" деревенскую идиллию и не хотели с ней расставаться, поэтому довольствовались мизерным доходом от своей земли. Как бы сейчас сказали, в них не было предпринимательской жилки. На отдельных биографических примерах М.И. Роднов замечает "социокультурный разрыв в воспитании молодёжи, в передаче сословных традиционных ценностей на третьем поколении" (с. 54). Речь в данном случае идёт о том, что дети обедневших дворян-помещиков наравне с простым людом работали на поле добывая хлеб насущный, и тем самым проходил процесс, который автор обозначал в первой главе, – "омужичивание" дворянских родов. Ещё одним возможным способом добыть себе средства к существованию "стала торговля землёй, особенно с 1890-х гг., когда по железной дороге в край хлынули переселенцы. В наибольшей степени это наблюдалось в восточной, предгорной, лесной части Уфимского уезда, малонаселённой, где собственникам приходилось даже заниматься рекламой, зазывая покупателей" (с. 58). Далее автор приводит примеры к этому своему тезису, желающие могут с ними ознакомиться. Но несмотря на разнообразные практики обращения с поместной землей уфимскими помещикам, по выводу М.И. Роднова, "все варианты выживания лишь продлевали неизбежный процесс ухода этой архаичной формы хозяйствования" (с. 64).

В третьей главе, которая получила название "Сквозь бутылочное горлышко", автор рассматривает те немногочисленные крупные поместья, кото-

рые смогли относительно благополучно пережить общий упадок помещичьего хозяйства и стали формировать агробизнес. Как отмечает автор, "сохранившиеся крупные дворянские поместья являлись идеальной основой для создания передового бизнеса" (с. 65). Акцент сделан на том, что агробизнесом стали интересоваться представители городских кругов, которые готовы были инвестировать в эти предприятия, развивать их, получать прибыль. И далее на конкретных примерах автор описывает формирование и развитие крупного агробизнеса, в основе которого лежали дворянские поместья в Уфимской губернии.

Четвертая глава полностью посвящена отдельно взятому дворянскому роду: "Дети-наследники (род Кугушевых)". Тут, как ясно из названия главы, прослеживаются биографические сведения и генеалогические связи представителей этой семьи, а также судьбы сельских поместий им принадлежавших. Описываются технологические новшества, которые в эти хозяйства внедрялись. Приводятся цифровые ряды, которые будут интересны специалистам по аграрной истории, по доходности хозяйств, ассортименту и количеству выращиваемых культур и т.д. По тексту главы идут "вклейки" планов некоторых поместий со всеми хозяйственными постройками.

В заключении автор подводит выводы по своей работе. При сплошном изучении метрических книг он пришел к мнению, что "представители старого уфимского дворянства смотрелись как реликты древних времён, что ясно осознавали современники" (с. 148). Происходила ассимиляция дворянства в среде других классов. Некоторые дворянские семьи могли успешно приспосабливаться к новым социальным и экономическим условиям, определенную роль в этом мог играть "фактор свежей крови", когда в семью входил энергичный представитель из более бедных социальных групп, который обладал предпринимательскими способностями и возглавлял хозяйство" (с. 150). Но в большинстве своем дворянство уступало, так сказать, в ведении бизнеса представителям других сословий.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является фактографичность в раскрытии темы. Но из-за этого, на взгляд рецензента, работа носит во многом описательный характер с небольшими теоретическими вкраплениями. В качестве небольшого замечания можно указать и на то, что автор по тексту своей работы позволяет прибегать к неакадемической лексике, использованию просторечных выражений (например, "смылся за границу" (с. 140)), что в научном тексте странно видеть.

Несмотря на небольшие недостатки, работа М.И. Роднова представляет интерес для специалистов по аграрной истории Урала и Уфимской губернии, в частности. Ее можно рекомендовать всем, кто интересуется подобными вопросами.

Информация об авторе

Сергей Дмитриевич Батищев, аспирант Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Information about the author

Sergei D. Batishchev, Postgraduate Student, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Рецензия на книгу

УДК 327

DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/161-166

Геополитические интересы Китая в Евразии. Новые партии на пространстве Великой шахматной доски

Иван Николаевич Золотухин

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на работу Дэниэля С. Марки "Западный горизонт Китая. Пекин и новая геополитика Евразии". Автор предлагает пищу для размышлений относительно геополитических планов Китая в западной части евразийского Римленда (Южная Азия, Центральная Азия и Ближний Восток). В упомянутых регионах автор акцентирует внимание на отношении Китая с ключевыми для его интересов государствами, каждое из которых на сегодняшний момент достигло во взаимодействии с Пекином беспрецедентного уровня.

Ключевые слова: геополитика, Евразия, Римленд, Южная Азия, Центральная Азия, Ближний Восток, безопасность

Для цитирования: Золотухин И. Н. Геополитические интересы Китая в Евразии. Новые партии на пространстве Великой шахматной доски // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 161–166. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/161-166

Book review

DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/161-166

China's Geopolitical Interests in Eurasia. New Games on the Space of the Great Chessboard

Ivan N. Zolotukhin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Abstract. The article reviews the book of Daniel S. Markey «China's Western Horyzon. Beijin and the New Geopolitics of Eurasia». The author introduces the reader to the analysis, speculations and forecasts concerning China's geopolitical plans in the western part of the Eurasian Rimland, which includes South Asia, Central Asia and the Middle East. The author draws attention to the China's relations with the states which are significant for its interests and are currently experiencing an unprecedented level of interaction with Beijing.

Key words: geopolitics, Eurasia, rimland, South Asia, Central Asia, Middle East, Indo-Pacific, Asiatic Mediterranean, security

For citation: Zolotukhin I. N. China's Geopolitical Interests in Eurasia. New Games on the Space of the Great Chessboard // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 161–166. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/161-166

Весомое влияние в глобальных хозяйственных процессах, научно-технические достижения и растущий военно-политический потенциал способствовали превращению Китая в ведущего международного игрока и важный мировой центр, что обусловило значительный интерес исследователей к внешнеполитическим устремлениям Пекина.

В процессе своего развития Китай столкнулся с серьёзными вызовами, оказавшими влияние на формирование его международной идентичности; особенно трагичными страницами китайской истории стало "столетие унижений", подорвавшее тысячелетние устои самовосприятия Поднебесной как центра мира. Достигнув статуса одного из мировых лидеров, Китай демонстрирует готовность развивать международное сотрудничество на паритетных началах, стремление к взаимовыгодным отношениям и уважению суверенных прав других государств, тем самым противопоставляя своё видение мирового порядка действиям Запада, нацеленным на экспансионизм и расширение "жизненного пространства".

В то же время усиление Китая способно привести к непредсказуемым последствиям глобального масштаба, особенно это касается географических ареалов Евразийского континента со сложным историческим прошлым и высокой степенью конфликтности, где кроются риски для самой Поднебесной, особенно в случае реализации ею своих геополитических планов. Тем самым осознание и предвидение действий Пекина, влияющих на трансформацию региональных экономических и политических трендов, имеет ключевое значение для понимания контуров новой евразийской геополитики.

Монография профессора Школы перспективных международных исследований при Университете Джона Хопкинса¹ (г. Балтимор, США) Дэниэла С. Марки "Западный горизонт Китая. Пекин и новая геополитика Евразии" [4], посвящена имеющим стратегическое для внешнеполитических задач Пекина значение территориям, где китайское доминирование не столь очевидно по сравнению с Восточной Азией и которые характеризуются высоким уровнем политической нестабильности. Присутствие Китая в Центральной Азии, его южноазиатская политика и участие в делах региона Большого Ближнего Востока вызывает обеспокоенность крупных геополитических игроков – России, США, Евросоюза, Индии, Турции. Вместе с тем, западное направление является объектом пристального внимания со стороны китайского руководства, поскольку с ним связана реализация инициативы "Пояса и Пути" (ИПП), а также необходимость предотвращения дестабилизации в СУАР.

Работа состоит из шести глав, посвящённых различным проблемам, связанным с геополитическими интересами Пекина, прежде всего, в западных регионах Евразии. Отмечая особую значимость евразийского пространства для китайских интересов, автор стремится показать слабые и сильные стороны геополитики Китая в расширении горизонтов своего влияния в Центральной Азии, Южной Азии и на Ближнем Востоке, выражая опасения в неконструктивном для безопасности в Евразии характере отношений Пекина с рядом политических режимов. Отдельно в работе затрагивается аспект американо-китайской геополитической конкуренции.

В первой главе – "Китай и новая геополитика Евразии", автор, демонстрируя вовлечение Поднебесной в экономику государств, прилегающих к ее западным рубежам, отмечает, что за официально провозглашаемыми Пекином принципами дружбы, искренности, взаимовыгоды кроются корыстные мотивы. Многочисленные китайские вложения и кредиты в инфраструктуру соседних стран, также как экспорт китайских информационных технологий и телекоммуникаций направлены на расширение геополитического влияния Пекина в ключевых для него регионах Евразии. Параллельно Китай обеспокоен стабильностью и безопасностью вблизи своих западных границ, где проживает значительная часть неханьского мусульманского меньшинства, что мотивирует его на антитеррористическое сотрудничество в рамках ШОС². В последние годы китайские спецслужбы обращают внимание на Сирию, где тысячи уйгуров присоединились к ИГИЛ и другим террористическим организациям.

Марки указывает на то, что евразийские инициативы Китая могут принести ему не только выгоды от новых рынков, природных ресурсов, сделок с оружием, транзитных коридоров, портов и партнёрств в сфере безопасности, но и вызовы из-за необходимости расплываться за присутствие в регионах со сложной палитрой взаимоотношений. В построении сценариев расширения влияния в Евразии Китаю будет сложно обойти вниманием враждебность между Пакистаном и Индией, историческое доминирование России в Казахстане и межконфессиональное соперничество между Ираном и Саудовской Аравией. Ошибки Пекина в реализации геостратегических планов обернутся обострением конфликтов, конкуренции и нестабильности в западной части Евразии, в то время как успехи укрепят его глобальные амбиции, что придаст новый импульс геополитическому соперничеству Америки с Китаем. В условиях возросшей способности Китая блокировать или переделывать американские политические инициативы в Евразии, Вашингтону придётся расширять спектр стратегических средств избирательной и дифференцированной конкуренции с евразийским гигантом, принимая во внимание восприятие последнего со стороны его соседей.

¹ Профессором данной Школы был Збигнев Бжезинский, автор термина "Великая шахматная доска", под которым подразумевается Евразия как объект геополитических интересов США.

² Шанхайская организация сотрудничества – межправительственная региональная структура, функционирующая с 1996 г., которая занимается вопросами безопасности, политического, экономического, культурного сотрудничества. На сегодняшний момент её членами являются 9 государств: Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан.

Вторая глава монографии посвящена глобальным устремлениям Пекина. В ней автор рассматривает как Китай посредством экономических, политических, технологических и дипломатических рычагов усиливает свои позиции во внутренних районах Евразии, что даёт ему возможность не только расширить диапазон доступа к глобальным центрам производства энергии, природных ресурсов и внешним рынкам, но и продвигать приемлемые для себя условия и правила игры. Маршируя на Запад, Китай ориентирован на осуществление масштабной континентальной экономической интеграции, параллельно укрепляя инструменты своего регионального и глобального дипломатического влияния, соизмеримого с его экономическим и коммерческим присутствием. Характеризуя глобальные интересы Пекина, автор приводит мнение китайского исследователя Янь Сюэтуна, который считает, что для Китая важно с помощью экономических и иных стимулов показать другим государствам возможность беспроигрышного варианта сотрудничества с ним и побудить их выбрать нейтральную позицию между Китаем и США [5, p. 182]. В дальнейшем, убедив их в значимости концепции "Сообщества общей судьбы человечества"³, Китай может деликатно навязать им военное сотрудничество.

В главе особо отмечается тот факт, что стратегическим и идеологическим интересам Пекина соответствует следование принципам невмешательства во внутренние дела других государств, что помогает китайскому руководству отражать критику своей внутренней политики, особенно его репрессивной практики в области прав человека, а также противопоставлять миролюбие Китая действиям США. С другой стороны, по мере того, как Китай становится все более могущественным, что позволяет ему политически влиять на небольшие страны, имеющие ключевое геополитическое положение, он постепенно отходит от строгого толкования принципа невмешательства [3, p. 5]. Однако Пекин проявляет настойчивость, прежде всего, в защите китайских зарубежных активов, инвестиций и рабочих, не вмешиваясь в региональные конфликты, если это не сулит ему выгоды. Автор задаётся вопросом, как поведет себя богатый, сильный Китай с гораздо более широким кругом зарубежных интересов и точек влияния, если эти интересы окажутся под угрозой [4, p. 23], предполагая, что китайские инициативы, вероятно, будут варьировать от построения гибких отношений до активного подкупа и принуждения. В силу этого следует уделять больше внимания пониманию того, что Китай замышляет в Евразии, и каковы вероятные последствия его деятельности.

Автор сетует на то, что большинство американских политиков и исследователей, занимающихся внешней политикой, лишь недавно начали осознавать новые реалии глобальной игры Китая, особенно степень его вовлеченности в континентальную Евразию, которая видится китайским стратегам не просто сухопутным мостом к поставкам и рынкам энергоносителей, а сферой влияния, способной обеспечить статус сверхдержавы. В последующих главах объясняется влияние политических и экономических реалий ряда государств Южной Азии, Центральной Азии и Ближнего Востока (в том числе их различий в понимании Китая как внешнего партнера) на формирование геостратегических возможностей Пекина, что впоследствии упоминается автором в рекомендациях по стратегии и политике США в Евразии.

В главе 3 – "Конфликты в Южной Азии", автор затрагивает вызовы геополитическим планам Китая по выходу в Аравийское море, отмечая, что, несмотря на грандиозные экономические проекты, как, например, китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), Пекину будет сложно распространить своё экономическое, политическое и военное влияние в регионе, где две ядерные державы противостоят друг другу.

Оказывая Пакистану экономическую и военную помощь, Китай рискует столкнуться со сложно предсказуемыми последствиями, что заставляет его придерживаться линии поведения, направленной на недопущение эскалации вооруженного конфликта между Исламабадом и Нью-Дели. Одной из причин,

³ Предложенная в ноябре 2012 г. Си Цзиньпином концепция, провозглашающая взаимозависимость всех стран и народов в современном мире, необходимость взаимовыгодного сотрудничества, основанного на равноправных отношениях и взаимоуважении, а также предполагающая стремление к созданию единого, всеобъемлющего, стабильного пространства для безопасности [6]. Противники концепции называют её эвфемизмом китайского глобального доминирования.

усугубляющей положение дел в региональной геополитической игре, автор считает сложную внутривосточную обстановку в Пакистане, с которой корпоративное и безответственное правительство не в состоянии справиться, что ставит под удар не только реализацию совместных экономических проектов с Китаем, но и китайско-пакистанские отношения в целом. Политическая нестабильность в Пакистане способна вынудить Китай на более активные действия по защите своих активов и жизни своих граждан, что может повлиять не только на дальнейшее ухудшение внутривосточной обстановки в южноазиатской стране, но и на перспективы нормализации отношений между Индией и Пакистаном, что, в свою очередь, вызовет повышение градуса напряженности между Китаем и Индией.

Лучшим сценарием для южноазиатской периферии Евразии автор видит сбалансированный подход Китая к ситуации вокруг конфликтов в регионе, что подразумевает выполнение им функции стабилизатора пакистано-индийских отношений при параллельном китайско-индийском сближении по стратегическим вопросам. Расширение китайского присутствия в Южной Азии, какими бы ни были намерения Китая, приведёт к формированию новой геополитической реальности с высоким уровнем напряженности, что станет очередным испытанием для глобальных интересов США.

В отличие от Южной Азии, конфликтный потенциал центральноазиатского региона, издревле считавшегося "перекрёстком цивилизаций", через который шла сухопутная торговля между Востоком и Западом, не столь высок. В современном мире Центральная Азия сохраняет высокий транзитный функционал, а природные ресурсы региона привлекают внимание иностранных инвесторов. Однако в регионе сохраняются условия геополитического противостояния, о чём говорится в главе "Уязвимые места Центральной Азии". Возможную дестабилизацию региональных отношений автор связывает с активным вовлечением Китая в сложную палитру отношений постсоветского пространства путём значительных вложений в добычу природных ресурсов, а также в транспортную и коммуникационную инфраструктуру Центральной Азии. Действия Китая ставят под удар интересы России, которая долгое время была доминирующим игроком в регионе.

Опорным пунктом китайского влияния в Центральной Азии автор определяет Казахстан, где, в отличие от Пакистана, более стабильная внутривосточная ситуация. В то же время, казахстанское руководство также как и пакистанское, стремится использовать китайские ресурсы, чтобы укрепить свою власть внутри страны, что, по мнению автора, ставит авторитарный режим в Нур-Султане, выступающий за сохранение суверенитета и поддерживающий отношения с конкурентами Китая, в ещё большую зависимость от Пекина. Попытки России привлечь Казахстан на свою сторону путем интеграции в единое экономическое пространство и через членство в ОДКБ⁴ не вызывают противодействия со стороны Китая. Конфликт с Россией не входит в долгосрочные геополитические цели Пекина, продолжающего улучшение и углубление связей с Нур-Султаном.

В главе 5 – "Ближневосточный клубок противоречий", затрагиваются ключевые аспекты взаимодействия Китая с Ираном и Саудовской Аравией, государствами, соперничество между которыми определяет характер геополитических процессов в регионе. В интересах Китая развивать сотрудничество с обоими ближневосточными игроками с целью обеспечить себя бесперебойными поставками нефти и создать прочную базу своего присутствия в регионе на долгосрочную перспективу. Китай становится основным инвестором и главным торговым партнёром Ирана, что не мешает ему создавать совместные с саудовцами механизмы координации в области торговли, инвестиций, энергетики и развития новых технологий [2, р. 4].

В то же время финансовые и технические возможности Китая заставляют Тегеран и Эр-Рияд конкурировать за расположение последнего ради достижения собственных геополитических интересов. Каждая сторона стремится

⁴ Организация договора о коллективной безопасности – созданная в 1992 г. межправительственная структура, целью которой является укрепление мира и безопасности на постсоветском пространстве. На сегодняшний момент в неё входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан.

ся заручиться поддержкой Китая, нуждаясь не только в его экономической, но и военно-политической поддержке, однако Пекин не позволяет втянуть себя в обоюдное противостояние, продолжая выступать против вражды между Тегераном и Эр-Риядом, а также за мир и стабильность на всей территории Ближнего Востока, что является важным условием реализации его инвестиционных проектов.

Вместе с тем, в Эр-Рияде, несмотря на углубление китайско-саудовского сотрудничества, по-прежнему отдают предпочтение партнерству с Вашингтоном, а для Ирана одной из причин сближения с Китаем стала внешняя угроза со стороны США. Тем самым, констатируя факт роста китайского влияния на Ближнем Востоке, начавшийся после окончания холодной войны, автор подчеркивает фактор США как силы, сдерживающей китайские амбиции, хотя постепенно уступающей свои позиции в регионе.

Затрагивая интересы Китая вокруг геостратегического потенциала прилегающих к нему регионов, автор не мог не перейти в плоскость американо-китайского соперничества в Евразии, чему посвящена **шестая глава**. Вашингтону предстоит выбор оптимальной стратегии в отношении Китая, усиливающего позиции в континентальной части Евразии. Здесь автор рассматривает различные варианты евразийской политики США, диапазон которых варьирует от признания за Китаем сферы влияния в западной части континента как менее важной для Вашингтона по сравнению с Индо-Пацификой, до "избирательной конкуренции" (предполагающей обличение слабых сторон китайской модели экономического роста и вбивание клиньев между Пекином и его евразийскими партнёрами) и даже оказания военно-технической поддержки региональным державам перед лицом возможной китайской угрозы. Тем самым показано, что США готовы проявить гибкость, конкурируя с Китаем в западной части Римленда⁵.

Вместе с тем автор подчеркивает, что действия США должны учитывать желание Пекина обеспечить мир вблизи своих западных рубежей, и это сулит надежду на то, что китайские и американские цели в области безопасности в континентальной Евразии будут совпадать. В то же время поддержка Пекином автократий и репрессивных режимов может привести к серьёзным разногласиям двух держав на евразийском пространстве. Здесь американским политикам необходимо выработать дифференцированный подход для каждого государства и субрегиона, досконально изучить их изнутри, постоянно проводить мониторинг внутривнутриполитической обстановки, а также отношения местного правительства и населения к Китаю. Словом, США придётся предпринять усилия в продвижении альтернатив прокитайской ориентации.

В монографии отчётливо прослеживается мысль о превращении Китая в опасного конкурента для США, который, развивая беспрецедентный по масштабам уровень сотрудничества с государствами Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока, отстаивает свои интересы в стратегически значимых зонах западной части евразийского Римленда. Автор не сомневается, что Китай обладает возможностями достичь преимущества в геополитической игре против США, прежде всего, умело используя экономический потенциал, дабы ослабить позиции конкурентов и противостоять вероятности давления на свои западные рубежи. В то же время, усиление Китая в сложных с точки зрения безопасности регионах Евразии способно усугубить накал внутривнутрирегиональных противоречий и ударить бумерангом по геополитическим амбициям Пекина. Для Вашингтона важно принимать во внимание ошибки своего конкурента и не допустить эрозии американского влияния по периметру Евразии.

Несмотря на присутствующие в суждениях автора алармизм и субъективные оценки, ему удалось затронуть ряд щекотливых и острых вопросов современной геополитики. Написанная на основе привлечения и анализа богатого фактического материала, данная работа может быть интересной как для специалистов-международников, так и для широкого круга читателей.

⁵ Римленд – береговая зона Евразии. Термин введен в научный оборот Н. Спикманом в работе "The Geography of Peace". Спикман полагал, что контроль над Римлендом является ключом к мировому господству (см., например [1]).

Литература

1. Bordonaro F. Rediscovering Spykman – the Rimland, Geography of Peace and Foreign Policy // Exploring Geopolitics. 2009. May [Электронный ресурс]. URL: https://exploringgeopolitics.org/Publication_Bordonaro_Federico_Rediscovering_Spykman_Rimland_Geography_Peace_Foreign_Policy/ (дата обращения: 18.02.2022).
2. Dongmei Chen. China's Belt and Road Initiative and Saudi Vision 2030: A Review of the Partnership for Sustainability. 30 p.
3. Duchâtel Mathieu, Brauner Olivier, and Zhou Hang. Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift away from Non- Interference // SIPRI Policy Paperю 2014. N 41. June. 72 p.
4. Markey Daniel S. China's Western Horyzon. Beijin and the New Geopolitics of Eurasia. Oxford University Press, 2020. 313 p.
5. Xuetong Yan. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Volume 7. Issue 2. P. 153–184.
6. Xi's world vision: a community of common destiny, a shared home for humanity // Xinhua. January 15. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0115/c90000-9167028.html> (дата обращения: 18.02.2022).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bordonaro F. Rediscovering Spykman – the Rimland, Geography of Peace and Foreign Policy // Exploring Geopolitics. 2009. May [EHlektronnyj resurs]. URL: https://exploringgeopolitics.org/Publication_Bordonaro_Federico_Rediscovering_Spykman_Rimland_Geography_Peace_Foreign_Policy/ (data obrashheniya: 18.02.2022).
2. Dongmei Chen. China's Belt and Road Initiative and Saudi Vision 2030: A Review of the Partnership for Sustainability. 30 p.
3. Duchâtel Mathieu, Brauner Olivier, and Zhou Hang. Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift away from Non- Interference // SIPRI Policy Paperyu 2014. N 41. June. 72 p.
4. Markey Daniel S. China's Western Horyzon. Beijin and the New Geopolitics of Eurasia. Oxford University Press, 2020. 313 p.
5. Xuetong Yan. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Volume 7. Issue 2. P. 153–184.
6. Xi's world vision: a community of common destiny, a shared home for humanity // Xinhua. January 15. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0115/c90000-9167028.html> (дата обращения: 18.02.2022).

Информация об авторе

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, zolvnik@mail.ru

Information about the author

Ivan N. Zolotukhin, Candidate in Political Science, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Сообщение
УДК 336.018(045)
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/167-170

**Теоретические семинары кафедры международных отношений
Дальневосточного федерального университета**

Анатолий Михайлович Кузнецов,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Для цитирования: Кузнецов А. М. Теоретические семинары кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 167–170.
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/167-170

Message
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/167-170

**Theoretical seminars of the Department of International Relations
of the Far Eastern Federal University**

Anatolij M. Kuznetsov,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

For citation: Kuznetsov A. M. Theoretical seminars of the Department of International Relations of the Far Eastern Federal University // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 167–170. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/167-170

В рамках года науки и технологий на кафедре международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ были проведены несколько научных семинаров, на которых рассматривались актуальные общенаучные проблемы, включая теорию международных отношений. В мае 2021 г. обсуждалась популярная сегодня формула *коллективные идентичности*, которые получили некое объективированное значение: социальное, государственное, региональное и даже глобальное. Однако, такой подход к проблемам, стоящим за этими конструктами, представляется слишком упрощенным, на что обратили внимание, например, Р. Брубейкер и Ф. Купер [1]. Сам автор этой концепции американский психолог Э. Эриксон рассматривал идентичность как момент личностного (индивидуального) развития во взаимодействии с обществом, но не смешивал эти два уровня. Корректное исследование с применением этого концепта представил С.В. Чугров в своей монографии. Поскольку идентичность – это представления конкретных индивидов по различным вопросам, то сначала производятся соответствующие опросы, результаты которых затем обобщаются. Таким образом мы можем узнать, что думают участники опроса, но это будут мнения о социуме, государстве, регионе и т.д. именно этих конкретных людей [4]. Однако остается еще вопрос: а почему эти люди так думают или отвечают? Для ответа на него необходимо перейти на другой исследовательский уровень, собственно коллективный. Это понимали, например, представители французской исторической школы Анналов, введя категорию *менталитет* как обозначение некоторых массовых представлений, бессознательных в своей основе. Не ставя перед собой такой задачи, в это проблемное поле вышел и американский исследователь Э. Саид, установивший различия в описании Переднего и Ближнего Востока англичанами, американцами и французами (концепция ориентализма). Еще раньше эту проблему явлений коллективного порядка рассмотрел С.М. Широкогоров в концепции психоментального комплекса (1935 г.).

С развитием новых технологий появилась возможность сделать выводы "гуманитариев" о существовании особого коллективного уровня ментальных представлений, отличного от индивидуальных идентичностей, более доказуемыми. Речь идет о результатах, полученных в начале 1990-х гг. нейро/когнитивными науками, связанными с исследованиями активности мозга. Одним из достижений этого направления можно считать гиперсетевую теорию созна-

ния К.В. Анохина, основанную на понятиях когнитивного и нейронных сетей. В общем контексте нейро/когнитивных наук возникли и такие отрасли, как социальная и культурная нейронаука. Появление первой из них связывается с именем Д. Качиоппо (Чикагский университет), второй – Д. Цяо (Северо-западный университет США). Несмотря на разные названия, обе эти дисциплины сходным образом трактуют феномен разума, связывая его не только с деятельностью мозга, но и влиянием факторов внешней среды – социальной или культурной.

Представленный подход актуализировал на новом уровне идею о взаимосвязанности внешних факторов, активности мозга и результатов такого взаимодействия и активности, воплощенных в действиях людей, предлагаемых идеях, создаваемых артефактах и т.д. Подобные идеи вызвали интерес у разных специалистов социально-гуманитарной сферы, обусловивший появление таких новых субдисциплин, как нейроэкономика, нейросоциология, нейрополитология, нейроархеология и других. Речь здесь идет о том, что еще раньше в философской традиции, восходящей к И. Канту, а затем уточненной К. Марксом, получило категоризацию как *опредмечивание* и *распредмечивание*. Говоря другими словами, мышление и другие когнитивные функции воплощаются в результатах нашей деятельности, а потому мы можем снова их экстерииоризировать на основе анализа поведения, разных предложений и артефактов. Результаты исследований русской волшебной сказки В.Я. Проппа и мифов американских индейцев К. Леви-Стросса, а также нашего выдающегося медеевиста А.Я. Гуревича наглядно подтверждают такой вывод. В то же время предлагаемый подход демонстрирует ущербность существующих трактовок "коллективных идентичностей", так как они подменяют реальность разных видов среды, в которых мы существуем, представлениями о них отдельных индивидов. Следовательно, идея о необходимости интеграции исследований деятельности мозга и ее различных результатов представляет сегодня самый передовой фронт науки и имеет под собой вполне серьезные основания.

Поскольку этот синтез еще только начинается, то на современном этапе исследований очень актуальной представляется проблема разработки теоретико-методологических оснований интеграции традиционной "гуманитаристики" с нейро/когнитивными науками. Примечательно, что один из ведущих российских специалистов в области исследований мозга К.В. Анохин в своем докладе на Baltic Forum: Neuroscience, Artificial Intelligence and Complex Systems снова поставил вопрос о первоочередной необходимости создания *теории сознания* (разума). Но, как было подчеркнуто, создать такую теорию без ответа на вопросы: "Как это [сознание, разум] возникло? Откуда мы пришли?" - невозможно. Однако решить проблемы такого уровня самостоятельно, без участия гуманитариев сами нейро/когнитивные специалисты не в состоянии.

К сожалению, в России и сама социально/культурная нейронаука и, тем более, задача ее интеграции с дисциплинами собственно социально-гуманитарного цикла еще не стали предметами широкого обсуждения. Однако появление той же работы Н.Е. Копосова показывает, что такая необходимость давно назрела [2]. Актуальность представленной проблематики стала очевидной для меня при работе над монографией по проблемам полидисциплинарной теории международных отношений. В процессе подготовки ее 3-й части этой "Антропология международных отношений" стало очевидным значение достижений нейро/когнитивных наук для адекватного понимания современных проблем международных отношений. О том, что даже в этой достаточно консервативной сфере случился подобный прорыв, наглядно свидетельствует монография американского специалиста М. Холмса [5].

С учетом всех указанных обстоятельств, на семинар 11 ноября 2021 г. была вынесена проблема "Современные нейро/когнитивные науки и гуманитаристика: что они могут дать друг другу?" К участию в семинаре были привлечены представители ведущих центров в гуманитарной сфере: Д.М. Бондаренко, член-корреспондент РАН, заместитель директора по науке Института Африки РАН; В.Ц. Головачев, к.и.н., заместитель директора по науке Института востоковедения РАН; С.В. Чугров, д.с.н., МГИМО, ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Политическое исследование"; В.В. Гаврилов, д.ю.н., директор Юридической школы ДВФУ; А.Л. Лукин, к.п.н., заместитель

директора по науке ВИ-ШРМИ ДВФУ. Другую сторону, т.к. из-за технического сбоя не смогла принять участие Н.Н. Шушарина – к.п.н., директор Центра нейротехнологии и машинного обучения Балтийского федерального университета, представлял только В.А. Ключарев – к.б.н., директор Лаборатории когнитивных исследований НИУ Высшая школа экономики. На обсуждение семинара были вынесены доклады А.М. Кузнецова – профессора кафедры международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ "Жизненный мир человека как фактор развития разума и формирования оснований социально-культурной нейро/когнитивной науки его исследований"; Н.С. Розова – профессора НГУ, главного научного сотрудника Института философии и права СО РАН "Генезис перемещаемости языка и "тотальности" сознания в модели коэволюции забот и структур" и Р.И. Дремлюги, к.ю.н., заместителя директора по развитию Юридической школы ДВФУ "Нейронаука и уголовное право".

В своем докладе А.М. Кузнецов развил идею социо/культурной нейронауки о связи активности мозга с телесностью человека и окружающей средой. Он кратко осветил основные этапы био/социальной и социо/культурной эволюции, подчеркнув их тесную взаимосвязь. По мнению докладчика, использование подходов и данных нейронауки, в частности, различий в деятельности мозга представителей индивидуалистских и коллективистских общностей, "западных" и "восточных" обществ и т.д. подтверждают выводы С.М. Широкогорова, Э. Саида и других "гуманитариев". В то же время, гуманитарии могут предоставить своим коллегам из нейронаучной сферы важную для них эволюционную картину развития наших разумных возможностей, позволяющую понять возможности мозга и ментальные особенности людей на разных этапах исторического развития. Кроме того, специалистам в нейро/когнитивной сфере гуманитарии могут предоставить более полную информацию об их испытуемых, что позволит им не оперировать такими мало определенными категориями, как "восточный" или "западный".

Понятно, что появление человека и его разума было тесно связано с развитием языка. Проблеме происхождения языка посвящена монография Н.С. Розова, основные положения которой стали основой его доклада [4]. В нем он представил ключевые понятия своей концепции: *фундаментальные* (безопасность, každодневное пропитание, сексуальность, родительство и все, что связано со статусом, престижем, репутацией, членством в группе себе подобных и т. д.) и *коммуникативные заботы*. Появление таких забот связано с изменением техноприродных ниш и создаваемых ими издержек, что обуславливало необходимость обновления таких ниш и социальных порядков. Ответом на такие издержки – вызовы стали обеспечивающие структуры (анатомическая, психофизиологическая, поведенческая, ментальная). В качестве факторов, вызвавших потребность в языке, Н.С. Розов выделил регулирование доступа к еде и поддержание общения. Понятно, что все это обеспечивалось активной сознательной деятельностью. Общий смысл его концепции можно сформулировать как преодоление языкового рубикона в глубокой древности, а затем дальнейшего развития языка на разных исторических этапах.

В докладе Р.И. Дремлюги был поставлен вопрос о вызове со стороны нейро/когнитивных наук современной юриспруденции, в частности, такой ее отрасли, как уголовное право. Этот вызов обусловлен открытием того факта, что мозг человека принимает решение раньше, чем мы сознательно приходим к нему. Отсюда возникает проблема свободы воли, на которой основаны многие современные концепции и практики. Тогда Д.М. Бондаренко задал вопрос: "А не возвращаемся ли мы снова к концепции Ламброзо, согласно которой человек рождается преступником?" В свою очередь, В.В. Гаврилов увидел в сказанном грустный сценарий. Он как специалист-международник раньше считал, что есть некие универсальные, общепринятые нормы и правила, а теперь оказывается, что все мы изначально мыслим и воспринимаем все по-разному. И осталась ли тогда какая-то общая основа для развития? Е.С. Юрченко обратила внимание, что человек является не только разумным существом, но в нашей жизни огромную роль играет еще и явление бессознательного. Поэтому свобода воли – это большая проблема.

В своем выступлении В.А. Ключарев снова отметил различия в доказательности, препятствующие интеграции наших научных областей. В его сфере – нейробиологии не приветствуются широкие обобщения, как у гума-

нитариев. Все строится только на доказательных фактах. Поэтому у него возникает вопрос к нашему сообществу: а как это можно проверить? Но в то же время он признал, что специалисты нейро/когнитивных наук только недавно открыли для себя *разнообразие* в своей области и вынуждены отказаться от мысли, что, если у всех людей мозг в целом одинаково устроен, то и мыслить они должны одинаково. Очень показательно отреагировал на это признание Н.С. Розов: ему то, как философу, надо объяснять не столько разнообразие, сколько те ситуации, когда мы демонстрируем что-то общее.

Таким образом, наши семинары, с одной стороны, наглядно продемонстрировали, что передний край современной науки, даже в случае с той же идентичностью, замыкается на человеке, наших способностях к взаимодействию с окружающим миром и его осмыслению. Прежние подходы к анализу многих проблем были ограничены либо исследованиями мозга, либо разных результатов его деятельности. Понятно, что и в том, и другом случае мы имеем дело с явлениями высокого и даже сверх высокого уровня сложности. Не случайно, тот же мозг по своему строению сопоставляется с космосом. Тем не менее, мы подошли к тому рубежу, преодолеть который мы сможем, если не обеспечим интеграцию нейро/когнитивных и гуманитарных наук. Обеспечить необходимый синтез может только серьезная теоретико-методологическая основа, важной составляющей которой являются принцип сложности и его имплементация при анализе сложных систем с учетом фактора разнообразия..

Литература

1. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
2. Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 236 с.
3. Розов Н.С. "Происхождение языка и сознания: как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности". Новосибирск: Манускрипт, 2022. 356 с.
4. Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. 312 с.
5. Holmes M. *Face-to-Face Diplomacy. Social Neuroscience and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Brubejker R., Kuper F. *Za predelami identichnosti // Ab imperio*. 2002. № 3. S. 61–115.
2. Kuposov N. E. *Kak dumayut istoriki*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 236 s.
3. Rozov N.S. "Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya: kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti". Novosibirsk: Manuscript, 2022. 356 s.
4. Chugrov S.V. *Yaponiya v poiskakh novej identichnosti*. M.: Vostochnaya literatura, 2010. 312 s.
5. Holmes M. *Face-to-Face Diplomacy. Social Neuroscience and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. В англоязычной версии списка литературы («References») описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russian). Порядок расположения публикаций в списке литературы и «References» идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и «References», доступен на сайте журнала.
10. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
11. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
12. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
13. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2022 № 1 (60)

Подписано к печати 02. 03. 2022 г. Вышло в свет 21. 03. 2022 г, формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,45. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

ASIAE NOVA
DESCRIPTIO